МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Сердюков Игорь Александрович

Евразийская интеграция в архитектуре Большой Евразии: проблема наднациональной субъектности

Специальность 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

Кандидат исторических наук, доцент

Лапенко Марина Владимировна

Москва, 2026

Содержание

Введение 3

Глава 1. Теоретико-методологическое обоснование места и роли ЕАЭС в формировании Большой Евразии 26

1.1 Ограниченность применения европейских подходов к исследованию евразийской интеграции 26

1.2 Взаимозависимость процессов регионализации и интеграции на евразийском пространстве 43

1.3 Евразийская интеграция как ключевой драйвер формирования Большой Евразии 58

Глава 2. Достижения и проблемы наднационального строительства в ЕАЭС 77

2.1 Политизация повестки ЕАЭС: контент-анализ стратегических документов 77

2.2 Евразийская интеграция как фактор повышения устойчивости национальных государств к глобальным и региональным рискам 89

2.3 Завершенность формирования общих рынков как показатель успешности наднационального строительства ЕАЭС 102

Глава 3. Расширение евразийской интеграции как инструмент построения пространства Большой Евразии 117

3.1. Международная деятельность ЕЭК и ее роль в развитии ЕАЭС 117

3.2. Параметры акторности ЕАЭС в мировой политике: возможности и пределы наднационального представительства 136

3.3 Институциональные форматы и ограничения расширения ЕАЭС: потенциал и риски для построения Большой Евразии 154

Заключение 175

Список использованных источников и литературы 181

Приложения 235

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальной трансформацией современной системы международных отношений, которая характеризуется переходом от западоцентричной модели мироустройства к полицентричной конфигурации. Мировая политика последних десятилетий отмечена нарастающей фрагментацией международной системы, что проявляется в кризисе прежних институтов глобального управления и актуализации процессов регионализации.

Ключевыми задачами Российской Федерации как одного из ведущих субъектов мировой политики и ключевого регионального актора в Евразии являются обеспечение национальной безопасности и устойчивого развития, которые не могут быть реализованы без уделения должного внимания развитию международно-политических процессов на пространстве Евразии.

Действительно, в актуальной Концепции внешней политики Российской Федерации от 2023 года указывается, что Российская Федерация намерена уделять значительное внимание двум аспектам евразийской интеграции: «углублению отвечающих интересам России интеграционных процессов…» и «формированию в долгосрочной перспективе интегрированного экономического и политического пространства в Евразии» [1].

В настоящих условиях Евразийский экономический союз представляется одним из наиболее перспективных международных институтов, в рамках которого могут быть реализованы указанные концептуальные направления внешней политики России. Например, Президент Российской Федерации В.В. Путин заявляет, что «именно на такой

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail–material–page/1860586/ (Дата обращения: 30.10.2026)

справедливой и равноправной основе [как ЕАЭС – *прим. И.С.*] должно выстраиваться взаимодействие в новом многополярном мире» [2].

Вместе с тем развитие евразийской интеграции сталкивается с проблемой, которая остается недостаточно исследованной в политической науке. Речь идет о проблеме наднациональной субъектности – способности интеграционного объединения выступать в качестве самостоятельного актора международных отношений.

В отличие от Европейского союза, где наднациональность получила институциональное закрепление и стала предметом многолетних теоретических дискуссий, Евразийский экономический союз до настоящего времени не приобрел качеств полноценного наднационального субъекта. Более того, сама категория наднациональности в контексте евразийской интеграции остается предметом острых научных дискуссий: одни исследователи отрицают наличие у ЕАЭС наднациональных характеристик, рассматривая его как интеграционный институт межправительственного характера, другие указывают на наличие отдельных элементов наднациональности, не образующих, однако, целостной системы.

Актуальность исследования определяется также тем, что проблема наднациональной субъектности приобретает особое звучание в контексте сопряжения евразийской интеграции с китайской инициативой «Одного пояса – одного пути» и формирования пространства Большой Евразии. В этих условиях вопрос о том, может ли евразийское интеграционное объединение выступать в качестве самостоятельного субъекта формирующейся архитектуры Большой Евразии, или же оно остается инструментом продвижения интересов отдельных государств-членов, приобретает не только теоретическое, но и практическое политическое значение.

---

[2] В.В. Путин. Пленарное заседание Евразийского экономического форума. // Сайт Президента России – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77302 (Дата обращения: 30.10.2026)

Степень научной разработанности темы исследования. Исходя из обозначенной актуальности темы, в настоящем диссертационном исследовании представляется необходимым обратиться к анализу научных работ, которые с одной стороны позволяют оценить достигнутый уровень концептуализации проблемы, а с другой – выявить исследовательские лакуны, требующие дальнейшего научного осмысления.

Проблема применимости теорий и концепций, построенных на исследовании европейской интеграции, к анализу процессов в других регионах мира, стала одной из предпосылок формирования теоретико-методологических школ, известных как «новый регионализм» и «сравнительный (компаративный) регионализм». Фундаментальный вклад в изучение процессов регионализации в международных отношениях внесли А.Д. Воскресенский, А.А. Байков, В.О. Кротков, Р.Д. Гребнев, В.А. Бутенко, Ш. Мохаммади, М.М. Агазаде, Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев, В.В. Грицай и Д.С. Злыденко[3].

Значимыми для данного исследования являются вопросы наднациональности и международной политической субъектности международных институтов и негосударственных институтов. В данной области следует отметить исследования Е.В. Фролова, В.С. Изотова,

[3]Воскресенский А.Д. Регионализация в современных международных отношениях / А.Д. Воскресенский // Политическая география: Современная российская школа: Хрестоматия / А.Д. Воскресенский – Москва: ООО Издательство “Аспект Пресс”, 2022. – С. 125–146.; Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии: научное издание / А.А. Байков. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 253 с.; Кротков В.О. Идентификация тенденций современных международных отношений: формирование новой субъектности / В.О. Кротков // Постсоветский материк. – 2022. – № 2 (34). – С. 12–20; Гребнев Р.Д. Теоретические и методологические аспекты регионализации многополярного мира / Р.Д. Гребнев // Век глобализации. – 2023. – Т. 47. – № 3. – С. 78–89; Бутенко В.А. Регионализация и “новый” регионализм / В.А. Бутенко, Ш. Мохаммади // Право и политика. – 2020. – № 7. – С. 105–111; Агазаде М.М. Постсоветский регионализм на перепутье / М.М. Агазаде, Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев // Постсоветские исследования. – 2023. – № 3. – С. 341–351; Грицай В.В. Новая Европа: современное состояние и перспективы регионализма / В.В. Грицай, Д.С. Злыденко // Философия права. – 2022. – № 4 (103). – С. 48–55.

Н.Н. Гнатюка, О.М. Мещеряковой, А.А. Чебан, И.В. Болговой и Ю.А. Никитиной, Е.Ю. Терещенкова[4].

Стоит также обратить внимание на работы авторов, занимающихся проблематикой двусторонних и многосторонних отношений на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ). Данная проблематика освещена в исследованиях М.И. Кротова, С.М. Шахрая, Г. Солахяна, Н.П. Медведева, Ж. Кембаева и С.М. Маркедонова[5].

Отдельно необходимо отметить литературу, посвященную анализу места и роли государств-участников ЕАЭС в интеграционных процессах на евразийском пространстве. В рамках данной проблематики следует отметить

---

[4] Фролов Е.В. Роль наднациональных органов интеграционных объединений в развитии международных отношений в Евразийском регионе // Управленческое консультирование. – 2014. – №10. – С. 15-20.; Изотов В.С. Идеология наднациональных политических пространств и интеграционное сознание. Постановка проблемы и сравнительный анализ ЕС и ЕАЭС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2018. – Т. 20. - №2. – С. 154-166.; Гнатюк Н.Н. Международная политическая субъектность ЕС: критерии оценки // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2014. – №2(26) – С. 109-116.; Гнатюк Н.Н. Международная политическая субъектность ЕС в контексте дихотомии агента и структуры // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2015. – №1(31) – С. 82-91.; Мещерякова О.М. Наднациональность в Европейском Союзе и принципы действия коммунитарного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. - 2011. - №4. - С. 172–179.; Чебан А.А. Политическая субъектность транснациональных цифровых корпораций // Вестник Московского государственного областного университета. – 2023. – №1. – С. 105-121.; Болгова И.В., Никитина Ю.А. Евразийский экономический союз между интеграцией и суверенитетом // Современная Европа. – 2019. – №5(90) – С. 13-22.; Терещенко Е.Ю. Надгосударственность и суверенитет в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18 – №3. – С. 74-91.

[5] Кротов М.И. Распад СССР и Беловежское Соглашение в исторической памяти / М.И. Кротов // Проблемы современной экономики. – 2021. – Т. 80. – № 4. – С. 6–11; Шахрай С.М. Мифология распада СССР: Мифология распада СССР / С.М. Шахрай, С.Н. Станских // Журнал российского права. – 2010. – Т. 1. – № 157. – С. 127–137; Солахян Г. Эволюция евразийских интеграционных процессов на постсоветском пространстве: дисс… к.полит.н. [Текст] / Г. Солахян – Ереван, 2020. – 552 с.; Медведев Н.П. Этнополитическая регионалистика СНГ / Н.П. Медведев // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 76–82; Kembayev Z. Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post–Soviet Area / Z. Kembayev. – Text: digital – Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 2009. – URL: http://link.springer.com/10.1007/978–3–540–87652–6 (Date accessed: 26.08.2026); Маркедонов С.М. Постсоветское пространство: распад или сохранение? / С.М. Маркедонов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2017. – Т. 2. – № 8. – С. 9–16.

труды таких исследователей как: З.А. Дадабаева, Г.А. Погосян, Ш.А. Саргисян, Д.В. Голубичный, М.В. Мясникович, А. Можейко, С.Н. Алпысбаева, О. Шегирбаев, Е. Досымхан, Д.Э. Аскарбеков, С.Д. Багдасарян, В.Н. Сченснович, Ю.А. Давыдова, Е.В. Каргаполова, В.И. Булва и А.К. Бобров[6]. Общая оценка исторического развития евразийской интеграции в XXI веке через призму страновых предпочтений государств-участников ЕАЭС дана в коллективной работе Д.В. Малышева, К.П. Курылева и Д.В. Станис[7].

---

[6] Дадабаева З.А. О роли взаимодействия с ЕАЭС в экономическом развитии Таджикистана / З.А. Дадабаева // Мир перемен. – 2026. – № 2. – С. 68-87.; Погосян Г.А. Перспективы евразийской социально–экономической интеграции (взгляд из Армении) / Г.А. Погосян // Социальные новации и социальные науки. – 2022. – № 2(7). – С. 22–30; Sargsyan Sh.A. Scientific cooperation between Armenian and the EAEU: reality and development trends / Sh.A. Sargsyan, A.R. Mirzoyan, A.A. Manukyan et al. // Scholarly Research and Information. – 2019. – Vol. 2. – № 1. – P. 6–18.; Голубичный Д.В. Евразийский экономический союз и Европейский союз в геостратегии Республики Беларусь: автореферат дисс… к.полит.н. [Текст] / Д.В. Голубичный – Минск, 2020. – 22 с.; Мясникович М.В. Евразийский экономический союз: переосмысливая суверенный путь развития / М.В. Мясникович, В.С. Ковалев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 11–17; Можейко А. Интеграционный потенциал ЕАЭС / А. Можейко // Банкаўскі веснік. – 2021. – № 9. – С. 38–51.; Алпысбаева С.Н. Моделирование долгосрочных макроэкономических эффектов интеграции Казахстана в ЕАЭС / С.Н. Алпысбаева, Ш.Ж. Шунеев // Торговая политика. – 2018. – Т. 1. – № 13. – С. 11–22; Shegirbayev O. Kazakhstan within the Framework of the OTS and the EAEU: Comparative Analysis / O. Shegirbayev // Russia and New States of Eurasia. – 2024. – № 4. – P. 152–165; Dossymkhan Ye. Risks and prospects of Kazakhstan's participation in EAEU under the conditions of modern political situation / Ye. Dossymkhan, M. Dyussembekova // Journal of Philosophy, Culture and Political Science. – 2022. – Vol. 82. – № 4. – P. 102–111; Аскарбеков Д.Э. Кыргызстан ЕАЭБ: экономикалык кризистен өтүү шарттарынын келечеги жөнүндө / Д.Э. Аскарбеков, Н. Чыныбаева // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2023. – Т. 5. – № 50. – С. 222–230; Багдасарян С.Д. Стратегия национальной безопасности РФ в условиях евразийской интеграции и кризиса международных отношений / С.Д. Багдасарян, Т.М. Гришина // Власть. – 2024. – № 3. – С. 40–46; Сченснович В.Н. Проблемы интеграции государств Центральной Азии и Иран / В.Н. Сченснович // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 3. – С. 97–109; Давыдова Ю.А. Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции / Ю.А. Давыдова, Е.В. Каргаполова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – № 2 (40). – С. 51–59; Булва В.И. Сетевая дипломатия России в Евразии: от ЕАЭС к Большому Евразийскому партнерству / В.И. Булва, А.К. Бобров // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2025. – Т. 25. – № 2. – С. 177–190.

[7] Курылев К.П. Страновое измерение процессов евразийской интеграции в СНГ / К.П. Курылев, Д.В. Малышев, Д.В. Станис // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 1. – С. 119-128.

Вопросы международных отношений, развития международного сотрудничества Евразийского экономического союза, анализ позиции ЕАЭС в глобальной и региональной системе международных отношений, в том числе в условиях современной геополитической ситуации, получили освещение в работах Г. Баласаняна, К.Е. Коктыша и А.В. Ренард-Коктыша, Ю.А. Харламовой, Н.В. Федорова, А.Л. Болониной[8]. В работах И.В. Лесковой, Д.А. Парфенова и Л.В. Адамской проводится анализ развития евразийского пространства с учетом особенностей российской политики и конкуренции в построении Большой Евразии со стороны Китая[9]. Вопросы расширения сотрудничества ЕАЭС с третьими странами и регионами получили развитие в работах З.А. Дадабаевой (Центральная Азия) и В.А. Чмыревой (Латинская Америка, Монголия, Турция), а также в совместной работе Д.В. Малышева, К.П. Курылева, Н.Г. Смолика и Д.В. Станис (Индия)[10].

---

[8] Баласанян Г. В преддверии 10–летия подписания “Большого договора” о создании ЕАЭС: новые вызовы и новые возможности // Вестник Ереванского университета: Международные отношения, Политология. – 2023. – № 14. – С. 16–23; Коктыш К.Е. Актуальные вызовы и перспективы Евразийской экономической комиссии как переговорной площадки / К.Е. Коктыш, А.В. Ренард–Коктыш // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2024. – № 1. – С. 155–168; Харламова Ю.А. Борьба за Евразию в фокусе транспортных геостратегий: монография / Ю.А. Харламова. – Москва: Научно–издательский центр ИНФРА–М, 2020. – 219 с.; Федоров Н.В. Роль цифровизации в диалоге ЕАЭС И АСЕАН / Н.В. Федоров // Сравнительная политика. – 2023. – № 4. – С. 31–44; Болонина А.Л. Политические аспекты “непризнания” ЕАЭС Европейским союзом / А.Л. Болонина // Современная Европа. – 2021. – № 1. – С. 200–208.

[9] Лескова И.В. Евразийская интеграция и реинтеграция России: вызов неолиберальному миропорядку на основе традиционных ценностей / И.В. Лескова, Д.А. Парфенов, Л.В. Адамская // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15 – № 1. – URL: https://esj.today/PDF/83ECVN123.pdf (Дата обращения: 04.10.2026); Лескова И.В. Большая Евразия: Россия или Китай / И.В. Лескова, Д.А. Парфенов, Л.В. Адамская // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16 – № 2. – URL: https://esj.today/PDF/46ECVN224.pdf (Дата обращения: 04.10.2026).

[10] Дадабаева З.А. Факторы возможного присоединения к ЕАЭС Таджикистана и Узбекистана / З.А. Дадабаева // Геоэкономика энергетики. – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 100-113.; Чмырева В.А. ЕАЭС в Латино-Карибской Америке: проблемы и возможности для трансграничного партнерства / В.А. Чмырева // Общество и экономика. – 2026. – № 3-4. – С. 182-199.; Чмырева В.А. Евразийско-монгольское сотрудничество: новые возможности и вызовы для России / В.А. Чмырева // Общество и экономика. – 2025. – № 1. – С. 72-84.; Чмырева В.А. Турецкий фактор на пространстве ЕАЭС: конкурентное сотрудничество с позиции интересов России / В.А. Чмырева // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2025. – Т. 19, № 3(53). – С. 137-147.; Сотрудничество Индии с ЕАЭС и ШОС /

Отечественные авторы и авторы из государств-участников ЕАЭС в большинстве своем, позитивно оценивают идеи евразийства, евразийской интеграции, ее достижения и перспективы. Взгляды зарубежных экспертов относительно данной проблемы значительно варьируются. Такие исследователи, как М. Насибов, Д. Лэйн и Е.Д. Парлар, М. Пайпер и Дж. Манкофф сходятся во мнении о гегемонистических целях российского участия в евразийской интеграции [11] . Ли Юнцюань рассматривает евразийскую интеграцию и Большое евразийское партнерство как «новый подход к внешней политике, разрушающий традиционные концепции, придающие значение только отношениям с США и Западом»[12]. С.Р. Аббас в своей работе рассматривает ЕАЭС и геополитику России как ключевые стабилизирующие и наиболее перспективные факторы развития евразийского пространства [13] . М. Ларуэль также посвятила ряд работ исследованию евразийской идеологии и роли России, российской исторической, политической и идеологической мысли в ее формировании и развитии[14].

Вопросы взаимодействия наднациональных политических институтов и негосударственных акторов поднимаются в диссертационной работе

Д. В. Малышев, К. П. Курылев, Н. Г. Смолик, Д. В. Станис // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 11. – С. 115-124.

[11] Nasibov M. The agency of secondary states in post–Soviet Eurasian regionalism / M. Nasibov, A. Gawrich. – Text: digital // International Politics. – 2025. – URL: https://link.springer.com/10.1057/s41311–025–00704–x (Date accessed: 08.01.2026); Lane D. The Eurasian Project and Europe: Regional Discontinuities and Geopolitics. The Eurasian Project and Europe / D. Lane, V. Samokhvalov. – 1st ed. 2015. – London: Palgrave Macmillan UK, 2015. – 154 p.; Parlar Dal E. Russia in the Changing International System / E. Parlar Dal, E. Erşen. – Text: digital – Cham: Springer International Publishing, 2020. – URL: https://link.springer.com/10.1007/978–3–030–21832–4 (Date accessed: 08.01.2026). – Text : digital; Pieper M. The linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian economic union between Russia's defensive regionalism and China's new Silk Roads / M. Pieper // International Politics. – 2021. – Vol. 58. – The linchpin of Eurasia. – № 3. – P. 462–482.

[12] Li Y. The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? / Y. Li // Journal of Eurasian Studies. – 2018. – Vol. 9. – № 2. – P. 94–99

[13] Abbas S.R. Russia's Eurasian union dream / S.R. Abbas // Journal of Global Faultlines. – 2022. – Vol. 9. – № 1. – P. 33–43.

[14]Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire / M. Laruelle. – Washington: Johns Hopkins University Press, 2008. – 276 p.; Laruelle M. Accusing Russia of Fascism / M. Laruelle // Russia in Global Affairs. – 2020. – Vol. 18. – № 4. – P. 100–123.

белорусского ученого П.В. Юсупова[15]. Е.Ю. Трещенков выделяет особенность характера трансформации национального суверенитета, вытекающую из особенностей асимметричных отношений государств-участников ЕАЭС с Россией, и указывает на роль ЕАЭС как «одного из механизмов управления взаимозависимостями, сложившимися еще до его формирования»[16].

В работе О.Н. Радонежской дано описание международно-политического статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС[17]. Д.А. Белащенко, В.В. Толкачев и И.Ф. Шоджонов указывают на необходимость трансформации ЕАЭС в «некую экономико-политическую организацию», включающую элементы общей политики в области безопасности [18]. В.В. Огнева рассматривает наличие схожих национальных проблем у потенциальных партнеров ЕАЭС в качестве драйверов расширения состава государств, участвующих в интеграции [19]. М.В. Лапенко ввела в научный оборот определение «внешний контур ЕАЭС» и провела исследование роли и места Евразийского экономического союза, а также практической деятельности по его расширению[20].

---

[15] Юсупов П.В. Институты, механизмы и технологии взаимодействия власти и бизнес–сообщества в государствах–членах ЕАЭС: автореферат дис. … к. полит. н. / П.В. Юсупов. – Минск, 2025. – 29 с.

[16] Трещенков Е.Ю. Надгосударственность и суверенитет в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе / Е.Ю. Трещенков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2023. – № 3. – С. 74–91.

[17] Радонежская О.Н. Международно–политический статус государства — наблюдателя при ЕАЭС: проблемы и перспективы институционализации / О.Н. Радонежская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – № 4. – С. 96–113.

[18] Белащенко Д.А. Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве / Д.А. Белащенко, В.В. Толкачев, И.Ф. Шоджонов // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2020. – № 3. – С. 543–559.

[19] Огнева В.В. Евразийское пространство: тенденции трансформации, потенциал расширения партнерства / В.В. Огнева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – № 4. – С. 86–99.

[20] Лапенко М.В. Внешний контур ЕАЭС: потенциал расширения и поиск оптимальных механизмов взаимодействия / М.В. Лапенко // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. – 2016. – № 1. – С. 71–76; Лапенко М.В. Развитие евразийской интеграции: движение от “евразийской тройки” к

Существенный интерес представляет проблема влияния российско-украинского конфликта на перспективы развития евразийской интеграции. В данной проблемной области следует отметить работы Д.В. Малышева, Н.А. Коровниковой, В.В. Сутырина, Л.Э. Слуцкого, Н.И. Харитоновой и А.В. Гущина, Д.М. Мадияровой, Т.С. Малаховой и С.С. Жильцова[21].

Геополитические и геоэкономические аспекты формирования макрорегиона «Большой Евразии» проанализированы в работе Д.Г. Евстафьева[22]. Исследование динамики формирования пространства Большой Евразии в свете переформатирования мировой политической системы представлено в труде М.Л. Энтина и Е.Г. Энтиной[23]. Особенный интерес представляют работы С.С. Жильцова, в которых анализируются проблемы и достижения российской политики в отношении евразийского

континентальному Евразийскому партнерству / М.В. Лапенко // Постсоветские исследования. – 2018. – Т. 1. – № 8. – С. 746–755.

[21] Малышев Д.В. Страны Центральной Азии и украинский кризис: основные реакции / Д.В. Малышев // Постсоветские исследования. – 2026. – Т. 9, № 1. – С. 36-43.; Коровникова Н.А. ЕАЭС – интеграция в свете российско–украинского конфликта / Н. А. Коровникова // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. XXII Национальная научная конференция с международным участием Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения. – Москва, 2023. – С. 161–162.; Сутырин В. Спецоперация на Украине: последствия для ЕАЭС и континентальной интеграции / В. Сутырин – Текст: электронный // Валдай. Международный дискуссионный клуб. Аналитика. 2022. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/spetsoperatsiya–na–ukraine–posledstviya–dlyaeaes/ (Дата обращения: 21.01.2026); Слуцкий Л.Э. Вызовы и перспективы евразийской интеграции в меняющемся мире / Л.Э. Слуцкий // Статистика и экономика. – 2023. – № 3. – С. 46–55.; Харитонова Н.И. Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве / Н.И. Харитонова, А.В. Гущин // Постсоветские исследования. – 2023. – № 6 (6). – С. 597–609.; Мадиярова Д.М. Оценка современных позиций Казахстана и интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе на этапе формирования нового мирового порядка / Д.М. Мадиярова, Т.С. Малахова // Известия СПбГЭУ. – 2022. – № 2 (134). – С. 28–34.; Жильцов С.С. Политика России на евразийском пространстве в условиях конфронтации с Западом / С.С. Жильцов // Проблемы постсоветского пространства. – 2024. – Т. 11, № 4. – С. 270-283.

[22] Евстафьев Д.Г. Евразийская цивилизация: геоэкономические параметры концепции в условиях нового миропорядка / Д.Г. Евстафьев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – № 104. – С. 8–17.

[23] Энтин М.Л. Видимость или реальность ускорения процессов формирования Большой Евразии / М.Л. Энтин, Е.Г. Энтина // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – Москва, 2023. – С. 505–510.

пространства, исследуются проблемы и перспективы развития Большого евразийского партнерства; роль и влияние Китая на развитие евразийского пространства, а также проводится анализ ключевых документов, принятых государствами-участниками ЕАЭС [24] . Н.С. Пыжиков, Т.М. Алиев и В.Н. Живалов рассматривают евразийскую интеграцию как один из ключевых аспектов существования Большого евразийского партнерства и одну из альтернативных версий построения мирового порядка [25] . И.Ф. Кефели приходит к выводу о том, что ЕАЭС может стать центральной опорой формирования Большой Евразии[26]. Д.П. Новиков и А.П. Бочарова на основе сравнительного анализа российского и китайского дискурса делают вывод о различиях российского и китайского видения построения Большой Евразии, причем указывая на то, что Россия не обладает потенциалом для экстраполирования собственной повестки на китайскую академическую среду[27].

Таким образом, в отечественной и зарубежной литературе глубоко и полно исследованы различные аспекты евразийской интеграции, формирования ЕАЭС, Большой Евразии и Большого евразийского партнерства и роли интеграционных процессов в регионе. Тем не менее, проблема наднациональной субъектности ЕАЭС и перспектив формирования

---

[24] Жильцов С.С. Большое евразийское партнерство: итоги, проблемы и перспективы / С.С. Жильцов // Постсоветские исследования. – 2025. – № 4. – С. 425–435.; Жильцов С.С. Политика Китая в отношении Евразийского экономического союза / С.С. Жильцов // Проблемы постсоветского пространства. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 8-20. – DOI 10.24975/2313-8920-2026-13-1-8-20.; Zhiltsov S.S. Eurasian integration: analysis of the key documents adopted by the EAEU member states / S.S. Zhiltsov // Post-Soviet Issues. – 2025. – Vol. 12, No. 2. – P. 135–150.

[25] Пыжиков Н.С. Большое Евразийское партнерство и перспективы развития ЕАЭС / Н.С. Пыжиков, Т.М. Алиев, В.Н. Живалов // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № 4 (65). – С. 200–222.

[26] Кефели И.Ф. Геополитические аспекты инициатив и проектов формирования “Большого евразийского партнерства” / И.Ф. Кефели // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 3. – С. 65–76.

[27] Новиков Д.П. В поисках Евразии: сравнительный анализ экспертного и академического дискурсов о евразийском регионализме в России и КНР / Д.П. Новиков, А.П. Бочарова // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 3. – С. 25-40.

Большой Евразии в условиях развития евразийской интеграции остается не до конца решенной, а исследование особенностей развития евразийской интеграции и их влияния на перспективы формирования Большой Евразии в условиях ограниченной субъектности ЕАЭС в мировой политике представляет значительный научный интерес.

Объект исследования – евразийская интеграция как политический процесс, строящийся на институциональной базе ЕАЭС и формирующий региональное интеграционное пространство Большой Евразии.

Предмет исследования – соотношение внутренних механизмов наднационального строительства ЕАЭС (институты, общие рынки, стратегические документы) и внешних параметров его международной субъектности в мировой политике.

Цель исследования состоит в оценке перспектив формирования Большой Евразии с учетом развития наднациональной субъектности ЕАЭС в мировой политике и особенностей внутреннего институционального развития Союза.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **исследовательские задачи**.

1. Установить степень применимости классических и новейших европейских теорий интеграции к исследованию евразийской интеграции.
2. Выделить преимущества использования теоретических достижений регионализма в исследовании евразийской интеграции.
3. Определить место и роль ЕАЭС в формировании пространства Большой Евразии.
4. Проанализировать степень и динамику политизации повестки ЕАЭС и готовности стран обсуждать международно-политические вопросы.
5. Оценить успешность исполнения государствами-участниками заложенных в Договоре о ЕАЭС показателей по устойчивому развитию с учетом достижений и динамики строительства наднациональных институтов ЕАЭС.

6. Провести классификацию общих рынков в рамках Единого экономического пространства ЕАЭС по степени завершенности интеграции.

7. Выделить достижения и ограничения международной деятельности Евразийской экономической комиссии, а также охарактеризовать ее роль в расширении ЕАЭС.

8. Охарактеризовать ЕАЭС как субъект мировой политики с учетом его институциональных, международно-правовых и функциональных характеристик.

9. Дать оценку перспективам формирования Большого евразийского пространства применительно к особенностям развития ЕАЭС.

Ключевая гипотеза исследования состоит в том, что институциональная незавершенность наднациональных структур ЕАЭС, дефицит эффективности политики расширения интеграционного ядра и отсутствие превентивной системы управления дезинтеграционными рисками выступают факторами, блокирующими проектирование Большой Евразии на базе ЕАЭС в качестве жизнеспособного геополитического и экономического пространства.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2014 по 2026 год. Нижняя хронологическая граница обусловлена подписанием Договора о ЕАЭС в 2014 году. Верхняя хронологическая граница обусловлена окончанием первого периода стратегического планирования развития ЕАЭС, регулируемого документом «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».

Теоретико-методологическая основа исследования. Данное диссертационное исследование основано на комплексной теоретико-методологической базе, включающей как общенаучные методы познания, так и специальные методы исследования, характерные для политических наук.

Принципиально важными являются теоретические подходы научных школ «*нового регионализма*» и «*компаративного регионализма*». Их актуальность для политологического исследования обусловлена тем, что они,

во-первых, отстаивают позицию о субъектности региона в современных международных отношениях; во-вторых, принимают и защищают взгляд на политические процессы, ставящий в качестве фундаментального фактора мировых политических отношений «пространство», а не «территорию».

Данная работа также обращается к положениям теории «*глобального регионализма*», сформированной в рамках российской теории международных отношений (РТМО). Включение данной теории в теоретико-методологическое поле исследования актуально, так как пространство евразийской интеграции формируется под воздействием как традиционных, так и постмодерновых факторов мировой политики. На данном этапе Евразия является одним из наиболее влиятельных глобальных регионов благодаря своей роли в процессе переформатирования мировой политической системы в пользу установления многополярности и завершения периода доминирования западных стран и западной идеологии в мировой политике.

В рамках диссертационного исследования актуальны теоретические положения *цивилизационного реализма* и политико-философские концепции *неоевразийства* А.Г. Дугина. Цивилизационный реализм предоставляет ряд теоретико-методологических преимуществ: он критически анализирует западную идеологию, в том числе, политические идеи о мироустройстве, предлагает подход, рассматривающий регионы и цивилизации как самостоятельных субъектов мировой политики, и указывает на роль Евразии как пространства, основанного на принятии культурного, политического и мировоззренческого многообразия народов, населяющих и формирующих его. Политико-философская концепция неоевразийства является наиболее полным инструментом, помогающим понять наблюдаемое в евразийской интеграции стремление к выработке собственной мировоззренческой модели, учитывающей геополитические, цивилизационные, культурные и исторические особенности ее участников.

Сравнительный подход в рамках данного диссертационного исследования использовался для анализа показателей макроэкономической

устойчивости государств – участников ЕАЭС с целью определения эффективности наднационального регулирования институтов евразийской интеграции по реализации своих целей – обеспечению макроэкономической стабильности национальных экономик. *Институциональный подход* был использован, во-первых, для изучения институциональной структуры ЕАЭС в целях построения классификации сфер наднационального регулирования (общих рынков) и дальнейшего анализа уровня институционализации ЕАЭС, что, в свою очередь, использовалось для определения успешности внутреннего развития интеграции; во-вторых, для анализа уровня полномочий ЕЭК в сфере международных отношений ЕАЭС и определения механизма и структуры принятия решений по осуществлению международной деятельности ЕАЭС. *Контент-анализ* в сочетании со *сравнительным анализом* и *статистическими методами* использовался для анализа документов, публикуемых Высшим Евразийским экономическим советом и Евразийской экономической комиссией. Во-первых, проанализированы документы стратегического планирования развития евразийской интеграции на периоды до 2025 и 2030 годов, что позволило обнаружить тенденцию к включению международных вопросов и вопросов безопасности в евразийскую повестку. Во-вторых, был проведен анализ ежегодно публикуемых Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) документов «О международной деятельности ЕЭК». Контент-анализ данных документов позволил провести периодизацию международной деятельности ЕЭК на основании того, установлению сотрудничества с какими странами, регионами и международными организациями отдавался приоритет в тот или иной год работы комиссии.

Эмпирическую базу исследования можно разделить на несколько групп. Во-первых, комплекс международных соглашений, составляющих Право ЕАЭС, равно как и систему международных документов ЕАЭС, заключенных с государствами, не являющимися постоянными членами Союза, а также прочими международными организациями.

Во вторую группу относятся нормативные акты, разработанные и утвержденные различными международными организациями глобального и регионального уровня: БРИКС, Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Организацией Объединенных Наций (ООН), Содружеством Независимых Государств (СНГ), Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС)[28].

Третья группа составлена системой нормативно-правовых актов и иных правовых институтов, формирующих национальное право каждого из пяти государств – участников ЕАЭС[29]. В первую очередь – это нормативная база, регулирующая отдельные аспекты международных отношений, политическую, административную и экономическую сферы соответствующего государства.

К четвертой группе отнесены статистические данные, отчеты и доклады национальных, региональных и международных институтов: доклады и публикации Евразийского банка развития (ЕАБР), отчеты Евразийской экономической комиссии, база данных Статистического комитета СНГ, база

---

[28] Правовой портал ЕЭК // Евразийская экономическая комисссия – URL: https://docs.eaeunion.org/_layouts/15/error.aspx (Дата обращения: 12.05.2026); Саммиты и документы // Национальный комитет по исследованию БРИКС – URL: https://nkibrics.ru/pages/summit–docs (Дата обращения: 12.05.2026); Документы. // Организация Договора о коллективной безопасности – URL: https://odkb–csto.org/documents/?ysclid=lty4gbfpe9475410653 (Дата обращения: 12.05.2026); Документы. // Организация Объединенных Наций – URL: https://www.un.org/ru/our–work/documents (Дата обращения: 12.05.2026); Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств // Содружество Независимых Государств – URL: https://cis.minsk.by/reestrv2/?ysclid=lty43n1rlv253445826 (Дата обращения: 12.05.2026); Документы // Шанхайская Организация Сотрудничества – URL: https://rus.sectsco.org/documents/?ysclid=lty5ft0y14547724650 (Дата обращения: 12.05.2026).

[29] Министерство юстиции Республики Армения – URL: https://www.moj.am/ru/page/585 (Дата обращения: 12.05.2026); Национальный правовой интернет–портал Республики Беларусь – URL: https://pravo.by/ofitsialnoe–opublikovanie/novye–postupleniya/ (Дата обращения: 12.05.2026); Информационно–правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан – URL: https://adilet.zan.kz/rus (Дата обращения: 12.05.2026); Государственный реестр НПА // Министерство юстиции Кыргызской Республики – URL: https://cbd.minjust.gov.kg/notional–register–npa/ru (Дата обращения: 12.05.2026); Официальный интернет–портал правовой информации – URL: http://www.pravo.gov.ru/ (Дата обращения: 12.05.2026).

данных Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), отчеты и данные национальных статистических агентств[30].

Наконец, отдельным аспектом эмпирической базы являются публичные материалы, не вошедшие в предыдущие категории: материалы интервью и статьи лиц, принимающих решения, официальные заявления, материалы брифингов, пресс-релизы, информация публикационного характера на официальных веб-сайтах, в социальных сетях и мессенджерах, а также сообщения СМИ и информационных агентств[31].

Научная новизна исследования.

1. Автором сделано заключение о методологической ограниченности «классических» теорий интеграции для анализа процессов, происходящих в рамках евразийской интеграции. В работе делается вывод о предпарадигмальном состоянии «теории интеграции», характеризующемся наличием противоборствующих научных школ и отсутствии единой теоретической парадигмы. Для изучения процессов, происходящих в рамках ЕАЭС, предложен комбинированный подход, включающий положения нового регионализма и цивилизационного реализма.

---

[30] Аналитика // Евразийский Банк Развития – URL: https://eabr.org/analytics/ (Дата обращения: 12.05.2026); Статистика ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/ (Дата обращения: 12.05.2026); Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств – URL: https://new.cisstat.org/ (Дата обращения: 12.05.2026); Data centre // United Nations Conference on Trade and Development – URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/ (Дата обращения: 12.05.2026); Статистический комитет Республики Армения – URL: armstat.am (Дата обращения: 12.05.2026); Национальный статистический комитет Республики Беларусь – URL: https://www.belstat.gov.by/?ysclid=lty606h55q82980515 (Дата обращения: 12.05.2026); Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан – URL: https://stat.gov.kz/ru/ (Дата обращения: 12.05.2026); Национальный статистический комитет Кыргызской Республики – URL: https://stat.kg/ru/ (Дата обращения: 12.05.2026); Федеральная служба государственной статистики – URL: https://rosstat.gov.ru/ (Дата обращения: 12.05.2026).

[31] Новости. Портал Евразийской экономической комиссии – URL: https://eec.eaeunion.org/news/?ysclid=lty71tur5c99111380 (Дата обращения: 12.05.2026); Новости. Интернет–портал СНГ – URL: https://e–cis.info/news/ (Дата обращения: 12.05.2026); Новости в мире. Интерфакс – URL: https://www.interfax.ru/world/ (Дата обращения: 12.05.2026); Новости в России и мире. ТАСС – URL: https://tass.ru/ (Дата обращения: 12.05.2026); РИА Новости – URL: https://ria.ru/ (Дата обращения: 12.05.2026).

2. В исследовании выявлена тенденция к политизации повестки евразийской интеграции. Это выражается во включении в стратегические и рабочие документы ЕАЭС вопросов международно-политического и регионально-политического характера, тогда как в более ранние периоды государства-участники избегали политических вопросов и формулировок, концентрируя свое внимание преимущественно на проблемах экономического характера. При этом продемонстрировано, что позиция государств–партнеров России, заключающаяся в категорическом исключении вопросов, затрагивающих сферу политики, постепенно смягчается и рационализируется в соответствии с международной ситуацией.

3. В диссертационном исследовании прослежена эволюция международно-политической субъектности ЕАЭС от «полноправного субъекта мировой экономики» до полноценного и влиятельного актора международных отношений – «международной организации региональной экономической интеграции». Доказано, что международная позиция Евразийского экономического союза обладает значительным потенциалом, который может быть использован для институционального, географического и функционального расширения. При этом роль ЕАЭС как субъекта мировой политики служит механизмом внутренней институционализации ЕАЭС, а сама его субъектность – не следствие, а предварительное условие углубления и расширения евразийской интеграции.

4. Посредством контент-анализа и сравнительного анализа документов по стратегическим направлениям международной деятельности ЕАЭС построена хронология и двухэтапная периодизация внешнего контура евразийской интеграции. Первый, европейский этап, когда внимание уделялось установлению контактов с европейскими странами, и второй, азиатский, когда фокус международной деятельности сместился в сторону работы со странами Юго-Восточной и Восточной Азии. В настоящее время также наблюдается значительный интерес к международной работе с

ближневосточными странами, в первую очередь Ираном и ОАЭ, что может свидетельствовать о новом векторе внешних связей ЕАЭС.

5. Осуществлен сравнительный анализ дезинтеграционных тенденций экзогенного и эндогенного характера. Экзогенные тенденции существуют в силу возобновления политической активности внешних акторов, предлагающих альтернативные евразийской интеграции модели построения пространства в Евразии. Эндогенные причины выражаются в том, что достижения Союза в наднациональном строительстве нельзя назвать однозначно успешными.

Положения, выносимые на защиту.

1. Применение «классических» теорий интеграции имеет ряд методологических, теоретических и эмпирических проблем, что ограничивает их исследовательскую актуальность в условиях анализа политических процессов на постсоветском пространстве. Это продиктовано уникальностью исторических, политических и экономических характеристик евразийского пространства.

2. Исследование евразийской интеграции с применением теоретических положений региональных исследований имеет значительные преимущества, обусловленные взаимосвязью процессов глобализации и регионализации. Показано, что на евразийском пространстве процесс формирования «евразийского региона» был взаимосвязан с институциональным и политическим строительством евразийской интеграции в рамках Евразийского экономического союза.

3. На текущем этапе трансформации мировой системы существуют объективные препятствия для развития евразийской интеграции в качестве системообразующей основы Большой Евразии. Это связано с развитием альтернативных моделей устройства евразийского пространства, отсутствием у ЕАЭС закрепленной роли центрального регионального института и сомнительным потенциалом масштабирования интеграции. Таким образом, в современном виде Евразийский экономический союз сталкивается с рядом

препятствий на пути к тому, чтобы стать ключевым инструментом построения пространства Большой Евразии.

4. Государства-участники смягчают свою изначальную позицию по радикальному исключению международно-политических вопросов из повестки евразийской интеграции. За более чем 10 лет развития ЕАЭС государства перестали рассматривать Союз как исключительно экономический институт и признали его международную субъектность и международно-институциональную сущность. В ближайшем будущем имеется существенный потенциал к расширению полномочий и функционала Евразийской экономической комиссии путем включения таких вопросов, как экономическая и технологическая безопасность, обеспечение устойчивого, противодействие глобальным и региональным рискам. В свою очередь, это демонстрирует, что за время существования ЕАЭС государства-участники стали рассматривать его как устойчивый фактор их международных отношений, в том числе в вопросах экономической безопасности и противодействия глобальным рискам.

5. Анализ международной деятельности Евразийского экономического союза демонстрирует, что за время участия в Союзе государства-участники ЕАЭС стали в целом устойчивее как к внешним, так и к внутренним международно-политическим и стратегическим рискам. Благодаря расширению сфер регулирования ЕАЭС, углублению интеграционной кооперации и своевременному реагированию на возникающие проблемы (как в ситуации с пандемией COVID-19) сотрудничество в рамках ЕАЭС позволяет государствам адаптироваться к глобальным и региональным политическим и социально-экономическим рискам более эффективно, чем это было 10 лет назад. При этом продемонстрировано, что сами государства рассматривают евразийскую интеграцию как один из стабилизирующих факторов собственных международных отношений в рамках глобальной и региональной политической системы.

6. В исследовании отмечается, что на данный момент институциональное строительство ЕАЭС не завершено и имеет ряд проблем, проявляющихся в отставании от изначального плана по запуску ключевых для ЕАЭС институтов («общих рынков ЕАЭС»). На базе проведенной классификации институтов ЕАЭС по степени завершенности институционализации сделан вывод о том, что большинство общих рынков находится на промежуточной стадии с регулированием преимущественно на национальном уровне, и ни один из них – на наднациональном.

7. Приоритеты международной деятельности по установлению контактов и привлечению новых участников ЕАЭС и ЕЭК в разрезе регионов, стран и международных институтов обусловлены не столько логикой экономического прагматизма, сколько внутриполитическими и международно-политическими факторами. Во многом данная логика коррелирует с внешнеполитическим курсом Российской Федерации, приоритеты которой за первую четверть XXI века сместились с евроатлантического региона в сторону Восточной и Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока.

8. Евразийский экономический союз на сегодняшний день является полноценным субъектом мировой политики. Его субъектность определяется международным признанием, нормативно-правовой базой национального и международного уровня, а также функциональной деятельностью по установлению неформальных и институционализированных международных отношений с иными акторами региональной и глобальной международной системы. Несмотря на превалирование полномочий национальных политических акторов, задействованных в работе ЕАЭС, наднациональный уровень принятия решений также играет заметную роль в развитии Союза.

9. Евразийская интеграция имеет значительный потенциал стать основой формирования пространства Большой Евразии. Данный потенциал может быть реализован в полной мере при систематической деятельности национальных и наднациональных акторов по закреплению достижений

наднационального строительства, повышению международной привлекательности интеграции, донастройке механизма включения новых участников в состав ЕАЭС и устранении дезинтеграционных рисков в регионе. Продемонстрирована растущая привлекательность модели интеграции ЕАЭС. Доказано, что в данных условиях наиболее реальным сценарием в краткосрочной и среднесрочной перспективе формирования пространства Большой Евразии является расширение ЕАЭС при сопряжении проекта с иными континентальными инициативами.

Теоретическая значимость исследования. На концептуальном уровне показано взаимовлияние процессов регионализации и международной интеграции. Вклад в российскую политическую науку обусловлен определением детерминант (источников) дезинтеграционных процессов и их влияния на дальнейшее развитие ЕАЭС. В исследовании углублено политологическое понимание взаимовлияния процессов развития евразийской интеграции и формирования пространства Большой Евразии, что вносит вклад в разработку концепции макрорегионального конструирования и позволяет уточнить место ЕАЭС в архитектуре Большой Евразии как субъекта интеграционного процесса. Тем самым исследование отвечает на актуальный научный запрос политической науки на осмысление новых форм макрорегиональной организации политического пространства.

Практическая значимость исследования. Полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по теории международных отношений и политическому развитию евразийского пространства, а также по дисциплинам, исследующим международные организации и интеграционные процессы. Кроме того, приведенные в исследовании сценарии развития процессов евразийской интеграции, а также обозначенные проблемы и перспективы могут быть приняты во внимание национальными акторами и международными институтами, принимающими решения и задействованными в процессе развития евразийской интеграции: сотрудниками Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), Министерства

иностранных дел РФ (МИД РФ), Евразийского банка развития (ЕАБР), некоммерческими и негосударственными организациями.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены автором в шести научных статьях, три из которых опубликованы в журналах, входящих в списки рекомендуемых РУДН и ВАК[32].

Основные положения исследования были представлены на российских и международных научно-практических конференциях, среди которых: X Всероссийский конгресс политологов с международным участием «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития», 5-7 декабря 2024 г. (МГИМО (У) МИД России, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва); XII Всероссийская научная конференция «Внешнеполитические интересы России: история и современность», 26 апреля 2024 г. (Самарский государственный экономический университет); XI Ежегодная всероссийская научная конференция с международным участием «Россия и мир в первой четверти

---

[32] Сердюков И.А., Лапенко М.В. Евразийская интеграция в российской политической повестке: количественный анализ веб-сайтов политических партий / И.А. Сердюков, М.В. Лапенко // Постсоветские исследования. – 2024. – №1. – С. 50–60.

Сердюков И.А. ЕАЭС: достижения интеграции в социальной, культурной и научной сферах / И.А. Сердюков // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2025. – №4. – С. 108–116.

Сердюков И.А. Эволюция международных отношений ЕАЭС через призму стратегических документов ЕЭК / И.А. Сердюков // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – №12. – С. 296–300.

Сердюков И.А. Динамика развития совместных предприятий стран ЕАЭС в российской Федерации до и после начала СВО // Внешнеполитические интересы России: история и современность / Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции (24 апреля 2025г., г. Самара) – Самара: Самарама, 2025. – С. 198–204.

Сердюков И.А. Преимущества сравнительного подхода в исследовании интеграционных процессов // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития / Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием (05–07 декабря 2024г., г. Москва) – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2024. – С. 582–583.

Сердюков И.А. Проблемы и перспективы расширения ЕАЭС через призму международной деятельности // Россия и мир в первой четверти XXI века : политические итоги и перспективы / Материалы Всероссийской ежегодной конференции РАПН с международным участием (28-29 ноября 2025г., г. Москва) – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2025. – С. 641–643.

XXI века: политические итоги и перспективы», 28-29 ноября 2025 г. (Москва, Государственный университет управления).

Соответствие диссертации паспорту специальности. Представленная работа соответствует паспорту научной специальности 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»[33].

Структура и содержание диссертации соответствуют поставленным целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, основной части (трех глав) и заключения.

[33] Работа выполнена в рамках направлений исследований: «2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин»; «11. Международные организации»; «18. Евразийская интеграция. Политические аспекты Евразийской экономической интеграции. Российская Федерация и евразийская интеграция».

Глава 1. Теоретико-методологическое обоснование места и роли ЕАЭС в формировании Большой Евразии

1.1 Ограниченность применения европейских подходов к исследованию евразийской интеграции

В отечественном и зарубежном политологическом дискурсе выделяется отдельная теоретико-методологическая категория, описываемая термином «теория интеграции». На самом деле «теория интеграции» не является единой взаимодополняющей и внутренне согласованной *теорией*, но, скорее, *группой теорий*, концепций и методологий, разработанных различными авторами в различные временные промежутки и даже с точки зрения различных наук.

Наиболее точно положение *теории интеграции* было описано Джеймсом Капорасо еще в 1971 году как «предпарадигмальное состояние по Томасу Куну»[34]. Подобное же замечание в 1971 году сделал Джозеф Най, отметив неоднозначность (*confusing*) понятия «интеграция» [35]. С другой стороны, как отмечала в своей работе, основанной на комплексном анализе существующих научных подходов к исследованию международной интеграции, в 2023 году Н.А. Коровникова: «в академической среде до сих пор не сформировалось единого подхода к определению "интеграции" как в общем виде, так и в рамках разных научных дисциплин»[36]. Подобная ситуация в научной сфере, с точки зрения Томаса Куна, приводит к формированию противоборствующих «научных школ»[37], что мы и можем наблюдать сейчас в среде авторов, разрабатывающих интеграционную проблематику.

---

[34] Caporaso J.A. Theory and Method in the Study of International Integration / J.A. Caporaso // International Organization. – 1971. – Vol. 25. – № 2. – P. 228.

[35] Nye J.S. Peace in Parts: Integration and Conflict in Regional Organization: Peace in Parts: Integration and Conflict in Regional Organization / J.S. Nye, H. U. C. for I. Affairs. – Little, Brown, 1971. – P. 24.

[36] Коровникова Н.А. Теоретическое измерение международной интеграции: европейский ракурс / Н.А. Коровникова // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 12.

[37] Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; – Москва: АСТ, 2009. – С. 18-19.

Первые попытки теоретического осмысления международной интеграции возникли задолго до институционального оформления европейской интеграции в середине XX столетия. Уже в ранних политико-философских размышлениях о возможности устойчивого мира в Европе прослеживается стремление к поиску таких форм межгосударственного взаимодействия, которые позволяли бы преодолеть дестабилизирующую логику суверенного соперничества.

Интеграционные идеи постепенно приобрели более прикладное содержание в условиях послевоенной реконфигурации международной системы. Формирование Европейского объединения угля и стали в 1951 г. создало новую эмпирическую ситуацию, в которой интеграция перестала восприниматься исключительно как интеллектуальный проект и начала рассматриваться как реальный механизм трансформации межгосударственных отношений.

Одной из ранних теоретических рамок, в пределах которой предпринимались попытки интерпретировать интеграционные процессы, стала федералистская парадигма. Как указывает Н.А. Коровникова, «как сторонники, так и оппоненты европоцентричных взглядов сходятся во мнении, что теоретическое обоснование особенностей интеграционных процессов и структур в контексте современных кардинальных трансформаций мирового порядка целесообразно выстраивать, основываясь на структурированной теоретической базе, наработанной в ходе изучения и концептуализации интеграции европейского региона» [38] . Н.А. Коровникова теоретические подходы к международной интеграции систематизирует через разделение на классические европейские теории интеграции и новые концепции интеграционного развития, сформировавшиеся в условиях трансформации мирового порядка. Первая группа включает экономико-институциональные и

[38] Коровникова Н.А. Теоретическое измерение международной интеграции: европейский ракурс / Н.А. Коровникова // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 13.

политические модели (федерализм, функционализм, неофункционализм, интерговернментализм и др.). Вторая группа представлена современными направлениями анализа интеграции: либеральным интерговернментализмом (либеральный межгосударственный подход), супранационализмом, конструктивизмом и постфункционализмом. Последняя группа теорий учитывает институциональные, идейные и политико-социальные факторы интеграционных процессов и выстраивает свою эмпирическую базу преимущественно на анализе современных процессов европейской интеграции.

Федералистские идеи рассматривали интеграцию, прежде всего, как политический проект. Объединение государств в федеративное образование мыслилось не столько результатом постепенной экономической конвергенции, сколько сознательным институциональным актом, направленным на предотвращение вооруженных конфликтов и создание устойчивого политического порядка на европейском континенте. Подобное понимание интеграции во многом отражало интеллектуальную атмосферу послевоенной Европы, в которой поиск новых механизмов коллективной безопасности сочетался с попытками институционального ограничения национального суверенитета.

Более прагматичную трактовку интеграции предложил функционализм, связанный с работами Д. Митрани. В отличие от федералистских концепций, ориентированных на создание наднационального политического центра, функционализм исходил из иной логики межгосударственного взаимодействия. Интеграция с точки зрения функционализма развивалась не через одномоментное политическое объединение, а посредством постепенного расширения сотрудничества в отдельных технических и экономических сферах[39]. Предполагалось, что решение конкретных задач —

[39] Митрани Д. Функциональная теория политики: Теория и практика международных отношений: хрестоматия / Д. Митрани, пер. с англ. – М., 2002. – с. 85–102.

транспортных, энергетических, инфраструктурных — создает устойчивые транснациональные связи, которые со временем формируют более широкую сеть взаимозависимостей. Политическое измерение интеграции в такой модели выступало производным от накопления практик хозяйственного сотрудничества, что и позволяло рассматривать интеграцию как процесс, разворачивающийся в рамках функционального разделения компетенций между государствами и международными организациями.

Дальнейшее развитие этой исследовательской линии связано с формированием неофункционалистской теории интеграции. Наиболее влиятельная версия данного подхода была предложена Э. Хаасом, который попытался соединить функционалистскую логику постепенного расширения сотрудничества с анализом институциональной динамики интеграционных процессов. В центре его концепции оказался механизм «перелива» интеграции, обозначаемый термином «spillover». Предполагалось, что углубление сотрудничества в одной сфере неизбежно порождает потребность в координации смежных областей политики. Экономическое взаимодействие государств постепенно формирует давление со стороны заинтересованных групп — предпринимательских объединений, отраслевых организаций, бюрократических структур, — которые начинают рассматривать наднациональные институты как более эффективный механизм регулирования[40].

Наряду с политико-институциональными теориями значительное влияние на формирование интеграционных исследований оказали экономические концепции. Существенный вклад в их развитие внесли работы Я. Тинбергена и Б. Балаши. Тинберген предложил различать два принципиально разных измерения интеграции. Первое связано с устранением дискриминационных ограничений между экономиками государств,

[40] Haas E.B. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces: Library of world affairs / E.B. Haas. – Stanford University Press, 1958. – pp x-xi.

участвующих в интеграционном объединении. Второе предполагает формирование общих институтов регулирования, способных координировать экономическую политику на наднациональном уровне[41]. Дифференциация позволяет рассматривать интеграцию как сочетание либерализации экономических связей и институционального регулирования, что впоследствии стало важным элементом анализа европейской экономической интеграции.

Модель Балаши получила еще более широкое распространение благодаря попытке систематизировать интеграционные процессы в виде последовательности стадий. Согласно этой «классической» пятиступенчатой концепции, интеграция развивается от зоны свободной торговли к таможенному союзу, затем к общему рынку и экономическому союзу, завершаясь формированием политического объединения[42]. Несмотря на значительную популярность данной схемы, ее аналитическая универсальность неоднократно подвергалась сомнению. Даже реальная практика европейской интеграции демонстрировала более сложную институциональную динамику, в которой различные формы интеграции возникали параллельно и нередко опережали предполагаемую последовательность стадий.

К концу XX столетия в научной литературе накопилось достаточное количество эмпирических наблюдений, позволяющих выявить ограниченность ранних интеграционных концепций. Интеграция все чаще рассматривалась не как линейный процесс, движущийся к заранее определенной институциональной форме, а как сложная конфигурация взаимодействий между государствами, экономическими структурами и транснациональными институтами. Параллельно усиливалось внимание к политическим и социальным факторам интеграции, которые в ранних теориях

---

[41] Tinbergen J. International Economic Integration / J. Tinbergen. – Amsterdam: Elsevier, 1954. – pp 142–145.

[42] Balassa B. Economic Integration. In: The New Palgrave: A Dictionary of Economics / B. Balassa; J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman – London: Macmillan, 1987. – pp. 178-179.

зачастую играли второстепенную роль. В результате интеграционные исследования постепенно сместились от нормативных и экономико-институциональных моделей к более сложным аналитическим конструкциям, основывающимся преимущественно на эмпирическом опыте и критикующим своих предшественников.

В отличие от ранних концепций, ориентированных на объяснение преимущественно европейского опыта, новые исследования стремились выявить общие закономерности интеграционных процессов в различных регионах мира. Именно в этом направлении постепенно складывались предпосылки для появления сравнительных подходов к изучению интеграции, которые позволили рассматривать европейскую модель уже не как универсальный образец, а как один из возможных вариантов институционального развития международного сотрудничества.

Подписание Маастрихтского договора существенно расширило круг исследовательских вопросов, связанных с анализом интеграции. Если ранние концепции преимущественно концентрировались на объяснении механизмов экономического сближения государств, то последующие исследования стали уделять большее внимание институциональной структуре интеграционных объединений, внутренней политике государств-участников, а также влиянию идейных и социокультурных факторов на динамику интеграции. В результате в научной литературе сформировался ряд теоретических направлений, которые принято объединять под условным обозначением «новейших» или «современных» теорий европейской интеграции[43].

Одним из наиболее влиятельных направлений в данном интеллектуальном поле стал либеральный межправительственный подход, разработанный Э. Моравчиком. Данная концепция представляет собой модифицированную версию межгосударственного подхода, в которой

[43] Korovnikova N. Theoretical dimension of international integration: European perspective / N. Korovnikova // Social Novelties & Social Sciences: a View from Moscow. – 2023. – № 1. – P. 22.

интеграционные процессы объясняются через призму рационального поведения государств. Моравчик исходил из того, что государства остаются ключевыми акторами международной политики и именно их решения определяют направление и глубину интеграции. Однако, в отличие от ранних реалистических интерпретаций интеграции, в данной модели внимание смещается на внутриполитические процессы формирования национальных интересов. Политические предпочтения государств рассматриваются как результат взаимодействия различных экономических и социальных групп внутри национальных политических систем. Внешняя политика формируется в ходе внутреннего политического согласования интересов, после чего государства вступают в межправительственные переговоры, где стремятся максимизировать выгоды от сотрудничества[44].

Подобная трактовка интеграции позволила объяснить ряд ключевых этапов развития Европейского союза, включая заключение Римских и Маастрихтского договоров. Вместе с тем либеральный интерговернментализм подвергался критике за чрезмерное внимание к роли государств и недооценку самостоятельного влияния наднациональных институтов. Наблюдаемая в рамках европейской интеграции институциональная автономия органов Европейского союза, включая Европейскую комиссию и Суд ЕС, требовала более сложного объяснения, чем простое сведение интеграции к результату межправительственных переговоров.

Супранационалистская интерпретация интеграции имеет значительную теоретико-методологическую общность с концепцией трансакционализма неолиберальной парадигмы политической науки и исходит из того, что формирование транснациональных экономических и политических связей неизбежно порождает спрос на наднациональное регулирование. Когда объем трансграничных взаимодействий достигает определенного уровня,

[44] Moravcsik A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht / A. Moravcsik. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. – pp 500-501.

национальные правительства оказываются заинтересованы в создании институтов, способных обеспечивать единообразное применение правил и координацию политики. В этих условиях наднациональные органы постепенно приобретают собственную институциональную автономию и начинают играть самостоятельную роль в развитии интеграционных процессов.

Наряду с институциональными теориями существенное развитие получили концепции, акцентирующие внимание на идейных и социокультурных факторах интеграции. Наиболее влиятельной среди них стала конструктивистская интерпретация интеграционных процессов. Представители этого направления исходят из того, что политическое поведение государств не может быть сведено исключительно к рациональному расчету материальных выгод.

Конструктивистский анализ позволяет по-новому взглянуть на институциональное развитие Европейского союза. С точки зрения этого подхода интеграция не ограничивается созданием формальных институтов и правовых механизмов. Она включает также формирование особого политического и культурного пространства, в котором участники интеграционного процесса легитимизируют институты совместной интеграции и подтверждают необходимость их существования и развития. Расширение Европейского союза на восток, сопровождавшееся институциональной и нормативной адаптацией новых государств-членов, часто интерпретируется в рамках конструктивистской парадигмы как пример институционализированной социализации государств.

Однако уже в начале XXI века стало очевидно, что интеграционные процессы в Европе сталкиваются с новыми политическими ограничениями. Усиление евроскептицизма, рост влияния националистических политических движений и кризисы внутри Европейского союза продемонстрировали, что интеграция не является необратимым процессом. Эти изменения стимулировали формирование еще одного теоретического направления —

постфункционализма, связанного с работами Лизбет Хуге и Гэри Маркса. С точки зрения постфункционалистского подхода интеграция развивается в рамках системы многоуровневого управления, в которой распределение полномочий между национальными и наднациональными структурами определяется политическими предпочтениями обществ. Политические партии и общественные движения выступают важными посредниками между национальными электоральными интересами и интеграционной политикой государств. Когда интеграционные решения начинают восприниматься как затрагивающие вопросы национальной идентичности или социально-экономической политики, они неизбежно становятся предметом внутриполитической конкуренции[45].

Подобная интерпретация позволяет объяснить ряд событий последних десятилетий, включая кризис европейской валютной интеграции, миграционный кризис и выход Великобритании из состава Европейского союза. В рамках постфункционалистской теории эти явления рассматриваются как проявление политизации интеграции, когда интеграционные решения начинают восприниматься через призму национальных политических конфликтов.

Таким образом, новейшие теории европейской интеграции демонстрируют существенное расширение аналитического инструментария интеграционных исследований. Либеральный межправительственный подход подчеркивает роль государств и внутриполитических процессов формирования национальных интересов. Супранационализм акцентирует внимание на институциональной автономии наднациональных структур и динамике их взаимодействия с государствами. Конструктивизм обращает внимание на значение идейных факторов интеграции, тогда как

---

[45] Hooghe L. Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus / L. Hooghe, G. A. Marks // British Journal of Political Science. – 2009. – Vol. 39. – № 1. – pp. 18-21.

постфункционализм анализирует политизацию интеграционных процессов и влияние общественного мнения на их развитие.

Несмотря на значительные различия между этими подходами, их объединяет стремление объяснить сложную институциональную динамику Европейского союза. Именно европейский интеграционный опыт продолжает выступать основным эмпирическим основанием для разработки современных теорий интеграции. Вместе с тем растущее разнообразие региональных интеграционных проектов почти во всех регионах мира постепенно ставит под сомнение универсальность европейских теоретических моделей.

Одним из первых направлений критики стала постановка вопроса о различии исторических условий формирования интеграционных объединений. Европейская интеграция развивалась в специфической политико-экономической среде послевоенного периода, в которой сочетались факторы экономической реконструкции, стратегического соперничества сверхдержав и стремления западноевропейских государств к институциональному закреплению взаимной зависимости. Подобная конфигурация условий оказалась трудно воспроизводимой в других регионах мира. Исследователи постепенно обратили внимание на то обстоятельство, что интеграционные проекты в развивающихся и развитых регионах мира формируются в совершенно иных институциональных и политических условиях.

Существенный вклад в переосмысление данной проблемы внесли работы А. Ачарьи, в которых последовательно проводится критика универсалистских претензий западных теорий международных отношений. Исследователь обращает внимание на то, что интеграционные процессы в различных регионах мира формируются под влиянием специфических исторических и культурных факторов, которые не могут быть адекватно

объяснены в рамках европоцентричных аналитических моделей[46]. По мнению Ачарьи, анализ региональных форм сотрудничества требует учета локальных институциональных практик, политических традиций и особенностей региональной политической культуры. В противном случае интеграционные исследования неизбежно воспроизводят упрощенную картину международной политики, в которой европейский опыт воспринимается как универсальный эталон[47].

Сходная линия аргументации развивается и в работах Б. Хеттне и Ф. Седербаум, сыгравших заметную роль в формировании исследовательской программы «нового регионализма». Представители данного направления исходят из того, что интеграционные процессы конца XX и начала XXI века характеризуются значительно большей институциональной и функциональной вариативностью, чем предполагали ранние европейские теории интеграции. В отличие от классических концепций, сосредоточенных преимущественно на межгосударственных институтах, теория «нового регионализма» рассматривает регион как сложную социально-политическую систему, в которой взаимодействуют государственные и негосударственные акторы, транснациональные корпорации, международные организации и различные формы гражданского общества[48].

Развитие данной исследовательской программы сопровождалось постепенным переходом от нормативного сравнения региональных интеграционных проектов с европейской моделью к более нейтральному сравнительному анализу различных форм регионального взаимодействия. Существенный вклад в формирование этой методологической установки внесли работы Л. Фосетт, посвященные сравнительному изучению

---

[46] Acharya A. Regional worlds in a post–hegemonic era / A. Acharya // International Affairs. – 2023. – Vol. 99. – № 2. – pp. 5–7.

[47] Acharya A. Regionalism beyond the European Union: The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / A. Acharya. – Oxford University Press, 2021. – P. 40–41.

[48] Söderbaum F. Old, new and comparative regionalism: The scholarly development of the field / F. Söderbaum // Globalizations. – 2025. – Vol. 22. – № 1. – pp. 18-19.

региональных организаций. Фосетт подчеркивает, что региональные объединения формируются под воздействием различных факторов, включая экономическую взаимозависимость, политические интересы государств, институциональное наследие и внешнеполитические обстоятельства [49]. В результате региональные организации могут существенно различаться по уровню институционализации, глубине интеграции и характеру принимаемых решений.

Критика европоцентризма постепенно сопровождалась расширением эмпирической базы интеграционных исследований. Значительное внимание стало уделяться изучению региональных объединений за пределами Европы, включая Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии, Южноамериканский общий рынок и различные формы сотрудничества в Африке. Эти исследования показали, что интеграционные процессы могут развиваться без создания развитой системы наднациональных институтов и без значительного ограничения государственного суверенитета. Во многих случаях государства предпочитают сохранять межправительственный характер сотрудничества, используя более гибкие механизмы координации политики.

Тенденцией последних лет является скептицизм относительно универсальности европейских подходов в исследовании мировых интеграционных процессов. В рамках этой тенденции были написаны работы ряда авторов из различных регионов мира: Латинской Америки [50], Юго-

[49] Fawcett L. Regionalism in world politics: Past and present / L. Fawcett // International Affairs. – 2024. – Vol. 100. – № 1. – pp. 15-17.

[50] Malamud A. Spillover in European and South American Integration: An Assessment / A. Malamud // CIES e–Working Paper. – 2005. – № 1. – URL: https://www.researchgate.net/publication/228620516_Spillover_in_European_and_South_American_Integration_An_Assessment (date accessed: 03.10.2026).

Восточной Азии[51], Западной Африки[52], Южной Азии[53], Северо-Восточной Азии [54] и других [55] . Эта же тенденция, более того, характерна и для евразийского пространства, где исследователи обращают внимание на такие уникальные факторы, как негативный исторический опыт существования общего политического правительства и необходимость восстановления экономического пространства[56].

Институциональные формы регионального сотрудничества могут существенно различаться в зависимости от уровня экономического развития государств, характера их политических систем, особенностей внешнеполитической среды и исторического опыта взаимодействия.

Сравнительный подход позволяет выявлять сходства и различия между интеграционными объединениями, не сводя их к единой институциональной схеме. При этом анализируется широкий круг факторов, включая характер межгосударственных отношений, уровень экономической взаимозависимости, институциональные механизмы принятия решений и роль негосударственных акторов.

В результате критика европоцентризма привела к существенному пересмотру методологических оснований интеграционных исследований. Европейский опыт продолжает сохранять значительное значение как один из

---

[51] Kim M. Integration Theory and ASEAN Integration / M. Kim // Pacific Focus. – 2014. – Vol. 29. – № 3. – P. 394.

[52] Afolabi O. Theories of Regional Economic Integration and the Applicability Questions in West Africa. / O. Afolabi, K. Seriki // he IUP Journal of International Relations. – 2020. – Vol. 14. – № 3. – pp. 46-47.

[53] Gunasena T. The applicability of adopting European Union's integration model in South Asia: a comparative analysis of European Union and South Asian association for regional cooperation / T. Gunasena // International Journal of Social Sciences. – 2016. – Vol. 5. – № 2. – URL: http://iises.net/international–journal–of–social–sciences/publication–detail–686?download=2 (date accessed: 08.01.2026).

[54] Kim S. The Experience of European Integration and Potential for Northeast Asian Integration / S. Kim, P.C. Schmitter // Asian Perspective. – 2005. – Vol. 29. – № 2. – pp. 37-39.

[55] Ahmad I. Rethinking regionalism beyond European integration / I. Ahmad // Pakistan Journal of Social Research. – 2022. – Vol. 04. – № 01. – P. 989.

[56] Перебоев В.С. Российская Федерация и интеграционные процессы на постсоветском пространстве: дис. … к. полит.н. / В.С. Перебоев. – Москва: РУДН, 2012. – С. 60–61.

наиболее развитых примеров институционализированной интеграции. Однако он больше не рассматривается в качестве универсального шаблона для анализа других региональных объединений. Современные исследования все чаще исходят из необходимости сравнительного анализа различных форм регионального сотрудничества, позволяющего выявлять как общие закономерности интеграционных процессов, так и их региональную специфику.

Аналитическое доминирование европейской интеграционной модели в течение длительного времени привело к формированию исследовательской традиции, в которой интеграционные процессы за пределами Европы рассматривались преимущественно через призму теоретических конструкций, разработанных для объяснения эволюции европейского проекта. Однако накопление эмпирического материала по различным региональным объединениям постепенно продемонстрировало ограниченность подобной методологической установки. Интеграционные процессы в различных регионах мира «формируются в специфических институциональных и геополитических условиях»[57].

Институциональное развитие Евразийского экономического союза демонстрирует ряд особенностей, которые трудно интерпретировать в рамках классических европейских теорий интеграции. В силу того, что европейские концепции формировались на основе специфического исторического опыта послевоенной Западной Европы, интеграция рассматривалась в них как постепенный процесс институционального углубления сотрудничества, сопровождающийся расширением полномочий наднациональных структур и постепенным перераспределением компетенций от национальных государств к интеграционным институтам. При этом предполагалось, что экономическая взаимозависимость государств со временем будет усиливать политическую

[57] Schimmelfennig F. European integration theory in times of crisis / F. Schimmelfennig // Journal of European Public Policy. – 2024. – Vol. 31. – № 2. – P. 248.

интеграцию и стимулировать формирование более тесных институциональных механизмов управления.

Подобная логика достаточно точно отражала особенности развития Европейского союза, однако она оказывается менее убедительной применительно к евразийскому пространству. Интеграция в рамках Евразийского экономического союза развивается в иной институциональной среде, характеризующейся иным балансом между межправительственными и наднациональными механизмами управления, иной геополитической и политической ситуацией, наличием общего исторического опыта. Государства-участники сохраняют значительный уровень политической автономии и осторожно относятся к передаче ключевых полномочий интеграционным органам. В отличие от европейского опыта, где постепенно формировалась система наднационального регулирования, евразийская интеграция во многом сохраняет межправительственный характер принятия решений. Это обстоятельство существенно ограничивает применимость неофункционалистских моделей развития региональной интеграции.

Дополнительные аналитические трудности возникают при попытке применить к евразийскому интеграционному процессу концепцию «перелива» интеграции. Согласно данной теории, интеграция в одной сфере должна стимулировать расширение сотрудничества в смежных областях. Однако практика евразийского сотрудничества демонстрирует более сложную и неоднородную динамику. Экономическая координация между государствами Евразийского союза действительно развивается, однако ее институциональное углубление не всегда сопровождается соответствующим расширением политических механизмов интеграции.

Схожие ограничения обнаруживаются и при попытке использовать либеральный межправительственный подход, разработанный Эндрю Моравчиком. В рамках данной концепции интеграционные решения рассматриваются как результат внутриполитического согласования интересов различных социальных и экономических групп. Хотя подобная логика может

быть применима к анализу отдельных аспектов евразийской интеграции, она «не в полной мере отражает институциональную специфику постсоветского пространства»[58].

Политические системы государств Евразийского союза обладают различными институциональными характеристиками, а структура их экономик и степень вовлеченности национальных бизнес-элит в интеграционные процессы существенно отличаются от европейских условий, на основе которых формировалась теория Моравчика.

Не менее проблематичным оказывается использование конструктивистских интерпретаций интеграции. Конструктивистские исследования подчеркивают значение коллективной идентичности и общих нормативных установок для устойчивости интеграционных проектов. Европейская интеграция во многом опиралась на постепенное формирование представлений о «европейском политическом сообществе», что способствовало институциональной консолидации Европейского союза. В евразийском пространстве процессы формирования общей политической идентичности протекают значительно сложнее. Историческое наследие постсоветского периода, различия в национальных политических стратегиях и неоднородность общественных представлений о целях интеграции формируют более фрагментированное идейное пространство. В этих условиях конструктивистские объяснения интеграции требуют существенной адаптации.

На сегодняшний день международная интеграция как системный процесс и явление глобальна в том смысле, что происходит одновременно и независимо в различных регионах мира. Более того, в каждом из конкретных случаев существуют различия в качественных и количественных характеристиках самих подсистем и государств как их элементов, что является

---

[58] Коровникова Н.А. Проблемы и тенденции европейской интеграции в 2016–2022 гг. / Н.А. Коровникова, А.В. Полторацкая // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3(12). – С. 123

предпосылкой различных условий формирования, развития, динамики и результатов интеграции.

Европейский интеграционный проект формировался в условиях относительно устойчивой институциональной среды западного мира и тесно взаимодействовал с трансатлантическими структурами безопасности. Евразийская интеграция развивается в значительно более сложной международной обстановке, характеризующейся высокой степенью геополитической конкуренции, трансформацией мировой политической системы, наличием конкурирующих проектов континентального объединения и неразрешенных конфликтов на пространстве СНГ. В связи с этим в современной научной литературе все чаще поднимается вопрос о необходимости разработки более гибких аналитических моделей, способных учитывать институциональное разнообразие региональных интеграционных проектов. Как указывает А.А. Байков, «интеграционные процессы в Латинской Америке, Восточной Азии, Африке и других регионах мира несопоставимы с любыми региональными версиями интеграции в Европе в силу асинхронности их развития»[59].

Сравнение различных интеграционных проектов позволяет выявлять специфические механизмы их развития и избегать механического переноса теоретических схем из одного регионального контекста в другой. В отличие от классических европейских концепций интеграции, данное направление акцентирует внимание на институциональной гибкости региональных объединений и многообразии форм сотрудничества между государствами.

Таким образом, в силу того что европейский историко-политический опыт развития не характерен для иных регионов мира, возникают определенные сомнения в глобальности и универсальности достижений

[59] Байков А.А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки / А.А. Байков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 48

теоретико-методологических школ, выросших на эмпирической базе европейской интеграции.

С другой стороны, проведенный анализ демонстрирует ограниченную объяснительную способность классических и новейших европейских теорий интеграции применительно к постсоветскому пространству. Так, их применение возможно лишь при условии существенной адаптации к институциональным и политическим особенностям евразийского региона. В этих условиях наиболее перспективным направлением дальнейших исследований представляется развитие сравнительного подхода и теории нового регионализма, позволяющих учитывать многообразие современных интеграционных процессов и формировать более адекватные аналитические модели евразийской интеграции.

1.2 Взаимозависимость процессов регионализации и интеграции на евразийском пространстве

Международная интеграция – это процесс глобальный в том смысле, что происходит повсеместно в системе международных отношений, но в то же время локальный, поскольку каждая из отдельных интеграций ограничена рамками, очерченными преимущественно набором исторических, культурных, экономических, политических и географических факторов и условий развития той или иной группы интегрирующихся государств.

Отличительной особенностью региональных исследований выступает фокусирование проблематики исследований не столько на институциональном и межгосударственном аспектах интеграции, сколько на том, какое место она занимает с точки зрения дихотомии глобальных процессов регионализации и глобализации. При этом саму интеграцию определяют с позиции ее роли и места в процессах того или иного региона или

же, наоборот, подразумевают, что интеграция может быть процессом регионообразующим[60].

В работах по тематике евразийской экономической интеграции зачастую встречаются обсуждения взаимосвязи процесса евразийской интеграции с иными влиятельными региональными или межрегиональными процессами и институтами: БРИКС, Большого евразийского партнерства, инициативы «Один пояс – один путь». Некоторые авторы склонны выносить наблюдаемые процессы за рамки макрорегионов и видеть паттерны глобальных или мегарегиональных процессов, например, говоря о «континентальной интеграции» в Евразии [61] или рассматривая отдельный случай интеграционного процесса в качестве, например, «системного элемента формирующейся новой модели глобализации» [62]. В данной работе при исследовании перспектив развития евразийской интеграции крайне важным будет исследовать внешние факторы развития интеграции, среди которых наиболее полно, на наш взгляд, их смогут описать именно достижения региональных исследований.

Региональные проблемы в мировой политике не были неким внутренне единым направлением исследований. Т.А. Борзель в своей работе «Comparative Regionalism: A New Research Agenda» указывает на разветвленность региональных исследований и тот факт, что только изучение

---

[60] Лагутина М.Л. Интеграция как инструмент глобальной регионализации / М.Л. Лагутина // Научно–технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – Т. 3. – № 227. – с. 12.

[61] Балакин В.И. Российская государственность, Китай и евразийская региональная интеграция / В. И. Балакин. – Текст: электронный // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2021. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya–gosudarstvennost–kitay–i–evraziyskaya–regionalnaya–integratsiya (Дата доступа: 08.01.2026).

[62] Кротов М.И. Евразийская экономическая интеграция в новой глобальной реальности: системный подход и разрешение противоречий / М.И. Кротов, Л.Э. Слуцкий, О. И. Батистова // Проблемы современной экономики. – 2020. – Т. 4. – № 76. – С. 6.

Европейского Союза можно выделить в отдельную дисциплину в рамках науки о международных отношениях[63].

Регионализм является комплексным термином и явлением, смысл которого меняется в зависимости от целей, проблематики и методологического аппарата конкретного исследования. Если учесть самые распространенные определения регионализма, то можно выделить следующие. Во-первых, под регионализмом понимается мировоззренческая парадигма в мировой политике, апеллирующая к взгляду государств на международную систему в качестве «дуалистической пространственной парадигмы современного мира, либо "отгороженного" от глобального мира своей спецификой, либо трансформирующего мир отдельных государств в мир государств, объединенных функциональным единством в пространственный кластер — регион»[64]. Во-вторых, под регионализмом может пониматься политика государства или группы государств по развитию (зачастую имеется в виду институционализация) конкретно очерченного пространства и подсистемы международных отношений[65]. В-третьих, под регионализмом также понимают процесс, синонимичный понятиям «региональное сотрудничество» и «региональная интеграция»[66]. В-четвертых, регионализм можно определить как политологическую концепцию, разработанную в результате изучения причин и предпосылок образования, логики функционирования, состава участников, институциональной структуры и места регионов в мировой политике и системе международных отношений.

---

[63] Börzel T.A. Comparative Regionalism: A New Research Agenda / T.A. Börzel // KFG Working Paper. – 2011. – № 28. – P. 8.

[64] Алексеева Т.А. Современная политическая наука : методология : монография / Т.А. Алексеева, А.А. Байков, В.Г. Барановский и др. – Москва: Издательство “Аспект Пресс”, 2020. – С. 676–677.

[65] Песцов С.К. Регионализм и система международных отношений / С.К. Песцов // Вестник ДВО РАН. – 2005. – № 2. – с. 65.

[66] Börzel T.A. Comparative Regionalism: A New Research Agenda / T.A. Börzel // KFG Working Paper. – 2011. – № 28. – P. 5.

Чтобы понять сущность нового регионализма, необходимо рассмотреть логику и суть его эволюции. Исследования старого регионализма не имеют теоретико-методологического единства и выделяются в отдельную группу лишь условно и почти всегда только путем противопоставления более внутренне единому и четко прослеживаемому новому регионализму. Более того, сами авторы в моменты работы над этими проблемами, естественно, не осознавали, что они исследуют именно «старый» вариант регионализма. Общепризнанным фактом считается наличие хронологического барьера как между явлениями, так и между исследованиями старого и нового регионализмов, прокладываемого на рубеже 1980–1990-х годов. В свою очередь, эволюцию регионализма и его исследований наиболее эффективно можно проследить по концепциям и теориям политологов, поднимавших в своих работах проблемы регионов, причем эволюция подходов не обязательно представлена в хронологическом порядке. В этом плане одни подходы на десятки лет оказались прогрессивнее других.

Несмотря на теоретико-методологическую неоднородность старого регионализма, мы можем выделить некоторые его общие черты. Как правило, изучение регионов и раскрытие проблематики старого регионализма являлось побочным продуктом изучения более фундаментальных проблем в политической науке. Это также приводит к тому, что само понятие регионализма в работах обсуждаемых далее авторов еще не было окончательно сформировано, а указание на то, что ими исследовался именно регионализм, было дано ретроспективно: они обращались к регионам как к объектам исследования в качестве эмпирической базы для подтверждения различных аспектов собственных концепций и теорий. Если переформулировать эту мысль коротко, то авторами исследовались скорее регионы, а не регионализм как таковой.

В работах Мортона Каплана, представителя политического реализма и апологета системного подхода, регион рассматривается в значении «подсистемы» международных отношений, но в то же время при определении

региона описываются преимущественно лишь его географические характеристики, а объяснение поведения региональных игроков трактуется с точки зрения их социоисторических особенностей[67].

С другой стороны, Кеннет Уолтц, представитель структурного реализма (неореализма), в анализе политических ситуаций индуктивным методом также трактовал регион как подсистему, но уже исходя из других, более абстрактных положений: анархии как системоформирующего и упорядочивающего фактора, отсутствия высшей административной и политической власти в международных отношениях, теории рационального выбора и теории баланса сил[68].

Другая группа исследователей – школы трансакционализма и неофункционализма – сместила фокус внимания с привычного государствоцентричного подхода к определению ключевых субъектов регионализма в сторону рассмотрения регионов с точки зрения их системности, а также роли в его развитии как международных институтов, так и негосударственных акторов. Эти два направления, представленные в работах Карла Дойча и Эрнста Хааса, следует рассматривать в совокупности, поскольку их теории, несмотря на принципиально различную эмпирическую и методологическую базу, имеют сильную логическую связь и, можно сказать, являются логическим продолжением друг друга. Так, неофункционализм и его ключевая концепция «перелива» (*spillover*) дают объяснение причинам, мотивам и логике углубления процессов регионализации преимущественно через расширение функциональной составляющей интеграции и развитие транснациональных связей. С другой стороны, трансакционализм с его идеей «сообщества безопасности» и развитием концепции взаимозависимости защищает необходимость наличия транснациональных связей и

---

[67] Kaplan M.A. System and Process in International Politics: ECPR Press Classics / M.A. Kaplan. – ECPR, 2005. – pp. 19–21.

[68] Waltz K.N. Theory of International Politics: Addison–Wesley series in political science / K.N. Waltz. – McGraw–Hill, 1979. – P. 177.

формирования многосторонних международных институтов для поддержания стабильности, обеспечения внешней и внутренней безопасности, а также формирования предпосылок для наиболее предсказуемых паттернов поведения субъектов в рамках системы.

Для понимания старого типа регионализма также необходимо учесть концепции и теории, разработанные Робертом Коэном в его поздних трудах в рамках направления, которое он обозначил как «неолиберальный институционализм». В частности, концепцию, включающую в себя обоснование роли международных институтов как упорядочивающего фактора в регулировании межгосударственных отношений и системы международных отношений в целом[69]. Учитывая тот факт, что регионализация почти всегда подразумевает наличие определенной институциональной базы, обращение к достижениям Роберта Коэна позволит понять на высоком уровне абстракции логику развития политических процессов на региональном пространстве.

Совместно разработанная ими теория международных режимов, описывающая влияние нежестких и небюрократизированных международных институтов на поведение государств в региональных системах, также позволяет получить значительные методологические преимущества в исследовании региональной проблематики ввиду того, что регионализация не обязательно подразумевает сотрудничество в рамках формализованного в виде международной организации интеграционного процесса. При этом интеграция, не будучи процессом, существующим в историко-политическом вакууме, как правило, имеет предпосылки создания и почти всегда вырастает из неформализованных международных институтов – международных режимов, регулирующих взаимоотношения государств в региональной подсистеме. Международные режимы, в свою очередь, могут представлять

[69] Keohane R.O. International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. International Institutions and State Power / R.O. Keohane. – 1. – New York: Routledge, 2020. – pp 2-3.

промежуточную стадию в процессе регионализации между аморфными договоренностями и закреплением взаимных обязательств в рамках международной организации.

Хронологический барьер 1990-х годов между старым и новым регионализмом продиктован тем, что в этот период происходят три ключевых процесса, заставивших исследователей переосмыслить собственные взгляды на явление региона в целом и его место в теоретическом поле политических наук. Во-первых, происходит подписание Маастрихтского договора, и процессы интеграции в Европе принимают совершенно другую направленность и смыслы; само понятие европейского региона получает вполне конкретные политические институциональные рамки в дополнение к имевшимся географическим и культурно-историческим, что, в свою очередь, опровергло доминировавшее тогда представление о регионах как преимущественно статичных единицах. Во-вторых, происходит слом биполярной системы международных отношений, и на международную арену выходят новые политические акторы, зарождаются или получают развитие идеи многополярности, на место биполярному взгляду приходят новые концепции и трансформируется само понятие регионов. В-третьих, как принято считать, процессы глобализации получают существенный импульс в развитии вследствие технологического скачка, вызванного популяризацией и демократизацией интернета: мир становится более связанным и взаимозависимым, что, в свою очередь, дало дополнительный импульс процессам регионализации.

Таким образом, старый регионализм в силу наличия ряда несовершенств и ограничений не смог приспособиться к глобальным системным изменениям, которые и привели к его устареванию и потере актуальности в эпоху ускорения процессов глобализации и распространения самого явления регионализации за пределы традиционно более развитого Запада. Данные несовершенства были своевременно замечены и проанализированы исследователями различных направлений, вследствие чего путем

сравнительного подхода мы можем выделить некоторые направления эволюции регионализма.

В первую очередь следует обратить внимание на *трансформацию сущностно-территориального понимания региона*: на смену преимущественно географическим и геополитическим концепциям региона пришло понятие «пространства», делающего упор на характере связей между его субъектами, а не на географическую близость. Одним из ключевых положений нового регионализма выступает тезис о том, что в современной мировой политической системе регионы не являются статическими, автохтонными или исключительно географическими сущностями, но их формирующими единицами являются их субъекты. Именно отношение к региону как к пространственной единице мировой политической системы является предпосылкой творческой функции нового регионализма.

Несмотря на то, что старый регионализм не ограничивается европейским регионом как примером регионализации и международной интеграции, эмпирическая база для исследования старого регионализма более ограничена, чем для нового. Отчасти это продиктовано тем, что теоретические наработки, не потерявшие актуальности в политической науке, концентрировали свою проблематику на исследованиях преимущественно развитых регионов. Что касается нового регионализма, то он как явление и как концепция вырос на базе расширения инклюзивности глобальной системы международных отношений и развития многополярности, что переросло в развитие регионализации почти повсеместно в последней четверти XX века.

Принято считать, что в условиях старого регионализма региональный уровень принятия решений не принимался всерьез, а сами регионы рассматривались не как субъекты, а скорее как объекты мировой политики[7071].

---

[70] Бутенко В.А. Регионализация и “новый” регионализм / В.А. Бутенко, Ш. Мохаммади // Право и политика. – 2020. – № 7. – С. 108.

[71] Hettne B. Global politics of regionalism: theory and practice / B. Hettne, L. Van Langenhove, M. Farrell. – London Ann Arbor, MI: Pluto Press, 2010. – P. 38.

Ключевыми основаниями такой трансформации можно назвать, во-первых, повышение роли международных институтов (преимущественно того, что неолиберализм назовет *международным режимом*), подавляющее большинство из которых сконцентрированы в областях международной системы, имеющих общие пространства; во-вторых, в силу ограниченности политического и экономического влияния развивающиеся государства были вынуждены объединять собственные ресурсы для отстаивания совместных интересов и обеспечения более выгодных условий существования в рамках международной системы. Ключевыми примерами такой логики поведения стали такие организации, как Организация экономического сотрудничества (ОЭС), Совет арабского экономического единства, АСЕАН, КАРИКОМ, Организация центральноазиатского сотрудничества.

В рамках «старого регионализма» рассматривались только процессы интеграции нормативной и «закрытой», стимулирующей государства – участники углублять внутренние взаимоотношения и носящей преимущественно охранительный характер. «Новый регионализм» же считается регионализмом «открытого» типа. В первую очередь «региональная открытость» характеризуется свободой от географических факторов в процессе формирования регионов, так же, как и уникальный, не характерный для регионализма старого типа интерес к взаимодействию с государствами и негосударственными акторами за пределами собственного региона. Другим проявлением «открытости» нового регионализма по праву можно считать появление такой сущности, как «межрегиональные взаимодействия» или «межрегионализм», проявляющийся в его стремлении к взаимодействию с другими регионами на системном уровне[72].

Отдельного замечания также достойна методология *сравнительного,* или *компаративного,* регионализма, относительно которого, однако, на

[72] Прохоренко И.Л. Новый регионализм: проблема конфигурации современного миропорядка / И.Л. Прохоренко // Пути к миру и безопасности. – 2015. – Т. 2. – № 49. – С. 23-24.

сегодняшний день в научном дискурсе не сформировалось четкого определения. В большинстве своем авторы, использующие данный термин, «имеют в виду появление новых подходов в исследовании современных региональных процессов, которые учитывают их всеохватывающее, комплексное их исследование»[73]. Для изучения процессов международной интеграции в развивающихся регионах компаративный регионализм может быть полезен в том смысле, что в его рамках ставится под сомнение универсальность опыта европейской интеграции. Ключевым отличием сравнительного регионализма является то, что данное направление в качестве ключевого метода исследования применяет сравнительный подход и стремится учитывать исторические, культурные, политические, экономические и иные особенности формирования и развития каждого из исследуемых регионов, а также опыт развития каждого отдельного регионального интеграционного объединения[74]. Проблематика компаративного регионализма недостаточно разработана, и это большое упущение, поскольку, именно в этом направлении присутствует наибольший потенциал к формированию универсальной теории регионализации и, возможно, интеграции.

По своему определению международная интеграция призвана устранять национальные бюрократические барьеры между государствами, что ведет к созданию новых общих пространств: экономических, политических и социальных. Как мы уже выяснили, наличие общего пространства в рамках нового регионализма является верным признаком его существования по определению. Более того, считается, что именно международная интеграция

---

[73] Михайленко Е.Б. Альтернативный регионализм БРИКС / Е.Б. Михайленко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2016. – Т. 11. – № 3. – С. 196.

[74] Warleigh-Lack A. Rethinking EU Studies: The Contribution of Comparative Regionalism / A. Warleigh-Lack, L. Van Langenhove // Journal of European Integration. – 2010. – Vol. 32. – № 6. – pp. 547–549; Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? / A. Acharya // The International Spectator. – 2012. – Vol. 47. – Comparative Regionalism. – № 1. – pp. 8–9.

является «основным инструментом в институциональном строительстве новых форм регионального строительства»[7576].

Также стоит отметить, что, несмотря на эмпирические сходства, процессы международной интеграции не обязательно означают регионализацию, и наоборот. Более того, такие теоретические сходства процессов регионализации и интеграции зачастую приводят к методологическим ошибкам. Одной из самых распространенных является подмена понятий «региональная интеграция» и «международная интеграция», что отнюдь не всегда, на наш взгляд, является обоснованным. Например, некоторые авторы называют процессы, происходящие в таких организациях как БРИКС и АТЭС интеграционными[77].

Регионализация в рамках нового регионализма почти никогда не происходит в отрыве от формирования некоего международного института, который и является агентом создания общего пространства. В качестве примера можно рассмотреть регион Южной Азии, в котором нет бюрократического международного института; тем не менее там существует свой отдельный международный режим, базирующийся на историческом соглашении о выходе из Британского Содружества, который и формирует некую региональную общность. Теории и концепции исследования нового регионализма будут полезны в исследовании евразийского региона в силу того, что он представляет собой вид активно развивающегося нового регионализма.

Евразийский регион как подсистема международных отношений, включающая в себя территории государств – участников ЕАЭС, представляет

---

[75] Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века : на примере Евразийского Союза: автореферат дис. ... д. полит. н. / М.Л. Лагутина. – СПб: СПбГУ, 2016. – С. 21.

[76] Там же. С. 190.

[77] Баров С.А. Теоретическое осмысление феномена региональной интеграции / С.А. Баров // Казачество. – 2022. – Т. 62. – № 5. – С. 15.

Сидоров А.С. Регионализация как важнейший тренд современного мирового развития / А.С. Сидоров, В.В. Огнева // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizatsiya–kak–vazhneyshiy–trend–sovremennogo–mirovogo–razvitiya (date accessed: 10.03.2026).

собой относительно молодую и, что самое главное, синтезированную в процессе регионализации пространственно-региональную единицу. В процессе исторического развития он претерпевал трансформацию: например, Узбекистан, бывший в составе ЕврАзЭС и вышедший из него в 2008 году, теперь нельзя отнести к евразийскому региону; с другой стороны, Армения, бывшая в составе ЕврАзЭС в качестве наблюдателя, после институциональной трансформации в ЕАЭС стала полноценным участником евразийской интеграции и в полноте своей теперь может относиться к евразийскому региону (при этом в данном случае под «евразийским регионом» нами понимается региональное пространство евразийской интеграции).

Таким образом, евразийский регион представляет собой не столько историко-географическую или геополитическую единицу, сколько пространство как цель и продукт социально-политического развития ввиду его способности к формированию, изменению и даже потенциальному исчезновению. Эти процессы, в свою очередь, продиктованы политической инициативой и развиваются на основе политических решений.

Регионоформирующая функция евразийской интеграции достаточно подробно описана в работе М.Л. Лагутиной, которая отстаивает позицию о том, что евразийская интеграция привела к формированию нового вида региона – «глобального региона», который признается одним из наиболее важных участников трансформации мировой политической системы XXI века[78]. Более того, в работе М.В. Рыбаковой и А.В. Палмарчук на базе исследований социально-политических характеристик развития евразийской интеграции указывается на её регионоформирующую функцию, утверждая, что

[78] Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века : на примере Евразийского Союза: автореферат дис. ... д. полит н. / М.Л. Лагутина. – СПб, 2016. – С.45.

дальнейшее развитие евразийской интеграции «имеет все предпосылки для формирования конкурентоспособного региона на международном уровне»[79].

В силу того, что в рамках функционала Евразийской экономической комиссии есть отдельное направление по установлению международных контактов и возможность инициативы в формировании внешних отношений с определенной долей свободы, концепция региона-субъекта мировой политики также будет крайне полезной с точки зрения нашего предмета исследования. Следует учесть, что евразийская интеграция в своем развитии значительное внимание уделяет вопросам международного взаимодействия с развивающимися государствами [80], не концентрируя внимание лишь на географически близких государствах и международных объединениях.

Несмотря на то, что состав участников не изменялся с первых лет создания ЕАЭС, евразийская интеграция в своей международной работе избирает более свободные и гибкие форматы для международного взаимодействия – соглашения о ЗСТ, предоставление статуса наблюдателей при международной организации, межинституциональное взаимодействие. При этом нельзя назвать ЕАЭС однозначно «закрытым» институтом, поскольку подать заявление на вступление в организацию может любая страна, которая будет готова привести собственную экономику и нормы технического регулирования к общепринятым в ЕАЭС стандартам и будет разделять цели и задачи евразийской интеграции. Более того, по крайней мере официально на государства-заявители не накладывается никаких ограничений по линии их политической позиции, общественного и политического строя.

Исследователи, работающие в рамках проблематики нового регионализма также склонны рассматривать регионализацию как ответ

---

[79] Рыбакова М.В. Евразийский регион: теоретический аспект интеграционных процессов / М.В. Рыбакова, А.В. Паламарчук // Социально–гуманитарные знания. – 2017. – Т. 2. – С. 109.

[80] О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Правовой портал ЕЭК. – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/368/5597/ (Дата обращения: 09.07.2025).

глобализации[81]. Нам это кажется вполне релевантным, учитывая тот факт, что евразийская интеграция является регионообразующим процессом, и одной из предпосылок ее создания стало именно стремление государств к защите от негативных последствий глобализации. В большинстве документов, составляющих институциональную основу евразийской интеграции, содержится упоминание роли глобализации в формировании и развитии ЕАЭС. Например, ключевой целью создания Союза указывается «всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики»[82].

Таким образом, исследование евразийской интеграции с применением теоретико-методологического аппарата исследований регионализма, безусловно, имеет значительные преимущества. Взаимосвязь процессов глобализации и регионализации с международной интеграцией позволяет экстраполировать теоретико-методологические достижения в изучении первых на последнюю. Углубление интеграции является одним из аспектов развития общего регионального пространства, проблема чего достаточно разработана в трудах авторов, исследующих новый регионализм. В свою очередь, регион является отдельным уровнем принятия решений и подсистемой международных отношений, а в условиях взаимосвязи регионализации и интеграции это позволяет нам системно анализировать как внутреннее, так и внешнее развитие международной интеграции.

В заключение следует сказать о том, что теоретические достижения регионализма дают существенные преимущества для исследования евразийской интеграции, позволяя выйти за рамки методологии институционализма и межгосударственного анализа. Во-первых, новый

---

[81] Foqué R. Regionalism: A Constitutional Framework for Global Challenges? / R. Foqué, J. van Steenbergen; M. Farrell, B. Hettne, L. van Langenhove – 2005. – pp. 54–55.

[82] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (ред. от 25 мая 2023 г.) // ЕАЭС. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 16.05.2026).

регионализм позволяет рассматривать евразийский регион не как статичную географическую или геополитическую данность, а как динамичное пространство, формируемое не только под влиянием пространственных, но также экономических, культурных и политических факторов. Это особенно важно, поскольку евразийский регион представляет собой молодую, синтезированную в процессе региональной интеграции единицу, способную к формированию, изменению и потенциальному исчезновению, что подтверждается примерами Таджикистана, Киргизии, Узбекистана и Армении. Во-вторых, концепция «открытого» регионализма объясняет гибкие форматы международного взаимодействия ЕАЭС – соглашения о ЗСТ, предоставление статуса наблюдателя, межинституциональные консультативные и рабочие связи, а также отсутствие жёстких ограничений для государств-заявителей. В-третьих, регионализм обосновывает понимание регионализации как ответа на глобализацию, что прямо отражается в целеполагании ЕАЭС, закрепленном в официальных документах и ориентированного на всестороннюю модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики и для повышения конкурентоспособности и устойчивости стран в условиях глобализации. Наконец, компаративный регионализм позволяет учитывать исторические, культурные, политические и экономические особенности постсоветского пространства, не универсализируя европейский опыт региональной интеграции. Совокупность теоретических подходов в рамках регионализма обеспечивает методологическую основу для комплексного анализа внешних факторов и перспектив развития евразийской интеграции, особенно с учетом её регионообразующих характеристик.

1.3 Евразийская интеграция как ключевой драйвер формирования Большой Евразии

Понятие «Большая Евразия» вошло в академический оборот не как результат внутренней логики теоретического развития региональных исследований, а как производное от внешнеполитического дискурса.

Первичная артикуляция термина была связана с поиском новой рамки описания мирового порядка в условиях эрозии либеральной модели глобализации, растущей роли регионализации и кризиса «однополярного момента». Именно в этой логике формируется идея «Большой Евразии» как стратегического проекта формирования альтернативного центра силы, способного уравновесить влияние евроатлантического пространства в системе международных отношений. Данное понятие делает фокус не столько на расширении существующего интеграционного объединения, а на конструировании макрорегиональной конфигурации, в которой Россия выступает инициатором переориентации экономических и политических связей на Восток и Юг. Как указывают А. В. Иванов и С. М. Журавлева, термин «Большая Евразия» вошел в политический и научный оборот как «новая геополитическая и геоэкономическая реальность, выступающая потенциальным коллективным субъектом международных отношений нового типа» после речи В.В. Путина в послании Федеральному Собранию в декабре 2015 года, ставшей ответом на обнародование китайского проекта «Экономического пояса Шелкового пути» в 2013 году[83].

Концепт в этом измерении сохраняет выраженный нормативный характер, выступая инструментом стратегического воображения и программирования будущего мироустройства. Переход к аналитическому осмыслению начинается в тот момент, когда «Большая Евразия» перестает

[83] Иванов А.В. Большая Евразия: понятие, вызовы, задачи России и Сибири / А.В. Иванов, С.М. Журавлева // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2020. – Т. 25. – № 3. – С. 13.

рассматриваться исключительно как политическая формула и становится объектом систематического анализа структурных процессов.

Более развернутую пространственную интерпретацию предлагают Л.А. Безруков, А.Г. Дружинин, О.В. Кузнецова и В.А. Шупер. В их работах «Большая Евразия» определяется как особая пространственная мегаструктура, формирующаяся «поверх» существующих интеграционных форматов. Она не сводится к ЕАЭС, ШОС или инициативе «Один пояс — один путь», а охватывает совокупность инфраструктурных коридоров, трансграничных регионов и новых узлов хозяйственной концентрации. Подобная трактовка выводит обсуждение за пределы институционального анализа и переводит его в плоскость территориальной организации. Как указывают Л. А. Безруков и его соавторы, «пространственное развитие современной России испытывает существенное, все более возрастающее по амплитуде и следствиям влияние масштабных геоэкономических и геополитических изменений, чей позитивный, предпочтительный для Российской Федерации вектор в последние годы подчас соотносят с формированием особой макроструктуры — Большой Евразии» [84] . Концепт приобретает характеристики геоэкономической конфигурации, внутри которой пересекаются различные континентальные стратегии. При этом подчеркивается полицентричность и асимметричность формирующегося пространства, что препятствует его отождествлению с единым интеграционным блоком.

Зарубежные интерпретации смещают фокус на проблему асимметрии власти и институциональной иерархии. Анализируя евразийскую интеграцию, они рассматривают ее через призму перераспределения влияния в постсоветском пространстве. В этой логике «Большая Евразия» воспринимается как расширение геополитического влияния России, а

[84] Безруков Л.А. Пространственное развитие России в контексте формирования Большой Евразии: факторы, векторы, приоритеты / Л.А. Безруков, А.Г. Дружини, О.В. Кузнецова, В.А. Шупер // Балтийский регион. – 2024. – Т. 16. – № 2. – С. 18.

институциональные механизмы — как формализованные инструменты закрепления политического доминирования[85].

Подобный подход подчеркивает зависимость интерпретации концепта от исходной методологической позиции и политической идеологии автора, формулирующего данное определение: если в российских исследованиях концепт «Большой Евразии» строится на идеях о полицентричности и альтернативности существующему глобальному порядку, то в западной литературе он связан с анализом иерархий, геополитическим видением мировой политики, теорией «слабых» и «сильных» государств и неравномерностью распределения ресурсов.

В работе Якопо Марии Пепе «Трансформация цепочек добавленной стоимости и транспортная реинтеграция в Евразии» формируется характерная для части западного академического дискурса интерпретация евразийской интеграции как производной от структурных сдвигов в мировой экономике, а не как автономного геополитического проекта. Автор исходит из того, что центральная Евразия исторически выполняла функции транзитного пространства, рынка и производственной зоны, однако в период морской глобализации и в условиях советской изоляции оказалась маргинализирована. Возвращение интереса к сухопутным маршрутам он связывает прежде всего с «континентализацией» цепочек добавленной стоимости в Европейском союзе и Китае, а также с географическим сближением их производственных ядер[86].

С одной стороны, перенос производств во внутренние районы Китая и формирование германо-центральноевропейского промышленного ядра создают объективные предпосылки для развития сухопутных коридоров и

---

[85] Мартыненко С.Е. Теория «Большой Евразии» Ю. Кофнера как пример понимания евразийской проблематики в немецкой политологии / С.Е. Мартыненко // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10. – № 8(60). – С. 2376.

[86] Pepe J.M. Value chains transformation and transport reconnection in Eurasia: geo–economic and geopolitical implications: Innovations in international affairs. Value chains transformation and transport reconnection in Eurasia / J. M. Pepe. – Milton Park, Abindon, Oxon New York, NY: Routledge, 2021. – pp. 21–23.

вовлечения Евразийского экономического союза в трансрегиональные цепочки добавленной стоимости. С другой стороны, он скептически оценивает автоматизм позитивного эффекта: без диверсификации внешнеэкономических связей и нормализации отношений с Европейским союзом усиление связей с Китаем способно привести к росту внутриконтинентальной конкуренции и усилению асимметрий, а не к устойчивой консолидации пространства. В западной интерпретации, представленной автором, евразийская интеграция предстает как зависимый от внешних производственных центров процесс, в котором напряжение между европейским и китайским векторами определяет пределы формирования «Большой Евразии».

В коллективной монографии «Энциклопедический справочник по Евразийскому экономическому союзу» (англ. The Elgar Companion to the Eurasian Economic Union) евразийская интеграция рассматривается в логике сравнительного регионализма, что позволяет зарубежным авторам выйти за пределы политико-нормативных интерпретаций и встроить ЕАЭС в общую типологию региональных экономических организаций. Уже во вводной главе ЕАЭС характеризуется как «функционирующую региональную организацию» (functioning regional organization), обладающую «широкими полномочиями в экономической сфере» (rich economic mandate), включающими Таможенный Союз, регулирование технических стандартов, элементы общего финансового рынка и макроэкономическое регулирование[87]. Тем самым союз описывается как институционально насыщенный проект, который не сводится к символической политике или декларативной интеграционной риторике. Вместе с тем авторы допускают риск его трансформации в «дискуссионный клуб» (talking club) либо инструмент «интеграционной риторики» (integration rhetoric) при утрате экономического содержания, что напрямую связано с

[87] The Elgar companion to the Eurasian Economic Union: Elgar companions to international organisations / A. Libman, E.J. Vinokurov eds. – Cheltenham, UK Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2024. – P. 12.

вопросом о способности ЕАЭС выступать институциональным ядром более широкой евразийской конфигурации.

Структурные ограничения союза анализируются через призму асимметрии власти и режимной специфики. Федерико Сальвати обращает внимание на «асимметрию силы» (power asymmetry) внутри ЕАЭС, подчеркивая, что доминирующее положение России задает особую модель интеграции, при которой глубина сближения определяется способностью гегемона обеспечивать партнерам ощутимые экономические выгоды. Алессандра Руссо развивает концепцию «авторитарного регионализма» (authoritarian regionalism), интерпретируя союз как площадку координации режимов и механизм взаимной легитимации, что смещает анализ с исключительно рыночных факторов к институционально-политическим основаниям интеграции. В разделе, посвященном внешнему измерению, Марчин Качмарский сопоставляет ЕАЭС и инициативу «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative), фиксируя различие между формализованной, договорной моделью евразийского союза и гибкой, слабо институционализированной архитектурой китайского проекта.

В совокупности эти оценки формируют зарубежный научный дискурс, в котором евразийская интеграция осмысляется как институционально оформленный, но структурно уязвимый проект, чья роль в формировании Большой Евразии зависит от способности преодолеть внутренние асимметрии и адаптироваться к изменяющейся геоэкономической среде.

Сопоставление этих позиций позволяет выявить различие между «малой» евразийской интеграцией и «большим» евразийским форматом. Первая институционально оформлена и ограничена конкретным составом участников; второй представляет собой более широкую рамку взаимодействия, включающую различные интеграционные режимы и партнерства. «Малая» интеграция функционирует в пределах договорной архитектуры, тогда как «Большая Евразия» описывает надстроечную конфигурацию, где пересекаются экономические, транспортные и

политические векторы[88]. Именно в этом расхождении и формируется поле теоретической дискуссии.

Вопрос о границах и субъектности «Большой Евразии» остается открытым. Одни исследователи стремятся соотнести ее с совокупностью государств, дистанцированных от евроатлантических институтов; другие подчеркивают условность подобной делимитации и обращают внимание на неоднородность интересов акторов. Пространственная трактовка, предложенная российскими экономико-географами, снимает требование четкой институциональной оформленности, допуская размытость контуров как структурную характеристику мега-региона. Как указывают М.А. Гласер, П.-Э. Томанн и Н.Н. Новик, «Большая Евразия и Большая Европа есть геополитические репрезентации, созданные ключевыми акторами европейского и евразийского пространства для различных вариантов адаптации их планов к реальности» [89] . В этом случае субъектность распределяется между несколькими центрами — Россией, Китаем, Индией и рядом средних держав, что усиливает полицентричность и одновременно порождает внутренние противоречия. Противоречия в субъектности Большой Евразии углубляются, если обратить внимание на различие позиций ключевых региональных акторов и само восприятие евразийского региона, отмеченные в работе Д.П. Новикова и А.П. Бочаровой[90]. Противоречия усугубляются тем фактом, что не все ключевые и наиболее влиятельные акторы Евразии готовы к полноценной и постоянной координации действий в рамках существующих многосторонних платформ, поскольку, как, например, отмечается

---

[88] Пивовар Е.И. Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы / Е.И. Пивовар. – Санкт–Петербург: Алетейя, 2022. – С. 35.

[89] Гласер М.А. Большая Евразия и Большая Европа: Геополитика перспектив сотрудничества / М.А. Гласер, П.–Э. Томанн, Н.Н. Новик // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – Т. 109. – № 1. – С. 13.

[90] Новиков Д.П. В поисках Евразии: сравнительный анализ экспертного и академического дискурсов о евразийском регионализме в России и КНР / Д.П. Новиков, А.П. Бочарова // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 3. – С. 31-36.

российскими экспертами, «взаимодействие Индии с ШОС и тем более ЕАЭС не достигло приемлемого уровня», а «Экономические и политические связи Индии с этими евразийскими структурами носят часто эпизодический характер», хотя и имеют потенциал к расширению[91].

После 2022 г. исследовательский акцент заметно смещается в сторону азиатского измерения. Усиление китайского фактора, сопряжение ЕАЭС с инициативой «Один пояс — один путь», изменение торговых потоков и логистических маршрутов привели к переосмыслению роли России внутри формирующейся конфигурации.

В работах последних лет «Большая Евразия» все чаще анализируется через призму китайской экономической гравитации и растущей асимметрии политического влияния региональных и континентальных политических акторов. Как указывает А.В. Виноградов, «проект “Пояс и путь”, первоначально предложенный в качестве двух региональных и не связанных друг с другом инициатив для Центральной и Юго-Восточной Азии, превратился после их объединения в первую китайскую внешнеполитическую стратегию глобального масштаба» [92] . Это обстоятельство усложняет первоначальную модель, в которой Россия рассматривалась как центральный архитектор проекта, и переводит дискуссию в плоскость поиска баланса между инициирующей ролью и структурными ограничениями.

В результате теоретическая эволюция концепта «Большая Евразия» отражает переход от нормативного внешнеполитического нарратива к многоуровневой аналитической категории. В современном научном дискурсе он функционирует как инструмент описания полицентричной, асимметричной и пространственно разнородной макроструктуры, формирующейся в условиях

---

[91] Сотрудничество Индии с ЕАЭС и ШОС / Д.В. Малышев, К.П. Курылев, Н.Г. Смолик, Д.В. Станис // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 11. – С. 122.

[92] Виноградов А. Китайский проект для Большой Евразии / А. Виноградов // Международные процессы. – 2021. – Т. 19. – № 2(65). – С. 6.

фрагментации мировой системы [93] . Его содержание уточняется через сопоставление стратегических установок, институциональных возможностей и геоэкономических ограничений, что позволяет рассматривать евразийскую интеграцию в качестве одного из структурообразующих элементов этой конфигурации[94].

Вопрос о роли Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии концентрирует в себе ключевое противоречие современного дискурса: является ли ЕАЭС завершенной региональной моделью экономической интеграции либо лишь институциональной платформой для более масштабной макрорегиональной конфигурации. В научной литературе 2020-х гг. это противоречие раскрывается через сопоставление его институциональной природы, фактической экономической динамики и геополитических ожиданий.

С.В. Базавлук рассматривает евразийскую интеграцию как процесс, инициированный и катализируемый Россией. Как он указывает, «Россия выступает как катализатор евразийской интеграции, сфокусированной на ЕАЭС, но может перейти и в более широкий формат через ассоциированное членство, которое в своем окончательном результате будет иметь модель Большой Евразии» [95] . В его интерпретации ЕАЭС не исчерпывается экономической координацией тарифной политики и технического регулирования; он выступает институциональной формой артикуляции новой геополитической идентичности и может эволюционировать к более широкому формату взаимодействия. Логика автора предполагает, что «малая»

---

[93] Янкин Г.Н. Political prospects of the EAEU as a union of states within the framework of the concept of “Greater Eurasia” / Г.Н. Янкин // Евразийский юридический журнал. – 2021. – Т. 4. – № 155. – С. 69–70.

[94] Зоидов К.Х. Китайская инициатива «пояс и путь» – основа эволюционного развития и сопряжения инфраструктурно–интеграционных проектов на пространстве Большой Евразии (обзор научных подходов). / К.Х. Зоидов, А.А. Медков. – Институт проблем рынка РАН. – М., 2020. – С. 51.

[95] Базавлук С.В. Внешний анализ и критика евразийской интеграции / С.В. Базавлук // Постсоветские исследования. – 2021. – Т. 4. – № 7. – С. 543.

интеграция в рамках союза способна перерасти в более масштабную конфигурацию, если будет дополнена механизмами ассоциированного участия и расширенного партнерства. Тем самым ЕАЭС трактуется как ядро, вокруг которого возможно конструирование «большого» евразийского пространства. В данной позиции интеграция мыслится как процесс с открытой траекторией, в котором институциональная рамка обладает потенциалом дальнейшего наращивания функционала.

Отсутствие институциональной автономии ограничивает глубину интеграционных процессов и снижает способность союза выступать самостоятельным актором в более широких макрорегиональных форматах. Тем самым ставится под сомнение тезис о ЕАЭС как готовом структурном «ядре» Большой Евразии. Институциональный дизайн ЕАЭС сконструирован таким образом, чтобы минимизировать вмешательство в национальные политики государств-участников, что снижает наднациональный потенциал и ограничивает глубину нормативной унификации[96].

Союз в этой логике выступает площадкой для сделок и компромиссов, а не автономным интеграционным центром. Если принять такую интерпретацию, ЕАЭС оказывается не фундаментом макрорегиональной структуры, а инструментом перераспределения влияния в постсоветском пространстве. Вопрос о его способности стать основой Большой Евразии в таком случае переносится из институциональной плоскости в политическую.

Предлагая несколько траекторий развития ЕАЭС — от изоляционного варианта до трансформации в автономный «контрапункт» мировой экономике при активной кооперации с БРИКС и ШОС, — можно продемонстрировать потенциал масштабирования союза зависит от характера его внешних связей. В изоляционном сценарии ЕАЭС замыкается на собственном внутреннем рынке и постепенно теряет динамику. В варианте глубокой кооперации с

---

[96] Любина Д.Е. Концепция Большой Евразии в условиях глобализации: геополитическое измерение / Д.Е. Любина // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2022. – Т. 11. – № 2(42). – С. 156.

крупными незападными объединениями он приобретает черты узла более широкой сети интеграционных форматов. При этом автономность такого «контрапункта» возможна лишь при условии диверсификации партнерств и ослабления зависимости от одного центра экономической гравитации. Подобный подход выводит обсуждение за пределы бинарной оппозиции «успешный — неуспешный союз» и переводит его в плоскость стратегического позиционирования[97].

Экономико-структурный анализ концентрируется на проблеме неоднородности и асимметрии внутри союза. Обычно отмечается различия в размерах экономик, демографическом потенциале и степени диверсификации хозяйства государств-членов. Такая неоднородность формирует сложную конфигурацию распределения выгод и издержек интеграции[98].

Увеличение общего рынка способно создавать эффекты масштаба и стимулировать конкуренцию, однако эти преимущества реализуются лишь при устранении нетарифных барьеров и формировании действенной политики конкуренции. В противном случае асимметрия усиливается, а экономическая интеграция приобретает фрагментарный характер. В этой перспективе ЕАЭС сталкивается с внутренними ограничениями, которые затрудняют его превращение в устойчивое ядро более широкой макроструктуры.

Сопоставление этих позиций позволяет выявить различие между интеграцией как экономическим проектом и интеграцией как геополитической стратегией. В первом случае акцент смещается на динамику торговли, институциональную плотность, уровень нормативной унификации и распределение экономических выгод. Во втором — на способность союза выступать инструментом формирования альтернативной архитектуры

---

[97] Бабаев К.В. Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток / К.В. Бабаев // Экономика Центральной Азии. – 2024. – Т. 8. – № 2. – С. 96.

[98] Зоидов К.Х. Моделирование сопряжения и инновационного развития транспортно–транзитных систем России и стран Большой Евразии / К.Х. Зоидов, А.А. Медков, З.К. Зоидов. – М.: Институт проблем рынка РАН, 2024. – С. 48.

международных отношений. Эти измерения не совпадают. Экономическая интеграция может оставаться ограниченной по глубине, в то время как геополитическая функция союза расширяется. Именно в этом расхождении и возникает дискуссия о масштабируемости ЕАЭС.

Способность союза стать структурным «ядром» Большой Евразии зависит от того, каким образом будет решено противоречие между межправительственным характером институционального устройства и ожиданиями расширения его функционала. Если ЕАЭС останется преимущественно координационным механизмом, его роль будет ограничена постсоветским пространством. Если же он сможет обеспечить более высокую степень экономической связанности и нормативной унификации, то появится основание для его включения в более широкий макрорегиональный контур[99].

Отдельного внимания требует проблема масштабируемости интеграции в условиях усиливающейся китайской экономической гравитации. Сдвиг торговых потоков и инфраструктурных маршрутов в сторону Азии усиливает значение сопряжения ЕАЭС с инициативами Пекина. Однако экономическая асимметрия между Россией, государствами союза и Китаем порождает риск перерастания интеграции в зависимую конфигурацию, что подтверждается российскими экспертами[100]. Риск попадания в зависимость также существует на уровне идей и дискурса, поскольку, как было отмечено Д.П. Новиковым: «Россия не обладает достаточным потенциалом продвижения смыслов, чтобы обеспечить проникновение своей повестки в научно-экспертный дискурс такой большой страны, как Китай. Но она способна доносить смыслы, оформлять и предлагать идеи. Безусловно, России следует продолжать усилия

[99] Телегин Д.С. Роль арктического региона в формировании проекта «Большая Евразия» / Д.С. Телегин // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 10(86). – С. 3505.

[100] Жильцов С.С. Политика Китая в отношении Евразийского экономического союза / С.С. Жильцов // Проблемы постсоветского пространства. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 14.

по дальнейшему оформлению и продвижению своих внешнеполитических идей, в том числе о “Большой Евразии”, и других смежных концепций»[101].

В этом контексте вопрос о ЕАЭС как ядре Большой Евразии приобретает дополнительное измерение: речь идет не только о внутренней институциональной состоятельности, но и о способности Союза сохранить субъектность в более широкой системе, где центры экономической силы распределены неравномерно.

Концепция Большой Евразии закрепляется в научном дискурсе в тот момент, когда представление о линейной глобализации и универсализации институтов утрачивает объяснительную силу[102]. Усиление санкционной политики, эрозия многосторонних торговых механизмов, рост региональных блоков и перераспределение экономической активности в сторону Азии формируют фон, на котором евразийская проблематика получает новое содержательное наполнение. В этом контексте Большая Евразия начинает интерпретироваться как форма адаптации к фрагментированному мировому порядку[103].

Концепция «евразийского континентализма» предполагает, что континентальные связи становятся определяющим фактором пространственной организации хозяйства[104]. Большая Евразия не является интеграционным блоком в институциональном смысле, а представляет собой пространственную мегаструктуру, складывающуюся за счет усиления

---

[101] Новиков Д.П. В поисках Евразии: сравнительный анализ экспертного и академического дискурсов о евразийском регионализме в России и КНР / Д. П. Новиков, А. П. Бочарова // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 3. – С. 38.

[102] Цзюнтао В. Россия и Китай в Большой Евразии: давние друзья vs новые партнеры / В. Цзюнтао, Д.Е. Любина, М.А. Саблина. – СПб: Издательско–полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. – С. 77.

[103] Блохин К.М. Геополитика “Большой Евразии” в концепциях неоевразийства: противостояние атлантизму и поиск союзников / К.М. Блохин // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 2(201). – С. 558

[104] Афиногенов Д.А. Стратегическое планирование на пространстве Большой Евразии: научно–теоретическое осмысление проблемы / Д.А. Афиногенов, И.В. Стародуб // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2025. – Т. 14. – № 2(67). – С. 395.

внутриконтинентальных потоков — транспортных, энергетических, производственных. Подобный подход смещает анализ с формально-правовой интеграции к геоэкономической конфигурации. Континентализм в этой версии не сводится к идеологическому проекту; он описывает перераспределение логистических осей и центров экономической активности. Тем самым Большая Евразия интерпретируется как пространственный ответ на распад прежней глобальной связности[105].

Смещение экономического и демографического веса в сторону Азии объективно изменяет структуру мировой экономики; следовательно, стратегическая ориентация на восточное и южное направления приобретает системный характер. В этой перспективе Большая Евразия предстает частью более широкой трансрегиональной архитектуры, в которой региональные блоки формируют сложную сеть координации. Смещение центра мировой экономики в Азию объясняется не только ростом отдельных государств, но и институциональной плотностью их взаимодействия.

Таким образом, евразийский проект оказывается встроенным в более широкую конфигурацию азиатской регионализации. Воскресенский акцентирует, что устойчивость подобной архитектуры определяется способностью интеграционных форматов сопрягаться друг с другом, а не замыкаться в автономных границах.

Китайская исследовательская традиция, анализирующая сопряжение ЕАЭС с инициативой «Один пояс — один путь», придает концепции дополнительное измерение. Здесь евразийское пространство рассматривается как стратегическая ось формирования «сообщества единой судьбы», где инфраструктурная взаимосвязанность играет системообразующую роль. Сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы трактуется как механизм

[105] Феофанов К.А. Цивилизационное моделирование региональных международных отношений (на примере Большой Евразии) / К.А. Феофанов // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1(9). – С. 56.

институционализации континентальных связей и перенастройки торговых маршрутов[106].

При этом китайская перспектива исходит из экономической логики: усиление внутриконтинентальных коридоров снижает зависимость от морских путей и укрепляет позиции Азии в мировой экономике. В таком прочтении Большая Евразия приобретает отчетливые черты азиатского центра тяжести, а экономическая гравитация Китая становится структурным фактором формирования макрорегиона.

Западные интерпретации предлагают иную трактовку происходящего. Евразийская интеграция в этих работах описывается как ревизионистский проект, направленный на перераспределение влияния в постсоветском пространстве и ослабление западных институтов. Смещение центра мировой экономики в Азию признается объективным фактом, однако акцент делается на рисках формирования блоковой структуры и усиления геополитической конкуренции[107].

Большая Евразия в такой оптике рассматривается как элемент стратегии, оспаривающей либеральные правила мировой торговли и финансов. Подобная позиция подчеркивает, что полицентричность не воспринимается как нейтральное перераспределение сил, а интерпретируется как источник новой конфронтационной динамики.

Сопоставление этих подходов позволяет выявить, каким образом в научном дискурсе объясняется смещение центра мировой экономики в Азию. Российские исследователи связывают его с демографическими и производственными изменениями, китайские — с институционализацией инфраструктурных связей, западные — с перераспределением власти и усилением стратегической конкуренции. Большая Евразия оказывается точкой

---

[106] Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии / А.В. Лукин // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 46.

[107] Адлов Р.А. Идея «Евразийства» в исследованиях зарубежных аналитических центров / Р.А. Адлов // Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3. – № 1. – С. 75.

пересечения этих интерпретаций. В ней концентрируется представление о полицентричном мире, где континентальные структуры постепенно вытесняют универсалистские механизмы глобализации.

Напряжение между российской субъектностью и усиливающейся китайской центральностью становится ключевым элементом этой конфигурации. Российская позиция исходит из идеи стратегической автономии и формирования альтернативного полюса, в котором ЕАЭС выступает институциональным ядром. Китайская логика акцентирует экономическую связанность и инфраструктурную экспансию, что объективно усиливает азиатский центр тяжести. В результате Большая Евразия формируется как пространство, где инициирующая роль России сталкивается с масштабом китайской экономики.

В результате концепция Большой Евразии в научном дискурсе 2020-х гг. выступает формой осмысления перехода к полицентричной мировой системе. Континентализм описывает пространственное измерение этого перехода, трансрегионализм — институциональную архитектуру, а полемика вокруг ревизионизма фиксирует политическое измерение процесса. Проблематика Большой Евразии приобретает завершенность лишь в том случае, если рассматривать евразийскую интеграцию не только как институциональный или геополитический проект, но и как механизм пространственной трансформации. В этом измерении ключевым становится вопрос о том, каким образом интеграционные процессы влияют на конфигурацию территориального развития России и формирование континентального «опорного каркаса»[108].

М. Мясникович и В. Ковалев вводят понятие «опорного каркаса» евразийской интеграции, связывая его с сетью транспортных коридоров, энергетических магистралей, узлов переработки и трансграничных

[108] Медынская И.В. Анализ потенциала взаимовыгодного сотрудничества в реализации национальных интересов стран ЕАЭС, Большой Евразии и государствах БРИКС+ / И.В. Медынская // Проблемы современной экономики. – 2025. – № 1(93). – С. 33.

агломераций. В их трактовке Большая Евразия не конституируется через декларации или соглашения, а складывается как совокупность пространственных связей, формирующих устойчивую геоэкономическую структуру. Опорный каркас представляет собой систему осей развития, которые соединяют ключевые центры производства, логистики и финансов. При таком подходе ЕАЭС выступает инструментом институционального сопровождения этих процессов: унификация регламентов, таможенных процедур и технических стандартов создает условия для уплотнения пространственных связей. Как указывают М. Мясникович и В. Ковалев, «Союзу необходимо органично встроиться в экономическую архитектуру макрорегиона, стать центром ее развития, опорой Большой Евразии»[109].

Л.Б. Вардомский указывает на структурные ограничения, препятствующие формированию полноценного континентального каркаса. Он фиксирует фрагментарность транспортных сетей, неравномерность пропускной способности магистралей и слабую сопряженность региональных инфраструктур. По его оценке, интеграционные соглашения не сопровождаются автоматическим ростом связанности; напротив, сохраняются разрывы между западной и восточной частями страны, а также между центральными и периферийными регионами. Тем самым пространственная функция ЕАЭС, оказывается зависимой от масштабных инфраструктурных вложений и долгосрочной координации транспортной политики. Без устранения логистических «узких мест» евразийская интеграция рискует остаться нормативной рамкой без выраженного территориального эффекта.

Исследования, посвященные взаимодействию союза с инициативой «Один пояс — один путь», подчеркивают, что развитие трансконтинентальных коридоров и индустриальных парков формирует новые оси экономической активности. Интеграция в данном случае выступает

---

[109] Мясникович М. Миссия ЕАЭС–2025: региональный центр экономического развития и опора Большой Евразии / М. Мясникович, В. Ковалев // Наука и инновации. – 2021. – № 1(215). – С. 5.

посредником между национальной инфраструктурной политикой и трансрегиональными проектами. Однако экономическая асимметрия между Россией и Китаем порождает риск того, что пространственная конфигурация будет формироваться под воздействием внешней гравитации. При отсутствии собственной инвестиционной и технологической базы опорный каркас может трансформироваться в транзитную периферию, а не в автономный центр роста.

Внутренняя трансформация России в рамках евразийской интеграции тесно связана с переоценкой роли Сибири и восточного вектора. Современные российские экономико-географы рассматривают Сибирь как ключевой элемент континентальной связности, способный соединять европейскую часть страны с азиатскими рынками. Формирование транспортных узлов, развитие северных морских маршрутов, модернизация Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей приобретают системное значение. В этом ракурсе евразийская интеграция стимулирует перераспределение инфраструктурных приоритетов и корректировку пространственной политики государства. Восточный вектор перестает быть дополнительным направлением внешней торговли; он превращается в структурный элемент территориальной стратегии[110].

Углубление внутренней интеграции в ЕАЭС рассматривается как условие повышения пространственной связности. Гармонизация технических регламентов, развитие общих рынков услуг и энергетики, цифровизация таможенных процедур снижают транзакционные издержки и упрощают движение товаров по континентальным маршрутам. Пространственный

[110] Окунев И.Ю. Эффект соседства в Большой Евразии: пространственный автокорреляционный и кластерный анализ / И.Ю. Окунев, Л.П. Шматкова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2021. – Т. 37. – С. 58.

эффект интеграции проявляется в уплотнении хозяйственных связей между регионами союза[111].

Расширение интеграции через сопряжение с ШОС, БРИКС и китайскими инициативами придает пространственному измерению дополнительную глубину. Включение в более широкие форматы сотрудничества создает предпосылки для диверсификации маршрутов и источников инвестиций. Одновременно усиливается зависимость от внешних акторов, обладающих большим экономическим потенциалом. Риски периферизации российского пространства становятся одним из центральных вопросов дискуссии. Демографическая концентрация населения в европейской части страны и относительно низкая плотность хозяйственной активности в Сибири создают структурное напряжение. Экономическая асимметрия внутри Евразии, выражающаяся в разнице масштабов экономик России, Китая и государств Центральной Азии, усиливает вероятность неравномерного распределения выгод интеграции. Евразийская интеграция в пространственном измерении выступает одновременно инструментом консолидации и источником новых диспропорций. Формирование «опорного каркаса» Большой Евразии связано с развитием инфраструктурных осей, усилением континентальных связей и переориентацией хозяйственных потоков. Однако устойчивость этой конструкции определяется способностью преодолеть транспортно-логистические ограничения, минимизировать асимметрию и обеспечить демографическую и экономическую сбалансированность. Пространственная динамика интеграции становится не побочным, а структурообразующим элементом формирования макрорегиона.

Таким образом, Большая Евразия предстает не завершенной моделью, а аналитической рамкой, в которой пересекаются процессы регионализации, перераспределения экономической силы и переоценки принципов

---

[111] Бегаева А.В. Человек в пространстве Большой Евразии / А.В. Бегаева, Л. О. Терновая. – М., 2024. – С. 210.

глобального управления. Научная дискуссия о потенциале масштабирования ЕАЭС выявляет сложное переплетение институциональных, экономических и геополитических факторов. ЕАЭС выступает одновременно и экономическим союзом ограниченной глубины, и политическим инструментом конструирования альтернативного макрорегионального порядка. Его трансформация в структурное ядро Большой Евразии не является предопределенной; она зависит от способности преодолеть внутренние асимметрии, повысить уровень связанности и встроиться в полицентричную конфигурацию без утраты автономности.

Глава 2. Достижения и проблемы наднационального строительства в ЕАЭС

2.1 Политизация повестки ЕАЭС: контент-анализ стратегических документов

Два программных документа евразийской интеграции играют важнейшую роль в вопросах планирования и перспективного развития евразийской интеграции. Во-первых, Декларация о дальнейшем развитии интеграции на период до 2025 года (Декларация-2025) [112] ; во-вторых, Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» (Декларация-2030)[113]. В них на высшем уровне принятия решений определяются как принципы дальнейшего развития ЕАЭС, так и конкретные направления работы наднациональных институтов и приоритеты сотрудничества государств по развитию евразийской интеграции. Анализ данных документов позволит оценить позицию наднациональных институтов и национальных политических акторов в отношении собственных достижений, неудач, перспектив и препятствий дальнейшего развития.

Оба документа состоят из трех смысловых частей: во-первых, преамбулы, в которой описываются принципы и основания декларирования направлений развития евразийской интеграции; во-вторых, основной части, в которой перечисляются направления развития интеграции и описываются более конкретные меры и инициативы по их исполнению; в-третьих, заключения, описывающего ключевые предпосылки, цели и стимулы развития

[112] Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза // Правовой портал ЕЭК – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/4047/ (Дата обращения: 17.07.2025)

[113] Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Правовой портал ЕЭК – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/ (Дата обращения: 17.07.2025)

интеграции в рамках обозначенных направлений, а также дальнейшие конкретные шаги по реализации обозначенных в декларации направлений развития.

Достойным внимания является хронология горизонта планирования обеих деклараций. Первая из них, Декларация-2025, была подписана на заседании Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) 6 декабря 2018 года[114] и имела семилетний горизонт планирования. Вторая декларация была подписана на заседании ВЕЭС 25 декабря 2023 года [115] также с горизонтом в 7 лет, однако она в обобщенном характере затрагивает вопросы и долгосрочного планирования – с горизонтом до 2045 года, то есть на 12 лет вперед.

Сравнительный анализ преамбул позволит сформировать обобщенное представление относительно взгляда государств-участников на такие ключевые аспекты евразийской интеграции, как положение ЕАЭС в международной системе, обобщенное восприятие успехов объединения и оценка результатов предшествовавшей деятельности, а также оценка ситуации в глобальной системе и региональной подсистеме международных отношений.

Исходя из представленных в Приложении 1 данных, мы можем сделать заключение о том, что первая из Деклараций концентрирует внимание почти исключительно на экономических аспектах интеграции и технико-экономических вопросах развития интеграции. Так, самовосприятие институтов евразийской интеграции ограничивалось экономическим смыслом, поскольку ЕАЭС назывался «субъектом мировой экономики». Данная формулировка не отражает существа организации, поскольку понятие

---

[114] Документы, подписанные по итогам Высшего Евразийского экономического совета // Сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5377 (Дата обращения: 17.05.2026)

[115] Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // ЕЭК – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/2030-2045/ (Дата обращения: 17.05.2026)

«субъект экономики» скорее означает «участник хозяйственной деятельности». Под этим понимается лицо или организация, участвующие в процессе производства, распределения или потребления экономических благ. Функционал ЕАЭС никогда не подразумевал исполнение данных функций, а сам Союз изначально задумывался как институт, регулирующий экономические отношения.

Во втором документе фокус смещается в сторону международных отношений, международной и региональной политической составляющей евразийской интеграции. Во-первых, здесь ЕАЭС обозначается как «международная организация», что фокусирует внимание на его международной субъектности и политической природе. Во-вторых, приводится уточнение, что ЕАЭС является «организацией региональной экономической интеграции». Это привносит методологическую ясность в функционал и суть существования Союза. Данные определения, безусловно, относятся к сфере политологии, что означает проникновение политических аспектов в официальный дискурс евразийской интеграции.

Второй документ также более конкретен в отношении программы действий, которые участники интеграции стремятся осуществить. Здесь указывается на роль интеграции в глобальных процессах, гораздо больше внимания уделяется вопросам развития сотрудничества с внешними для евразийского интеграционного объединения государствами. Роль интеграции формулируется как «укрепление равноправных, взаимовыгодных и дружественных отношений», что опять же отсылает нас к области политики, межгосударственных и многосторонних отношений. Упор на равноправие и взаимовыгодность отсылает к принципиальной цели российской политики по формированию справедливого многополярного мира.

Первый из рассматриваемых документов делает акцент на «защитной» роли евразийской интеграции, указывая в качестве её функционала нивелирование последствий мирового кризиса и обеспечение конкурентоспособной позиции в мировой экономике. Во втором документе

ставятся намного более амбициозные планы, например, «формирование полноценного независимого и привлекательного макрорегиона» и «обеспечение лидерства в передовых научных и экономических сферах современности». Эволюция подхода в данном отношении примечательна, поскольку она указывает на доказанную ранее регионообразующую функцию интеграции.

Мнения экспертов в области данной проблематики подтверждают наши наблюдения. Во-первых, действительно, отмечается рост роли и влияния евразийской проблематики в дискурсе политических лидеров, тенденция к включению евразийской проблематики в стратегические национальные документы, а также включение в интеграционную повестку геополитических и политических вопросов [116]. Это также подтверждается тем, что Союз рассматривается «как мощное интеграционное объединение, которое имеет важное международное значение в сохранении стабильности и безопасности мировой экономики и международно-правовой системы» [117]. Таким образом, за пять лет восприятие Евразийского экономического союза государствами-участниками существенно изменилось. Зарождаясь изначально как исключительно экономический проект, региональный рынок, субъект мировой экономики, ЕАЭС со временем превращается в полноценный и влиятельный международный институт, влияние которого ощутимо заметно как в евразийском регионе, так и за его пределами[118].

---

[116] Голованов Р.С. Международное позиционирование интеграционного проекта элитами государств–членов ЕАЭС / Р.С. Голованов // Вестник КРСУ. – 2018. – Т. 18. – № 3. – С. 60.

[117] Байгазиева Д.М. ЕАЭС: международно–правовые аспекты сотрудничества с ШОС и АСЕАН в рамках Большого Евразийского Партнерства / Д.М. Байгазиева, Р.Р. Сейтахунова // Вестник КРСУ. – Т. 23. – № 7. – С. 70.

[118] Чуньцзе В. Евразийство: глобальные вызовы и новый миропорядок в политической философии А.Г. Дугина / В. Чуньцзе // Мировая политика. – 2021. – № 2. – С. 71; Бударина Н.А. Инвестиционная деятельность стран ЕАЭС в условиях глобальной трансформации / Н. А. Бударина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – Т. 7. – № 113. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya–deyatelnost–stran–eaes–v–usloviyah–globalnoy–transformatsii (Дата доступа: 17.06.2025).

Во-вторых, государства-участники за время существования евразийской интеграции также начали рассматривать ЕАЭС не только как экономический проект, но и как постоянный фактор их международных отношений[119] и, в том числе, фактор противодействия глобальным рискам[120]. Экспертами в данной сфере отмечается успешность становления ЕАЭС как международной региональной интеграции и получения международной правосубъектности. Более того, указывается, что расширение сферы влияния ЕАЭС путем наращивания внешнего партнерства является вполне логичным и закономерным следующим шагом в развитии евразийской интеграции[121].

В-третьих, что касается заявленных целей в отношении цифровизации, обеспечения технологического суверенитета, экономико-технического и интеллектуального лидерства, то в данных вопросах существует намного больше проблем, чем достижений. Так, например, существует значительный разрыв между заявленными целями и практическими результатами, что вполне справедливо и оправданно отмечают в своей работе ряд экспертов из государств-участников[122].

Что касается основных частей документов, здесь наблюдается схожая динамика. Ключевые аналитические выводы можно увидеть в Приложении 2.

В разделе о международных отношениях страны уходят от перечисления конкретных регионов и организаций, с которыми намереваются усиливать взаимодействие, но оставляют более расплывчатую формулировку – «со

---

[119] Абдижалил уулу Т. Экономические взаимоотношения Кыргызской Республики с государствами Аравийского полуострова в условиях таможенного союза стран–участниц ЕАЭС / Т. Абдижалил уулу // Вестник КРСУ. – 2018. – Т. 18. – № 7. – С. 4.

[120] Байзакова К.И. Евразийская интеграция как фактор противодействия глобальным рискам / К. И. Байзакова, Е. Каракулов // International Relations and International Law Journal. – 2016. – Vol. 69. – № 1. – С. 25.

[121] Лапенко М.В. Внешний контур ЕАЭС: потенциал расширения и поиск оптимальных механизмов взаимодействия / М. В. Лапенко // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. – 2016. – № 1. – С. 76.

[122] Кадырбек Ж. Цифровизация трудовой миграции в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС / Ж. Кадырбек, К. Кобландин // International Relations and International Law Journal. – 2025. – Т. 109. – № 1. – С. 136; Арзыбаева А.А. Реалии цифровизации в странах ЕАЭС / А. А. Арзыбаева // Вестник КРСУ. – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 7.

странами и организациями…, стремящимися к равноправному и конструктивному партнерству», что опять же отсылает нас к представлениям российской политической элиты о построении многополярного мироустройства. Это находит выражение в составе государств и регионов, с которыми сотрудничает ЕЭК и ЕАЭС в период после 2023 года, поскольку российскими лидерами неоднократно упоминалась неготовность западных политических элит к равноценному и равноправному партнерству[123].

К тому же в Декларацию напрямую включен пункт о реализации программы Большого евразийского партнерства, что напрямую отсылает нас к приоритетам российской внешней политики. Данный факт еще раз подтверждает глубокий уровень взаимосвязи евразийской интеграции и концепции построения Большой Евразии. В силу того, что данные документы отражают не только позицию наднациональных институтов, но и коллективную позицию глав государств Евразийского экономического союза, этот пункт имеет большую важность. Тот факт, что подобные документы разрабатываются на консенсусной основе, говорит нам о принятии идеи построения Большой Евразии на базе евразийской интеграции всеми государствами-участниками ЕАЭС.

Здесь опять же мы можем проследить, что первая Декларация ставила перед собой экономические цели и оперировала терминологией и методологией экономики, останавливаясь на вопросах обеспечения эффективности единого рынка и повышения благосостояния и качества жизни населения. Круг вопросов, затрагиваемых в Декларации-2030, намного шире и включает ряд стратегических, в том числе политических задач. Здесь указывается на необходимость обеспечения сотрудничества в сфере технологического развития, развитие ЕАЭС как полюса притяжения на

[123] Путин: России нужна не помощь Запада, а равноценное партнерство // Интерфакс. – URL: https://www.interfax.ru/business/59805 (Дата обращения: 26.02.2026); Лавров заявил, что Запад вместо диалога с РФ круглосуточно ищет способы ее сдерживания // ТАСС. – URL: https://tass.ru/politika/17440277 (Дата обращения: 26.02.2026).

международной арене, формирование общего транспортно-логистического пространства, а также в круг передовых проблем включаются вопросы развития общего финансового рынка и обеспечения финансовой устойчивости и безопасности государств.

Анализируя тематику пунктов основных частей деклараций, также следует обратить внимание на малое количество «пересекающихся» тем между двумя документами. Исходя из этого, вполне адекватным представляется предположение об эволюции, если и не всей модели интеграции, то уж точно позиций и интересов национальных акторов в том, что касается евразийской интеграции.

Заключительные части документов также довольно сильно разнятся. Так, если Декларация-2025 имеет довольно расплывчатую и общую формулировку, в которой государства-подписанты обязуются «всецело способствовать реализации целей и задач ЕАЭС» путем соблюдения Права ЕАЭС и работы в уже обозначенных ранее в документе направлениях, то Декларация-2030 более конкретна.

Так, в заключительной части Декларации-2030 указывается необходимость повышения эффективности работы Евразийской экономической комиссии, а также приводится ряд конкретных действий и мероприятий, которые будут предприняты в данном отношении. Многие из них затрагивают не только внутренние функциональные процедуры, но и международные аспекты, такие как повышение доступности трудоустройства для граждан из разных государств-участников.

Особенностью второго документа также можно назвать упоминание проведенных сценарно-прогнозных исследований развития евразийской интеграции до 2045 года. Последней общей чертой является указание на дальнейшие конкретные шаги и мероприятия по реализации направлений, обозначенных в Декларациях.

Подводя итоги данному анализу, можно заключить, что Декларация-2030 представляет собой более конкретный, прагматичный и приближенный к

стратегическим целям документ, в котором, кроме того, уделено значительное внимание институциональной структуре ЕАЭС. Государства-участники осознают существующие проблемы развития евразийской интеграции и стремятся к их скорейшему разрешению, включая их напрямую в концептуальные и стратегические документы такого уровня. Отталкиваясь от анализа обоих документов, мы можем прийти к заключению о том, что государства-участники, партнёры России по интеграции постепенно отходят от исторической позиции, заключавшейся в полном отказе от включения в евразийскую повестку каких бы то ни было политических вопросов. Также мы смогли заметить, что в новый документ просочился ряд позиций, характерных для принципиальных основ внешней политики России: положения о формировании многополярного мироустройства и предложенный В. В. Путиным проект формирования Большой Евразии и реализации Большого евразийского партнерства.

Примечательно, что данный «более политизированный» документ был принят в годы председательства России, официальная позиция которой никогда явно не указывала на недопустимость включения вопросов международной и политической повестки в круг тем, упоминаемых в рамках евразийской интеграции.

Представители политической элиты России [124] , равно как и представители российского академического сообщества [125] , традиционно склонны рассматривать евразийскую интеграцию в привязке к политическим вопросам национальной и региональной политики на евразийском пространстве.

---

[124] Жириновский В.В. Владимир Жириновский прокомментировал тему создания Евразийского союза. // Новости ЛДПР – URL: https://ldpr.ru/events/Vladimir_Zhirinovsky_said_a_theme_of_creation_of_the_Eurasian_Union/ (Дата обращения: 03.05.2024).

Зюганов: ЕАЭС – братское государство, Горбачев и Ельцин – мировые злодеи // Regnum – URL: https://regnum.ru/news/2158813 (Дата обращения: 03.05.2024).

[125] Кротов М.И. Евразийская интеграция — ответ западной модели глобализации / М. И. Кротов // Журнал «Разведчик». – 2022. – № 1(1). – С. 19.

Сформированный в результате интеграции евразийский регион даже стал отдельной геополитической и пространственно-региональной единицей как в академическом, так и в официальном дискурсе. Более того, российская политика на евразийском пространстве и в отношении ЕАЭС почти всегда рассматривается с точки зрения обеспечения безопасности.

Зачастую российскую политику в евразийском регионе рассматривают в привязке к иным региональным международным организациям в рамках единой пространственно-региональной политики и говорят о том, что в интересы России входит сопряжение ЕАЭС с рядом существующих региональных и глобальных международных организаций (СНГ, ОДКБ, Союзное государство, ШОС, МЕРКОСУР, АСЕАН, БРИКС) [126]. Развитие Большого евразийского партнёрства в целом рассматривается в привязке ко всей системе многосторонних институтов управления на евразийском пространстве, а не только когда речь идёт о российской политике. Например, политические элиты Армении, говоря о евразийской интеграции, рассматривают отношения с Россией с точки зрения «союзничества» и рассматривают участие в Союзе параллельно с участием в другой организации – ОДКБ[127].

ЕАЭС признается казахстанскими экспертами одним из важнейших факторов внешней политики России в Центральной Азии[128]. Данное замечание и проведенный выше анализ позволяют нам сказать о том, что, как минимум,

---

[126] Харитонова Н.И., Гущин А.В. Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6. – № 6. – С. 597-609.

[127] Пашинян в «угаре»: после заявлений премьера Армении ее могут попросить на выход из ЕАЭС // Парламентская газета. Издание Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: https://www.pnp.ru/politics/pashinyan-v-ugare-posle-zayavleniy-premera-armenii-ee-mogut-poprosit-na-vykhod-iz-eaes.html (Дата обращения: 17.05.2026).

[128] Аксакалова М. Современные векторы внешней политики России в Центральной Азии в условиях политической турбулентности / М. Аксакалова, А. Абдулина // Известия. Серия: Международные отношения и регионоведение. – 2023. – Т. 52. – № 2. – URL: https://doi.org/10.48371/ISMO.2023.52.2.003 (Дата обращения: 10.01.2024).

у российской стороны есть все основания продвигать политическую и международную повестку в привязке к вопросам евразийской интеграции. Будучи наиболее влиятельным политическим и экономическим игроком в регионе и взаимодействуя с государствами-партнёрами по интеграции в рамках различных международных объединений, Россия обеспечивает не только собственную, но и общую региональную безопасность[129]. Поскольку для России евразийская интеграция является одним из аспектов национальной безопасности, просачивание политических мотивов в повестку евразийской интеграции рано или поздно было бы неизбежным.

Некоторые западные источники, в том числе, академические, и вовсе склонны рассматривать евразийскую интеграцию как проект, существующий в рамках «силового политического давления на участников со стороны России»[130], что, однако, представляется нам недостаточно обоснованным предположением.

Несмотря на включение политических мотивов в дискурс евразийской интеграции, партнеры России по интеграции всё еще сохраняют осторожность в открытом обсуждении евразийской интеграции в привязке к политическим проблемам развития региона. Например, как отмечается экспертами, Казахстан избегает «форсированного расширения кооперации в политической области, которая, по сути, не является центральной в процессе формирования Большой Евразии»[131]. Однако здесь нет единогласного экспертного мнения, поскольку, с другой стороны, евразийская интеграция зачастую

---

[129] Ярошенко Г.В., Комерцов В.В., Шестаков С.С. Перспективы сотрудничества Российской Федерации и стран Средней Азии в сфере безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – №1. – С. 228.

[130] Губайдуллина М.С. Казахстанский контекст евразийской интеграции и ЕАЭС в критическом поле западных экспертов / М. С. Губайдуллина // International Relations and International Law Journal. – 2016. – Т. 69. – № 1. – С. 47.

[131] Суточкин Р.С. Роль проекта «Большое Евразийское партнерство» в политике Казахстана через призму его участия в СНГ, ЕАЭС и ОДКБ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2025. – Т. 19 – № 4. – С. 136.

рассматривается киргизскими экспертами как один из факторов внешней политики и положения Киргизии на международной арене[132].

Помимо рассмотренных, существуют также и иные проявления политизации евразийской интеграции. Во-первых, в информационное поле и дискурс наднациональных институтов выносятся вопросы национальной безопасности. Например, в феврале 2026 года в комментарии Б. Сагинтаева о ситуации на казахстанско-кыргызской границе поднимались вопросы национальной безопасности, связанные с контрабандой и незаконным перевозом товаров[133]. Данная ситуация также демонстрирует, что, несмотря на существующие договоренности в рамках действующего Таможенного союза, при принятии решений во взаимодействии с партнерами интеграции ключевую роль играют вопросы национальной безопасности. А проблематика евразийской интеграции, хоть и имеет преимущественно экономическую направленность, при этом неразрывно связана с вопросами национальной (в данном случае экономической) безопасности.

Во-вторых, в условиях повышения роли искусственного интеллекта и общей информатизации и цифровизации значительную роль играют вопросы информационной безопасности, относительно которых в 2019 году ЕЭК были разработаны правовые нормы в форме рекомендаций: «О перечне стандартов и рекомендаций в области информационной безопасности…» [134] , устанавливавшие ряд норм и стандартов в области криптографии,

---

[132] Турусбеков Д.Б. Евразийский экономический союз во внешней политике Кыргызской Республики // Постсоветские исследования. – 2023 – Т. 6 – № 6. – С. 613.

[133] Сагинтаев Б. О ситуации на казахстанско–кыргызской границе // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/o–situatsii–na–kazakhstansko–kyrgyzskoy–granitse/?sphrase_id=471132 (Дата обращения: 26.02.2026).

[134] Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 марта 2019 г. № 9 “О перечне стандартов и рекомендаций в области информационной безопасности, применяемых в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза” // Информационно–правовой портал «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72097708/?ysclid=mm83go6180595276521#1000 (Дата обращения: 26.02.2026).

электронных подписей, систем менеджмента в области информационной безопасности и других.

В-третьих, в академическом дискурсе периодически поднимается вопрос «мягкой силы» евразийской интеграции. В 2018 году Тигран Саркисян указал на тот факт, что развитие студенческой миграции и увеличение кооперации в научно-исследовательской сфере является «мягкой силой» Союза, при этом указав на роль исследовательской молодежи в распространении идеи евразийской интеграции[135]. Кроме того, значительное внимание уделяется вопросам развития туризма как фактора «мягкой силы» на пространстве ЕАЭС[136], продовольственной безопасности[137], обеспечения эпидемиологической безопасности[138].

Таким образом, анализ программных и стратегических документов позволяет нам говорить о том, что, во-первых, сами участники евразийской интеграции позитивно воспринимают собственные успехи и динамику развития интеграции. Во-вторых, в новейшей Декларации-2030 транслируется российское видение места евразийской интеграции в построении пространства Большой Евразии. В-третьих, можно заметить, что позиция партнеров России относительно невключения вопросов политического характера в дискурс евразийской интеграции смягчается. Отчасти это может быть связано с глубокой взаимосвязанностью политических и экономических вопросов в современном глобализованном мире. Отталкиваясь от проведенного анализа,

---

[135] Т. Саркисян. Молодые ученые ЕАЭС – «мягкая сила» Союза // «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/ts_news/64365/?ysclid=mm83ih5eur690485519 (Дата обращения: 26.02.2026).

[136] В ЕАЭС утверждена Концепция развития туризма // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/v–eaes–utverzhdena–kontseptsiya–razvitiya–turizma/?sphrase_id=471132 (Дата обращения: 26.02.2026).

[137] Эксперты обсудили доступность продовольствия в странах ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/eksperty–obsudili–dostupnost–prodovolstviya–v–stranakh–eaes/?sphrase_id=471135 (Дата обращения: 26.02.2026).

[138] ЕЭК и ВОЗЖ провели семинар по актуальным вопросам оспы овец и коз // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/eek–i–vozzh–proveli–seminar–po–aktualnym–voprosam–ospy–ovets–i–koz/?sphrase_id=471135 (Дата обращения: 26.02.2026).

можно заключить, что за последние десять лет наблюдается политизация повестки евразийской интеграции как на декларативном, так и на эмпирическом уровне.

2.2 Евразийская интеграция как фактор повышения устойчивости национальных государств к глобальным и региональным рискам

В рамках институциональной структуры Единого экономического пространства ЕАЭС был разработан ряд количественных и аналитических показателей, призванных отслеживать уровень устойчивости развития государств-участников. На эти показатели государства и наднациональные органы ЕАЭС должны опираться при формировании стратегии и политики развития интеграции, в первую очередь – внутреннего институционального развития. Они приведены в Статье 63 Договора о ЕАЭС и включают в себя следующие:

- годовой дефицит консолидированного бюджета сектора государственного управления - не должен превышать 3 процентов валового внутреннего продукта [произведенного в рамках экономики государства-члена];
- долг сектора государственного управления [государства-члена] - не должен превышать 50 процентов валового внутреннего продукта [произведенного в рамках экономики государства-члена];
- уровень инфляции (индекс потребительских цен) в годовом выражении (декабрь к декабрю предыдущего года, в процентах) - не должен превышать более чем на 5 процентных пунктов уровень инфляции в государстве-члене, в котором этот показатель имеет наименьшее значение[139].

[139] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Статья 63 (ред. от 25 мая 2023 г.) // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

При исполнении всех вышеуказанных показателей, согласно положениям Договора о ЕАЭС, считается, что в соответствующий период развитие государств, равно как и всего Союза в целом, было устойчивым.

В Приложении 3 отражено соотношение балансов государственных бюджетов государств-членов ЕАЭС к размеру валового внутреннего продукта, рассчитанного по текущим ценам в национальных валютах. В указанной таблице значение 0,0% означает, что в текущем году в рассматриваемой стране наблюдался профицит государственного бюджета.

Как мы можем видеть из приведенных данных, на протяжении 10 лет существования ЕАЭС общая динамика по данному показателю для большинства стран остается положительной. Наиболее позитивная ситуация в данном отношении складывается у Беларуси. Причиной тому является эффективная денежно-кредитная политика и управление государственным сектором экономики, высокий уровень занятости населения и использование интеграционного потенциала постсоветского пространства при сохранении высокой доли расходов на социальный сектор. При этом в годы, когда в стране наблюдался дефицит бюджета, ключевыми факторами риска были неэкономические глобальные и региональные процессы, такие как пандемия COVID-19, геополитические и политэкономические последствия начала СВО на Украине [140] . С другой стороны, наименее устойчивая экономическая ситуация складывается у Армении, которая на протяжении всех 10 лет испытывала дефицит государственного бюджета. Следует отметить также положение Казахстана, который на протяжении всего периода испытывал дефицит государственного бюджета, однако, в большинстве лет смог удерживать рассматриваемый показатель в рамках рекомендуемого. Киргизия и Россия имеют схожие результаты: в рамках периода наблюдаются годы с дефицитом и профицитом, тогда как отрицательных показателей по дефициту

[140] Гнатюк С.Н. Развитие экономики Беларуси в условиях внешних шоков / С. Н. Гнатюк // Вестник экономики и права. – 2023. – № 75. – С. 28.

бюджета меньшинство, и они совпадают с общими по Союзу – 2016 и 2020 годы, тогда как в остальные годы страны успешно удерживали индикаторы в рекомендуемых пределах.

2016 год для экономик стран стал сложным, как нам кажется, ввиду следующих событий. Во-первых, учитывая товарную структуру экспорта стран Союза (в большинстве и самых крупных странах преобладают сырьевые и энергетические ресурсы), значительное влияние оказало существенное падение цены на нефть, произошедшее в 2016 году [141]. Во-вторых, все участники ЕАЭС, входящие в европейскую часть постсоветского пространства, имели налаженные экономические отношения с Украиной, у которой с 1 января 2016 года вступило в силу Соглашение о свободной торговле с Европейским Союзом, тем самым положив начало фактической переориентации собственной экономики в направлении Запада[142]. В-третьих, в периоде 2016–2017 годов мировая экономика находилась на отрицательном тренде, показатель мирового ВВП после 2014 года непрерывно падал[143], к тому же в 2014 году Россия испытала финансовый кризис значительных масштабов[144]. В-четвертых, в Киргизии в 2016 году прошли парламентские выборы и конституционный референдум [145], на фоне которых проходили

---

[141] Цена нефти марки Brent упала ниже $32 за баррель // РКБ – URL: https://www.rbc.ru/finances/11/01/2016/5693d85b9a79478f95f79776 (Дата обращения: 24.06.2025).

[142] EU–Ukraine Deep and Comprehensive Free Trade Area // European commission – URL: https://trade.ec.europa.eu/access–to–markets/en/content/eu–ukraine–deep–and–comprehensive–free–trade–area (Дата обращения: 24.06.2025).

[143] Мировое экономическое положение и перспективы, 2014 год // ООН – URL: https://www.un.org/en/development/desa/policy/wesp/wesp_current/2014wesp_pr_cis_ru.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

GDP per capita growth (annual %) // World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files – URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG (Дата обращения: 24.06.2025).

[144] Итоги 2014: добро пожаловать в рецессию // Интерфакс – URL: https://www.interfax.ru/business/416347 (Дата обращения: 24.06.2025).

[145] На референдуме в Киргизии проголосовали за изменения в Конституцию // РБК – URL: https://www.rbc.ru/politics/11/12/2016/584dadbc9a7947e846901a53 (Дата обращения: 24.06.2025).

митинги[146] и, по утверждению некоторых источников, была осуществлена попытка государственного переворота[147]. Такого рода политическая нестабильность, а также тот факт, что устранение ее последствий ложится на плечи государственного бюджета, представляется весомым фактором для неисполнения целевых показателей устойчивости.

С другой стороны, начало СВО в 2022 году на Украине, значительно повлиявшее на развитие всего постсоветского региона, по-видимому, оказало положительное влияние почти на все национальные экономики, кроме Армении, поскольку страны удерживали дефицит бюджета в рекомендованных нормах, равно как и повсеместно наращивали ВВП, а баланс государственного бюджета Киргизии даже вышел в ранее не характерный для нее в этом периоде профицит. Мы склонны считать, что наблюдаемая динамика связана с рядом факторов, среди которых следует выделить смену ориентации российской политики и экономики на Восток[148], актуализацию политики импортозамещения в России, в рамках Союзного Государства[149] и на пространстве ЕАЭС[150]. Более того, экспертами отмечается в целом

---

[146] Кыргызстан: Анатомия митингов // Central Asian Bureau for Analytical Reporting – URL: https://cabar.asia/ru/kyrgyzstan–anatomiya–mitingov (Дата обращения: 24.06.2025).

[147] В Киргизии предотвращен госпереворот? // Eurasia daily – URL: https://eadaily.com/ru/news/2016/05/14/v–kirgizii–predotvrashchen–gosperevorot (Дата обращения: 24.06.2025).

[148] Дэнсюэ Х. Российская политика “поворота на Восток”: мотивирующие факторы / Х. Дэнсюэ, В. Ин // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2024. – № 1. – С. 18.

[149] Akimova A.O. Protectionism as a tool of Russian foreign policy in the context of a multipolar world order / A. O. Akimova, R. Kh. Aynetdinov // Post–Soviet Continent. – 2025. – № 4. – P. 63.; Мешкова Т.А. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества / Т. А. Мешкова, В. С. Изотов, О. В. Демидкина, Ю. К. Кофнер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21. – № 1. – С. 7.

[150] Барсенян Г. У наших стран есть значительный потенциал для наращивания национального производства широкого спектра промышленной продукции // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/speech/strategicheskiy–pozitiv/?sphrase_id=471905 (Дата обращения: 25.06.2026).

положительная динамика отношений России и стран Центральной Азии на фоне развития украинского конфликта[151].

Второй из индикаторов устойчивости развития рассчитывается как отношение долга государственного сектора к совокупному годовому ВВП, и указывается, что положительным показателем для макроэкономической политики считается уровень отношения величин (долга к ВВП) не более 50%. Расчет отношения именно к ВВП приведен для оценки платежеспособности рассматриваемого государства, поскольку в силу характеристик и сути фискальной политики уровень дохода государства напрямую связан с уровнем экономической активности и объемом национального рынка товаров и услуг.

Сводные данные по данному индикатору отражены в Приложении 4. За рассматриваемый период на пространстве ЕАЭС наблюдается устойчивая тенденция к снижению рассматриваемого индикатора, что может означать как активную работу по снижению долговой нагрузки государственного сектора, так и устойчивый рост ВВП. За рассматриваемый период в целом по всем странам усредненные значения индикатора по региону находятся на рекомендуемых уровнях.

Мы можем заметить, что из всех государств-участников только Армения и Киргизия не имели возможности удовлетворительно выполнить рекомендации по данному индикатору. Уровень долга государственного сектора Армении является значительным дестабилизирующим фактором для государства. На протяжении всего периода уровень государственного долга в стране неуклонно рос, в то время как значительный рост ВВП и снижение соотношения государственного долга к ВВП наблюдаются только после 2022 года. Значительное отклонение от тенденции 2015–2019 годов к стабилизации и снижению данного показателя наблюдается в 2020 и 2021 годах, что эксперты связывают с ростом государственных расходов, вызванных

[151] Малышев Д.В. Страны Центральной Азии и украинский кризис: основные реакции / Д. В. Малышев // Постсоветские исследования. – 2026. – Т. 9, № 1. – С. 41.

экономическим эффектом пандемии COVID-19 и возобновлением военных действий в Нагорном Карабахе[152].

Что касается Киргизии, на протяжении шести лет долг государственного сектора превышал половину от годового ВВП, однако, имел на протяжении всего периода заметный тренд к понижению. Местные эксперты отмечают наличие систематических проблем в отношении государственного долга Киргизской Республики, наблюдаемых на протяжении всего периода участия государства в ЕАЭС и ранее. Наиболее деструктивным и рисковым признается тот факт, что большая часть долга страны является международным двусторонним долгом, при этом ключевыми кредиторами Киргизии являются внешние для ЕАЭС государства: Китай, Япония и Германия[153]. Изменение наблюдаемой тенденции после 2022 года связано с ростом ВВП страны и сменой финансового взаимодействия с КНР с кредитования на инвестирование[154].

Беларусь, Казахстан и Россия на протяжении всего периода имели стабильный показатель в данном отношении. Исключением для всех стран остаются 2020 и 2021 годы, характеризующиеся снижением деловой активности и разрушением логистических цепочек как следствием глобальной пандемии COVID-19.

Третья метрика описывает динамику страновой инфляции год к году. Здесь мы можем видеть, что Армения на протяжении восьми лет имела наиболее устойчивые показатели динамики индекса потребительских цен (ИПЦ) и испытывала дефляцию на протяжении 3 лет. Наиболее нестабильная ситуация наблюдается у Казахстана в силу того, что, во-первых, у данного

---

[152] Петросян Е.Г. Государственный долг Республики Армения: основные вызовы / Е.Г. Петросян // Регион и мир. – 2025. – № 4 (59). – С. 167–168.

[153] Баймурзаева Н.С. Внешний государственный долг Кыргызской Республики: динамика и оценка / Н. С. Баймурзаева, А. Э. Джусуева, Ж. Т. Джылкычиева // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2023. – № 6. – С. 43.

[154] Алафате А. Интересы Китайской Народной Республики в Кыргызской Республике и их эволюция в течение 1992–2020 годов / А. Алафате // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2021. – № 2. – С. 176.

государства наблюдался наибольший абсолютный показатель годовой инфляции – 20,3%, во-вторых, 6 лет уровень инфляции в государстве превышал рекомендованный Договором о ЕАЭС критерий. Беларусь, Киргизия и Россия сохраняли данный макроэкономический показатель на умеренном уровне и, хотя и в разные годы, но только 4 из 11 лет допускали превышение рекомендуемой нормы.

Как и в отношении других показателей, пандемия COVID-19 существенно повлияла на инфляционную динамику региона. Региональные и глобальные события 2022 года, катализированные началом СВО, оказали значительное влияние на стабильность цен на внутренних рынках, что в очередной раз подтверждает высокий уровень взаимосвязанности евразийских экономик. Сводные данные по исполнению всех трех показателей приведены в Приложении 6.

Мы можем видеть, что общее положение, описывающее устойчивость развития евразийского экономического пространства и внутреннего рынка ЕАЭС, является положительным. Минимальный уровень устойчивости развития по всем индикаторам наблюдался в 2016 году, когда ни одна из стран не выполнила все три критерия, а Армения и Киргизия выполнили только по одному. С другой стороны, наиболее успешным в данном отношении оказался 2019 год, когда все страны выполнили все три рекомендуемых показателя устойчивого развития.

Если условно поделить хронологию развития ЕАЭС на два периода: с 2015 по 2020 год включительно и с 2021 по 2025 год включительно, то мы можем увидеть, что оба периода имеют цикличную структуру развития, в рамках которой страны начинали пятилетие с неудовлетворительных общих показателей, а затем демонстрировали положительную динамику. Так, оба рассматриваемых периода начинались с геополитических и политических кризисов, которые оказывали влияние на устойчивость развития национальных экономик и государств в целом.

В период 2015–2016 годов, были продемонстрированы одни из наихудших показателей. Финансовый кризис в России в 2014–2015 годах, спровоцированный результатами референдума в Крыму и вступлением Республики в состав Российской Федерации, оказал существенное влияние на российскую экономику, катализировав такие тенденции, как: ускорение темпа инфляции, дефицит бюджета, падение курса национальной валюты, удорожание кредитов и падение уровня доходов населения[155], что вылилось в существенное замедление роста ВВП в 2014 году и падение этого показателя в 2015 году[156]. Данные негативные для российской экономики процессы были вызваны не только национальными последствиями присоединения Республики, но и последовавшими за этим европейскими и американскими санкциями, равно как и российским эмбарго на поставку российской продукции и разрушением торговых отношений с Украиной, которая исторически оставалась одним из ключевых торговых партнеров России[157]. Учитывая роль и влияние России на пространстве СНГ, экономический кризис оказал влияние и на ближайших партнеров – Беларусь и Казахстан, которые в то время уже участвовали в Таможенном Союзе и ранних проектах по формированию Единого экономического пространства. Казахстан в 2015 году под влиянием как внутренних, так и внешних факторов также испытал экономический кризис[158]. Более того, присутствовали также локальные дестабилизирующие политические факторы, например «апрельская война»

---

[155] Тупчиенко В.А. Развитие экономики России с учетом вновь присоединенных территорий / В. А. Тупчиенко // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № №2 (34). – С. 173.

[156] МЭР: ВВП РФ вырастет в 2014 г на 0,6%, в 2015 г – снизится на 0,8% // РИА – URL: https://ria.ru/20141202/1036134659.html (Дата обращения: 25.01.2026).

[157] Borodenko M. Trade and Economic Relations between Russia and Ukraine / M. Borodenko // Russia and New States of Eurasia. – 2020. – № 3. – С. 114.

[158] Лихачев М.А. Казахстан 2015: экономический кризис, политическая стабильность и международная многовекторность / М. А. Лихачев // Российский институт стратегических исследований. – 2015. – URL: https://riss.ru/analitica/kazakhstan–2015–ekonomicheskiy–krizis–politicheskaya–stabilnost–i–mezhdunarodnaya–mnogovektornost/?ysclid=mm9hq44bu5240395418 (Дата обращения: 21.01.2026).

2016 года в Нагорном Карабахе [159] и серия терактов в Казахстане [160] и Киргизии[161].

К 2018–2019 годам страны восстановились, причиной чего можно назвать как успехи в рамках наднационального регулирования и приспособления государств-участников к совместной работе по нормам ЕАЭС, наращивание внутренней торговли и инвестиций, так и относительную политическую стабильность в данный период. В 2018 году вступил в силу Таможенный кодекс ЕАЭС, рост ВВП стран Союза был обеспечен более чем на 1,9%, а взаимная торговля увеличилась на 13,5%, в том числе благодаря упрощению структуры внешней торговли и унификации таможенных процедур между государствами-участниками.

Начало периода 2021–2025 годов было ознаменовано фазой восстановления после глобального кризиса, вызванного пандемией COVID-19, которая оказала влияние как на реальный сектор экономики, так и на мировую финансовую систему.

Однако здесь мы можем видеть, что государства восстановили собственную устойчивость более быстрыми темпами, чем в прошлом периоде. К 2022 году страны достигли максимальных усредненных показателей в области устойчивости (за исключением 2019 года). Судить о более быстром и эффективном восстановлении после региональных и глобальных кризисов можно по следующим факторам. Во-первых, усредненный по всем годам и странам показатель выполнения критериев устойчивости за данный период выше, чем в предыдущем, во-вторых, в рамках периода наблюдается только

---

[159] Маленькая война, которая не потрясла мир: взгляд из Еревана // РСМД. – 2016. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics–and–comments/analytics/malenkaya–voyna–kotoraya–ne–potryasla–mir–vzglyad–iz–erevana/?ysclid=mm9i5ofxm248615516 (date accessed: 05.02.2026).

[160] В Казахстане продлен умеренный уровень террористической опасности // ТАСС – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya–panorama/3456458 (Дата обращения: 20.01.2026).

[161] Итоги–2015: выборы, дипломатия и поиски векторов отношений // Sputnik – URL: https://ru.sputnik.kg/20151230/1021301490.html?ysclid=mm9hrpwf8y694467605 (Дата обращения: 20.01.2026).

один случай (Армения в 2021 году), когда государством был выполнен на рекомендуемом уровне лишь один индикатор, тогда как остальные страны ежегодно выполняли минимум два.

Даже последовавший за началом СВО кризис российской экономики, санкционное давление и общая геополитическая напряженность не оказали такого влияния на экономики Союза, как экономические и геополитические последствия присоединения Крыма, проявившие экономический эффект в 2015–2016 годах.

Армения демонстрирует положительные показатели в силу того, что национальные политики видят своим ключевым приоритетом обеспечение макроэкономической стабильности, которая некоторыми экспертами даже признается чересчур консервативной в силу ограничения потенциальных темпов роста экономики[162]. Ключевой дестабилизирующий фактор Армении на протяжении всего периода – Нагорно-Карабахский конфликт, неудачное завершение для Армении которого спровоцировало ухудшение дипломатических и политических отношений с ключевым актором евразийского региона – Россией, что вылилось в явные дезинтеграционные процессы, заключающиеся в стремлении Армении вступить в ЕС [163] и приостановлении членства в ОДКБ в 2024 году[164].

Казахстан смог выполнить рекомендации по всем трем индикаторам только в 2018 году, тогда как в остальное время один из индикаторов (в подавляющем большинстве случаев – инфляция) находился на

---

[162] Восканян М.А. Политика государства по поддержанию макроэкономической стабильности: опыт Армении / М. А. Восканян // Journal of new economy. – 2022. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika–gosudarstva–po–podderzhaniyu–makroekonomicheskoy–stabilnosti–opyt–armenii (Дата обращения: 16.06.2025).

[163] Парламент Армении в окончательном чтении принял закон о вступлении в ЕС // Известия – URL: https://iz.ru/1860098/2025–03–26/parlament–armenii–v–okonchatelnom–chtenii–prinial–zakon–o–vstuplenii–v–es?ysclid=mm9jct3xui89092086 (Дата обращения: 15.02.2026).

[164] Пашинян заявил о заморозке членства Армении в ОДКБ // РБК – URL: https://www.rbc.ru/politics/23/02/2024/65d7ccaa9a79477222c67ed4 (Дата обращения: 15.02.2026).

неудовлетворительном уровне. Действительно, казахстанские и российские эксперты отмечают ряд структурно-функциональных проблем в устойчивости и стабильности экономического развития, причиной чего они склонны видеть сырьевую структуру производства, недостаточный уровень индустриализации и слабый уровень диверсификации казахстанской экономики на современном этапе[165][166].

Киргизская экономика имеет наименьшую оценку устойчивости макроэкономического развития в силу наличия устойчивого дефицита бюджета, уровня государственного долга, относительно низких темпов роста ВВП и высокого уровня инфляции. Эксперты из Киргизии в качестве причин данного явления указывают на низкий уровень деловой активности в стране, отсутствие надежной институциональной среды для инвестирования, неблагоприятный экономический климат для развития малого и среднего бизнеса[167], наличие сильной внешнеэкономической конкуренции[168]. Пандемия COVID-19 также оказала значительный дестабилизирующий эффект на Киргизию, сделав ее зависимой от геополитики и «вакцинной дипломатии» крупных региональных и глобальных игроков[169].

На наднациональном уровне в области обеспечения устойчивости национального развития ведется активная аналитическая, прогнозирующая и нормотворческая работа. Так, например, Комиссией, равно как и лидерами

---

[165] Нұрланова Н. Қ. Исследование динамики экономической устойчивости Западно–Казахстанских регионов и рекомендации по ее повышению / Н. Қ. Нұрланова, Н. Қ. Сапарбек // Qainar Journal of Social Science. – 2024. – Т. 3. – № 3. – С. 53.

[166] Широв А.А. Казахстан: от политики стабилизации к устойчивому экономическому развитию / А. А. Широв, К. Е. Савчишина, В. В. Потапенко // ЭКО. – 2015. – Т. 494. – № 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kazahstan–ot–politiki–stabilizatsii–k–ustoychivomu–ekonomicheskomu–razvitiyu (date accessed: 16.06.2025).

[167] Джаманкулов Б.С. Структурные изменения в экономике Кыргызстана / Б. С. Джаманкулов // Экономические отношения. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 832.

[168] Цзе Х. Внешняя торговля Кыргызстана: география и перспективы развития / Х. Цзе // Российскоепредпринимательство. – 2016. – Т. 17. – № 8. – С. 1060.

[169] Воробьев П.С. Влияние пандемии COVID–19 на геополитику и экономику в Центральной Азии / П. С. Воробьев // Известия Восточного института. – 2022. – Т. 55. – № 3. – С. 125.

национальных государств, велась активная работа по устранению негативных экономических последствий пандемии COVID-19. Это проявляется в распоряжении Совета Комиссии от 17 марта 2022 г. № 12, утверждающем перечни мер по повышению устойчивости экономик государств-членов ЕАЭС и организации специальной рабочей группы высокого уровня, состоявшей из министров экономики, министров финансов, заместителей председателей центральных (национальных) банков государств-членов, а также членов Коллегии ЕЭК под руководством М.Г. Решетникова.

Как указывается в решении Высшего Евразийского экономического совета от 25 декабря 2023 года «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств-членов ЕАЭС на период 2024-2025 годов», восстановление мировой и региональной экономики оказалось кратковременным и неустойчивым, а затем было нивелировано возникшими геополитическими и геоэкономическими рисками, повлиявшими на развитие глобальной экономики. Это, естественно, негативно отразилось на макроэкономической стабильности государств-участников ЕАЭС[170]. Данная ситуация вполне объясняет тот факт, что реализованные за 2022 год мероприятия с ожидаемым краткосрочным и среднесрочным эффектом оказали положительное влияние. Этим демонстрируется способность наднациональных институтов и инициатив на наднациональном уровне евразийской интеграции нивелировать эффекты глобальной и региональной экономической нестабильности.

С другой стороны, в рамках методики работы Департамента макроэкономической политики ЕЭК недостаточно внимания уделяется внешним по отношению к евразийскому пространству экономическим

[170] Решение ВЕЭС №26 от 25.12.2023 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2024 – 2025 годы» // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/61a/Osnovnye–orientiry–2024_2025.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

факторам. Так, например, для анализа внешнеэкономических факторов оцениваются и прогнозируются только два основных индикатора: темпы роста глобальной экономики и рыночная цена нефти марки Brent[171]. В свете развития глобализации и все большего взаимовлияния политики и экономики уделяется недостаточно внимания описанию политэкономических факторов развития. Например, в соответствующем документе от 2023 года указывается на негативное влияние «геополитических факторов», однако не описывается конкретная природа этих факторов, например, экономические санкции ЕС и США против России, риски вторичных санкций для партнеров России по ЕАЭС, разрыв торгово-хозяйственных связей России с большинством западных стран, разрыв хозяйственных связей с Украиной, которая исторически была важным партнером стран СНГ и ЕАЭС.

В документах Евразийской экономической комиссии также отсутствует раздел, описывающий актуальную и прогнозируемую политическую и политэкономическую картину. Нам кажется, что введение политического глобального и регионального анализа оказало бы положительное влияние на эффективность работы по развитию согласованности макроэкономической политики государств-участников ЕАЭС. Тем более, что рядом экспертов неоднократно отмечалось существенное влияние политических факторов на развитие евразийской интеграции[172].

---

[171] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Часть Третья «Единое экономическое пространство» (ред. от 25 мая 2023 г.) // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

[172] Торопыгин А.В. Роль ЕАЭС в становлении многополярного устройства в мировой политике / А. В. Торопыгин, Т. В. Ирошкина // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – Т. 49. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol–eaes–v–stanovlenii–mnogopolyarnogo–ustroystva–v–mirovoy–politike (Дата обращения: 17.06.2025); Зиядуллаев Н. ЕАЭС: между политикой и экономикой / Н. Зиядуллаев // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 11. – С. 37.; Кузнецов А.В. Влияние политики США на ЕАЭС / А. В. Кузнецов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – Т. 3. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie–politiki–ssha–na–eaes (date accessed: 17.06.2025).

Обеспечение устойчивости развития остается одной из ключевых задач большинства национальных государств в условиях стремительно изменяющейся мировой политической системы, высокого уровня регионализации и глобализации, а также высокой интенсивности политических и экономических кризисов. В свою очередь, наднациональное регулирование и работа институтов евразийской интеграции оказывают положительный эффект на устойчивость и развитие государств-участников интеграции. Поддержание данного эффекта будет опираться на совместные усилия государств на национальном и наднациональном уровне и будет оказывать положительное влияние на привлекательность Евразийского экономического союза не только как платформы для экономической интеграции, регионального и цивилизационного центра, но также и фактора и инструмента обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития на евразийском пространстве. В свою очередь, поддержание и демонстрация таких стабилизирующих эффектов евразийской интеграции будут повышать привлекательность евразийской модели формирования Большой Евразии в силу ее глубокой институциональной и идеологической взаимосвязи с процессами евразийской интеграции.

2.3 Завершенность формирования общих рынков как показатель успешности наднационального строительства ЕАЭС

В декабре 2009 года был утвержден и подписан «План действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации»[173], в соответствии с которым страны выражали намерения по формированию структуры Единого

[173] Решение Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 19 декабря 2009 года N 35 «О Плане действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно–технических документов «Консорциум КОДЕКС» – URL: https://docs.cntd.ru/document/902239605 (Дата обращения: 20.02.2025).

экономического пространства (ЕЭП), основывающегося на 20 соглашениях в области экономической и финансовой политики, политики в области энергетики, транспорта и связи, трудовой миграции и единых принципах и правилах технического регулирования оборота продукции на пространстве Таможенного Союза.

После трансформации ЕврАзЭС в ЕАЭС подписанные в 2010 году соглашения легли в основу института Евразийского экономического пространства в рамках Евразийского экономического союза.

В результате подписания Договора о ЕАЭС институт Единого экономического пространства претерпел некоторую трансформацию. Во-первых, был расширен круг полномочий наднациональных институтов ЕАЭС путем включения в сферу ЕЭП вопросов регулирования налоговой политики. В действующем договоре государства декларировали проведение согласованной политики и унификацию (гармонизацию) налоговых законодательств. Во-вторых, компетенции в сфере технического регулирования производства и оборота товаров перешли из сферы полномочий Единого экономического пространства в область Таможенного Союза – теперь принципы, методология и методика, равно как и вопросы аккредитации и углубления интеграционных процессов в данной сфере стали подведомственными для Таможенного Союза вопросами. Это свидетельствует о значительных достижениях в развитии интеграции, поскольку проработка данного аспекта на межгосударственном уровне перешла из стадии декларирования и принципиального соглашения в стадию программного и стратегического планирования и соглашения государств о проведении совместных мер в рамках единого института.

В рамках современного Единого экономического пространства одним из ключевых направлений интеграции является формирование и развитие наднациональных институтов по регулированию отдельных аспектов национальных экономик – «общих рынков» ЕАЭС. На наш взгляд, именно это направление интеграции представляется наиболее перспективным для

исследования. Отталкиваясь от структуры ЕЭП, отраженной в рамках Договора о ЕАЭС и анализа программных документов по формированию отдельных общих рынков, мы можем выделить семь этапов, которые каждый из них должен пройти перед достижением наивысшего предполагаемого уровня интеграции в ЕАЭС – формирования полноценного международного органа регулирования соответствующего рынка в рамках структуры ЕЭК:

1. способствование институтами ЕЭК проведению скоординированной политики государствами-участниками;
2. формирование концепции создания общего рынка, соглашение государств с ключевыми целями и принципами
3. гармонизация или унификация национальных законодательств
4. разработка плана и программы дальнейшей интеграции
5. подготовка национальной и наднациональной нормативно-правовой базы функционирования единого рынка
6. подготовка международных норм, определение функциональных и контролирующих институтов, создание инфраструктуры
7. установление функциональных институтов, подписание и ратификация международных договоров.

Таким образом, отталкиваясь от завершенности того или иного этапа формирования общего рынка, мы можем предложить их классификацию в рамках ЕЭП. Такая классификация поможет нам определить общие успехи евразийской интеграции по наднациональному строительству, а также общую степень глубины участия органов Евразийской экономической комиссии в регулировании отдельных аспектов функционирования национальных экономик и региональной евразийской экономики в целом.

В первую группу соглашений, формирующих ЕЭП, мы отнесли те сферы экономики, интеграция в которых проводится путем установления согласованной политики государств-участников без непосредственного программного и технического регулирования данных сфер на наднациональном уровне. В данную группу мы включили следующие

направления: макроэкономическая политика[174], промышленная политика[175], агропромышленный комплекс[176], транспортная политика[177].

Специфика данной группы заключается в отсутствии функционального и деятельного участия институтов ЕАЭС в регулировании соответствующей политики национального государства. Здесь компетенции Комиссии ограничиваются мониторингом, прогнозированием и предоставлением рекомендаций и консультаций, тогда как государства сохраняют за собой полный суверенитет в формировании собственной политики в данных областях, обязуясь при этом проводить ее в русле согласованности.

При этом само определение согласованной политики не является строго формализованным понятием. С международно-правовой точки зрения согласованная политика предполагает «гармонизацию правового регулирования, в т. ч. на основе решений органов Союза, в той степени, которая необходима для достижения целей Союза, предусмотренных Договором»[178]. Иное определение согласованной политики делает упор на общие цели развития евразийской интеграции, определяя согласованную

---

[174] Решение Высшего совета ЕАЭС от 25.12.2023 № 26 "О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета "Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2024 – 2025 годы" // «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/23sr0126/ (Дата обращения: 05.07.2024).

[175] Распоряжение Совета ЕЭК от 12.11.2021 № 22 "Об утверждении плана мероприятий по реализации Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года" // «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/21s00022/ (Дата обращения: 05.07.2024).

[176] Решение Совета ЕЭК от 23.04.2013 № 28 "О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета "О Концепции согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства"" // «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/13sr0028/ (Дата обращения: 05.07.2024).

[177] Решение Высшего совета ЕАЭС от 26.12.2016 № 19 "Об Основных направлениях и этапах реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза" // «Альта–Софт» – URL:: https://www.alta.ru/tamdoc/16vr0019/ (Дата обращения: 05.07.2024).

[178] Айрапетян А. Правовое измерение евразийской интеграции: перспективы и риски к 2025 году / А. Айрапетян // РСМД. – 2025. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics–and–comments/analytics/pravovoe–izmerenie–evraziyskoy–integratsii–perspektivy–i–riski–k–2025–godu/ (date accessed: 21.01.2026).

политику как «политику, предусматривающую разработку и реализацию совместных действий государств-членов в целях достижения сбалансированного развития экономики государств-членов»[179]. Ключевыми характеристиками согласованной политики являются совместный характер работы национальных государств по осуществлению общих целей интеграции при сохранении всей функциональной деятельности на национальном уровне.

Вторую группу составляют аспекты ЕЭП, взаимодействие государств в которых проводится посредством *принципиальных* соглашений между государствами.

В рамках данной группы представлены такие аспекты Единого экономического пространства, как:

- валютная политика;
- фискальная политика;
- конкурентная политика;
- политика в области государственных (муниципальных) закупок;
- политика, регулирующая естественные монополии[180].

Ключевое отличие данной группы от предыдущей заключается в том, что совместная политика государств, основывающаяся на общих принципиальных основах, имеет под собой более четкую структуру с точки зрения нормативности и уровня институционализации. Согласованная политика подразумевает почти полную свободу государств в определении методов и форм исполнения общих целей до той степени, пока все государства согласны относительно ее целесообразности и достаточности. С другой

[179] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Согласованная макроэкономическая политика государств – членов Евразийского экономического союза (ред. от 25 мая 2023 г.) // ЕАЭС – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

[180] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (ред. от 25 мая 2023 г.) // ЕАЭС – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

стороны, согласованная политика, основывающаяся на принципиальных соглашениях, накладывает ограничения на методы и формы проведения национальной политики, которая в таком случае должна проводиться не только в пользу исполнения заложенных целей, но и на основании общих согласованных принципов.

Таким образом, хотя институты в рамках структуры интеграции ЕАЭС не принимают деятельного участия в непосредственном регулировании государственной политики в данных областях, общие рынки, основанные на принципиальных соглашениях, также являются категорией с более высоким уровнем влияния наднациональных институтов, поскольку даже принципиальное международное соглашение представляет собой международный институт, который при этом еще и призван влиять на проводимую национальную политику.

Что касается деятельного участия ЕЭК, то, как и в первой группе, роль ЕЭК в вопросах регулирования данной группы общих рынков почти исключительно ограничивается аналитическими и консультативными функциями. Евразийская комиссия проводит мониторинг по всем рассмотренным аспектам и в некоторых отдельных случаях имеет полномочия способствования контрольной деятельности, в то время как функциональные аспекты, такие как принятие мер по осуществлению политики в тех сферах, в которых достигнуты данные принципиальные соглашения, взаимодействие с соответствующими органами государств-партнеров и даже обмен информацией, остаются прерогативой национальных политических институтов[181].

Третья группа – аспекты ЕЭП, функционирование которых определяется разделами Договора, заключенными в форме соглашений о сотрудничестве –

[181] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Приложение 14. (ред. от 25 мая 2023 г.) // ЕАЭС – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

фокусируют свое внимание не столько на политических и политэкономических аспектах, сколько на регулировании положения конкретных экономико-правовых аспектов национальных экономик:

- сотрудничество в сфере интеллектуальной собственности;
- сотрудничество в области трудовой миграции[182].

В рамках данной группы государства переходят на более высокий уровень делегирования полномочий, очерчивая конкретные действия и намерения по сотрудничеству в обозначенных областях и формируя на базе ЕАЭС новые наднациональные институты международно-правового и организационного характера. Таким образом, в рамках направления о контроле за объектами интеллектуальной собственности формируется единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств-участников [183] , осуществляются инициативы по совместной научной и образовательной деятельности в сфере интеллектуальной собственности; фиксируется предоставление национального режима для граждан государства-участника на территории ЕАЭС[184]. В то же время по вопросам трудовой миграции в рамках ЕЭК регулярно принимаются меры по улучшению условий трудовых мигрантов, тем самым укрепляя отношения между государствами. Так, деятельность, начинавшаяся с контроля и пресечения нелегальной миграции, сегодня выросла в ряд взаимовыгодных для населения государств-участников институтов и норм: зачет общего

---

[182] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Часть Третья «Единое экономическое пространство» (ред. от 25 мая 2023 г.) // ЕАЭС – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

[183] Таможенные реестры объектов интеллектуальной собственности государств – членов Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dobd/intelsobs/tamozhennye–reestry.php (Дата обращения: 24.06.2025).

[184] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Раздел XXIII «Интеллектуальная собственность» (ред. от 25 мая 2023 г.) // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

пенсионного возраста и трудового стажа[185], возможность приоритетного пользования медицинскими услугами и получения медицинской страховки[186].

Таким образом, в данном направлении государства делегируют еще больший функционал на наднациональный уровень принятия решений.

В-четвертых, сферы регулирования ЕЭП, фактическая интеграция в которых проходит на наиболее глубоком уровне и в которых полномочия Комиссии являются максимальными. Разделы Договора о ЕЭП в этом аспекте подразумевают либерализацию существующих национальных рынков и/или формирование полноценно функционирующих общих рынков в рамках евразийской экономики. Данные разделы включают в себя:

- торговлю услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций[187][188];
- создание [в перспективе, после завершения реализации согласованной политики и концептуализации] общего рынка транспортно-логистических услуг;
- формирование общего финансового рынка;
- формирование и поддержание единых энергетических рынков ЕАЭС:

---

[185] Стаж работы в странах ЕАЭС учитывается для назначения пенсии в России только при его подтверждении // Социальный фонд России – URL: https://sfr.gov.ru/branches/novosibirsk/news/~2024/11/07/268108 (Дата обращения: 24.06.2025).

[186] Итог мониторинга ЕЭК: обязательная медицинская помощь оказывается в ЕАЭС всем трудящимся и членам их семей // «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/ts_news/88246/ (Дата обращения: 24.06.2025).

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Приложение N 30. Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся государств–членов и членам семей // Информационно–правовая система «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/97df3682a3327cccddbef7b2f784c62b37359b64/ (Дата обращения: 24.06.2025).

[187] Решение Высшего совета ЕАЭС от 26.12.2016 № 23 "Об утверждении планов либерализации по секторам услуг, указанным в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. N 30" // «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/16vr0023/ (Дата обращения: 24.06.2025).

[188] Решение Высшего совета ЕАЭС от 01.10.2019 № 20 "О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза" // «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/19vr0020/ (Дата обращения: 24.06.2025).

- электроэнергетического рынка[189][190];
- рынка газа[191];
- рынка нефти и нефтепродуктов[192];

Как следствие, в отношении данных аспектов государства уже провели или проводят стратегическую и планирующую работу по формированию полноценных единых экономических пространств, закрепленную в соответствующих международных договорах, которые устанавливают конкретные шаги по подготовке и запуску данных рынков. Заключительным результатом формирования рынка является подписание соответствующего международного договора и начало работы структуры регулирующих наднациональных органов. Обобщенные результаты анализа успехов формирования общих рынков, обозначенных в данной группе, можно увидеть в Приложении 7.

Как мы можем видеть из таблицы, наибольших успехов страны достигли в формировании единого рынка газа: данный рынок находится на стадии, когда члены ЕАЭС на самом высшем уровне приняли решение о завершающем этапе формирования общего рынка, однако говорить о полноценном его создании и функционировании преждевременно, поскольку в соответствии с изначальными программой и планом окончательное его создание будет завершаться подписанием (и дальнейшей ратификацией) отдельного

---

[189] Решение Высшего совета ЕАЭС от 20.12.2019 № 31 "О плане мероприятий, направленных на формирование общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза" // «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/19vr0031/ (Дата обращения: 24.06.2025).

[190] Решение Евразийского межправительственного совета от 26.10.2023 № 5 "Об утверждении Правил взаимной торговли электрической энергией на общем электроэнергетическом рынке Евразийского экономического союза" // «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/23ms0005/ (Дата обращения: 24.06.2025).

[191] Решение ВЕЭС от 06.12.2018 № 18 "О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза" // «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/18vr0018/ (Дата обращения: 24.06.2025).

[192] Решение ВЕЭС от 6 декабря 2018 года N 23 О формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза. // «Альта–Софт» – URL:: https://docs.cntd.ru/document/551866200?marker=8PK0M2 (Дата обращения: 24.06.2025).

международного договора в рамках системы Права ЕАЭС. На данный момент существует только проект такого договора, что и позволяет нам говорить о незавершенности. С другой стороны, общий рынок газа является наиболее развитым, поскольку в отношении него уже приняты ключевые технические и регулирующие нормы.

Следующими после рынка газа по уровню развитости являются рынки электроэнергетики, нефти и продуктов нефтепереработки. По данным рынкам мы можем видеть очевидный прогресс формирования: лидеры государств-участников единогласно признали успешность завершения первого этапа формирования общего рынка и запустили второй этап, на котором на национальном и международном уровне проводится подготовка правовой базы для подписания международного договора. Причем если вопрос биржевых операторов и регулирующих институтов для рынка нефти остается открытым, то для рынка электроэнергетики ЕЭК и государства уже договорились об общих функциональных институтах, которые разместятся на базе специализированных бирж Санкт-Петербурга, Минска и Астаны. Остальные направления, в которых намеревалось создать общие рынки, сейчас находятся на ранних стадиях формирования – аналитики, проведения согласованной политики или концептуальных соглашений.

Соответственно, к 2025 году планировалось запустить функционирование по всем общим энергетическим рынкам, а также сформировать комплекс общего рынка услуг ЕАЭС, включающий в себя 117 отдельных рынков услуг. Тем не менее, на 2025 год ни один из обозначенных в той или иной части нормативно-правовой базы ЕАЭС общих рынков не был окончательно сформирован. Соответственно, Комиссии и Союзу в целом не удалось уложиться в изначальные сроки формирования общих рынков.

На данный момент перед странами стоит важный вопрос дедолларизации собственных экономик и перехода на расчеты в национальных валютах. Важность данного процесса состоит в том, что «однополярность мировых финансов и многополярность мировой экономики»

приводит к постоянному дисбалансу торговых счетов всех стран-участников международной торговли, кроме США, что негативно влияет на экономическую безопасность и устойчивость развития большинства мировых и региональных государств[193]. Несмотря на относительно невысокую роль доллара в расчетах в странах ЕАЭС[194], не стоит игнорировать важность данного процесса для обеспечения национальной и региональной экономической безопасности.

Похожая ситуация наблюдается при анализе общего рынка транспортных и логистических услуг, в отношении которого ведется работа лишь на самом начальном уровне – на данный момент достигнуто соглашение о проведении согласованной политики в данной сфере. Вполне справедливо на препятствия формирования общего рынка транспортных услуг указывают белорусские исследователи Л.И. Тарышкина и Т.А. Ястреб, которые отмечают наличие целого ряда приоритетных проблем разного рода, которые странам предстоит решить сначала на национальных уровнях, а затем переходить к формированию единой транспортно-логистической системы[195].

В качестве причин и предпосылок задержки и отставания от изначальных планов по формированию общих рынков мы можем выделить ряд политических факторов, затрагивающих национальный, региональный и глобальный уровни мировой политики.

Во-первых, большинство государств-участников ЕАЭС являются «молодыми» государствами и не имеют значительного опыта формирования, участия и ведения международной деятельности на многосторонних платформах. Что касается глобальной экономической интеграции, то в ней

---

[193] Кузнецов А.В. Дедолларизация международных расчетов: тенденции и перспективы / А. В. Кузнецов // ЭКО. – 2024. – № 3(597). – С. 8.

[194] Мишустин: доля нацвалют в расчетах внутри ЕАЭС достигла 93% // ТАСС – URL: https://tass.ru/ekonomika/25885493 (Дата обращения: 10.03.2026).

[195] Тарарышкина Л.И. Формирование общего рынка транспортных услуг как фактор эффективности евразийской интеграции / Л. И. Тарарышкина, Т. А. Ястреб // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – Т. 2. – № 3. – С. 401.

страны также имеют довольно скромный опыт. Например, Казахстан лишь 10 лет является членом ВТО, Россия – 13, а Беларусь и вовсе отказалась от членства в данной организации. Более того, ни у одного из государств не было опыта участия в интеграционных объединениях, если не считать опыт работы в рамках Содружества Независимых Государств.

Во-вторых, определенное влияние могла оказать внешняя конъюнктура международной и региональной системы и насыщенность конца первой четверти XXI века кризисами. Например, сейчас уже вполне ясно, что пандемия COVID-19 оказала значительное негативное влияние на развитие стран региона и нанесла непоправимый демографический и экономический ущерб. Конфликт на востоке Украины и начало СВО создали определенные трудности для партнеров по интеграции: угроза вторичных санкций, риск экономической изоляции, разрыв экономических и производственных связей с Украиной, перераспределение транспортных потоков, экспортных энергетических ресурсов и многие другие. Считается, что наибольшие издержки в результате данного конфликта понес Казахстан вследствие угрозы вторичных санкций и параллельного осложнения отношений с Россией[196]. Более того, также доказано, что обострение геополитической обстановки также корректирует политику стран внешнего контура ЕАЭС, например, С.С. Жильцовым указывается, что «введение западными странами финансовых и экономических санкций против России после начала Специальной военной операции (СВО) в 2022 году внесло существенные коррективы в политику Китая»[197].

С другой стороны, результаты разрешения конфликта в Нагорном Карабахе оказали негативное политическое влияние на отношения Армении с Россией и партнерами по евразийской интеграции в целом, если не сказать –

[196] Малышев Д.В. Страны Центральной Азии и украинский кризис: основные реакции / Д. В. Малышев // Постсоветские исследования. – 2026. – Т. 9, № 1. – С. 38.

[197] Жильцов С.С. Политика Китая в отношении Евразийского экономического союза / С.С. Жильцов // Проблемы постсоветского пространства. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 15.

заставили Армению обратить свой взгляд в сторону западных партнеров: США и Евросоюза.

В-третьих, может сказаться недостаточность полномочий институтов интеграции. В силу того, что в соответствии с Правом ЕАЭС ЕЭК исполняет лишь консультативные и аналитические функции в большинстве вопросов создания общих рынков, а сама ЕЭК априори является наиболее компетентным институтом в вопросах развития интеграции, потенциал участия наднационального института значительно ограничен, что вполне может накладывать ограничения на динамику и результаты развития общих рынков и, как следствие, углубления интеграции.

В-четвертых, причиной может быть недостаточная вовлеченность национальных политических акторов, бизнеса и населения в процессы интеграции. Так, доказано, что вопросы евразийской интеграции играют незначительную роль в повестке дня политических акторов государств, и имеют тенденцию к снижению собственной роли в данном аспекте[198]. Это может быть как причиной, так и последствием замедления и стагнации интеграционных процессов ЕАЭС и, вполне вероятно, постепенной потери государствами интереса к развитию процессов на евразийском пространстве.

В-пятых, мы можем видеть политэкономическую предвзятость государств относительно отдельных секторов. С одной стороны, ключевыми экспортными позициями России и Казахстана являются энергетические ресурсы, тогда как Армения, Беларусь и Киргизия в энегретическом плане являются импортозависимыми державами. Таким образом, для обеих групп стран наличие устойчивого рынка энергетических ресурсов, не обремененного ограничениями, становится вопросом экономической безопасности, а для Армении, Беларуси и Киргизии – еще и вопросом энергетической безопасности государства. В силу наличия такого запроса на оформление

[198] Сердюков И.А., Лапенко М.В. Евразийская интеграция в российской политической повестке: количественный анализ веб–сайтов политических партий / М. В. Лапенко, И. А. Сердюков // Постсоветские исследования. – 2024. – Т. 7. – № 1. – С. 55–60.

общих рынков энергетики вполне очевидным становится тот факт, что в данном отношении государства достигли наибольших успехов в рассматриваемом хронологическом периоде. Остальные рынки, хотя и имеют высокую экономическую значимость, не так сильно влияют на вопросы безопасности, вследствие чего их функционирование базируется на промежуточных этапах построения общего рынка.

Таким образом, аспекты Единого экономического пространства ЕАЭС находятся на разном уровне интегрированности, среди которых можно выделить четыре: функционирующие на базе согласованных национальных политик; на базе принципиальных соглашений; в виде соглашений о сотрудничестве в отдельных сферах; регулируемые на наднациональном уровне (или готовые к регулированию на наднациональном уровне).

Наличие развитой институциональной структуры и высокого уровня интеграции отдельных экономических и политико-экономических сфер создает технические барьеры для вступления новых государств, вынуждающие потенциальных участников интеграции перестраивать собственные институты в соответствии с нормами и принципами ЕАЭС.

На данный момент существует ряд объективных препятствий и ограничений внутреннего развития интеграции как технического, так и политического характера. При этом общая ситуация экономического регулирования в рамках ЕАЭС представляется неоднозначной. С одной стороны, можно видеть расширение стратегических компетенций евразийской интеграции путём включения в повестку ЕАЭС вопросов безопасности и общую политизацию евразийского дискурса и формирование позиции государств-участников относительно евразийской интеграции как одного из стабилизирующих факторов их международных отношений. Более того, углубление торговых и инвестиционных отношений, наращивание взаимозависимости и партнёрство по критическим вопросам (как вакцины и медикаменты в период пандемии COVID-19) делает государства более устойчивыми к региональным и глобальным рискам. С другой стороны, на

данный момент фактически не функционирует ни один из общих рынков ЕАЭС, при том, что запустить два из них предполагалось к 2026 году. Однако систематическое продолжение работы по построению наднациональных институтов в условиях глобальных и региональных кризисов демонстрирует как приверженность государств изначальным целям интеграции.

Наличие технических барьеров и неоднозначные успехи внутреннего институционального строительства интеграции могут стать существенными препятствиями расширению евразийской интеграции, особенно для стран, внешних для постсоветского пространства. Влияние данных барьеров может быть смягчено на внутреннем уровне благодаря координации политики государств-участников ЕАЭС, на внешнем – при наличии высокого уровня политической мотивированности новых потенциальных членов ЕАЭС и эффективном координировании политики расширения интеграции.

Глава 3. Расширение евразийской интеграции как инструмент построения пространства Большой Евразии

3.1. Международная деятельность ЕЭК и ее роль в развитии ЕАЭС

Международная деятельность Евразийской экономической комиссии представляет собой одну из институциональных форм внешнего взаимодействия Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями и интеграционными объединениями.

Базовым нормативным актом, закрепляющим международную правосубъектность ЕЭК, является Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 года[199]. В статье 102 установлено, что Комиссия вправе от имени Союза вступать в международные договорные отношения в пределах своей компетенции. Статья 7 Договора носит программный характер, закрепляя в числе целей ЕАЭС содействие устойчивому развитию экономик государств-членов, формирование условий для выхода на внешние рынки и расширение международного сотрудничества. Статья 13 определяет структуру органов Союза, включая Комиссию, придавая ей статус постоянно действующего наднационального органа. Именно на основании данной нормы Комиссия вправе не только инициировать, но и в установленном порядке заключать международные соглашения от имени всего Союза, что отличает ее от внешнеполитических ведомств государств-членов.

Важным источником, конкретизирующим процедурные аспекты международной деятельности Комиссии, выступает Регламент ЕЭК[200]. В его

---

[199] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (ред. от 25 мая 2023 г.) // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

[200] Регламент ЕЭК // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/ (разделы,

положениях описан порядок инициирования, подготовки, согласования и заключения международных соглашений. В частности, закреплено требование мандата, выдаваемого Советом ЕЭК, на ведение переговоров. При этом каждая международная инициатива проходит несколько ступеней предварительного согласования и контроля, что обеспечивает участие всех государств-членов в процессе выработки единой позиции.

Дополнительно, Решение ВЕЭС № 25 от 11 октября 2017 года [201] содержит положение об общих подходах к заключению соглашений о Зоне свободной торговли (ЗСТ), а также иных соглашений с третьими странами. Документ устанавливает целевую логику международной деятельности: приоритет отдается тем государствам и регионам, с которыми возможно экономически целесообразное и юридически реализуемое партнерство.

Дополняет нормативную архитектуру Положение о международной деятельности ЕЭК[202], в котором фиксируются основополагающие принципы:

- равноправие государств-членов при формировании внешней повестки;
- приоритет интересов Союза в целом над национальными инициативами;
- транспарентность процедур;
- комплексность оценки инициатив на стадии подготовки соглашений;
- соответствие принятым международным обязательствам.

Таким образом, международная деятельность ЕЭК опирается на развитую и многоуровневую нормативную базу, которая обеспечивает как легитимность ее внешних шагов, так и согласованность с институциональной

касающиеся процедур, включая ссылки на регламент и международные форматы) (Дата обращения: 24.06.2025).

[201] Решение Высшего Евразийского экономического совета № 25 от 11 октября 2017 г. «Об общих подходах к заключению соглашений о ЗСТ» // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/ (раздел «Соглашения о ЗСТ») (Дата обращения: 24.06.2025).

[202] Положение о международной деятельности ЕЭК (принципы транспарентности, координации, равноправия) // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/ (раздел «Сотрудничество с третьими странами») (Дата обращения: 24.06.2025).

логикой ЕАЭС. Однако специфика этой базы состоит в том, что она ориентирована прежде всего на процессуальное обеспечение внешних контактов, тогда как механизмы трансформации соглашений в расширение членства или ассоциированное участие остаются неурегулированными. Институциональная среда международной деятельности Союза поддерживает внешнюю активность Комиссии, но не гарантирует ее результативности в направлении институционального расширения Союза[203].

Международные связи Евразийской экономической комиссии представляют собой многоуровневую систему взаимодействия с внешними акторами, охватывающую как государства и международные организации, так и интеграционные объединения. Структура этих связей определяется сочетанием наднационального мандата Комиссии, закрепленного в договорных документах, и интересов государств-членов, реализуемых через участие в разработке и согласовании международных инициатив. Это формирует гибридный характер внешнего сотрудничества, отражающийся как в институциональных механизмах, так и в географических приоритетах.

На уровне форм международного взаимодействия ЕЭК использует несколько типов правовых и координационных инструментов. Юридически обязывающие международные соглашения, в том числе соглашения о Зоне свободной торговли, заключаются с рядом государств, с которыми достигнут высокий уровень торгово-экономической взаимосвязанности. В их числе

[203] Аскарбеков Д.Э. Кыргызстан ЕАЭБ: экономикалык кризистен өтүү шарттарынын келечеги жөнүндө / Д. Э. Аскарбеков, Н. Чыныбаева // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2023. – Т. 5. – № 50. – С. 230.

соглашения с Вьетнамом (2015 г.)[204], Сербией (2019 г.)[205], Ираном (2023 г.)[206]. Другой распространенной формой являются меморандумы о взаимопонимании, не создающие правовых обязательств, но формирующие рамку для экспертного и технического взаимодействия. Такие меморандумы подписаны, в частности, с Шанхайской организацией сотрудничества[207], АСЕАН[208], ЮНКТАД[209], ЮНИДО[210] и рядом других международных структур. Дополнительно используются протоколы о намерениях, дорожные карты и рамочные соглашения, которые определяют направления взаимодействия в сферах технического регулирования, цифровых платформ,

---

[204] Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом (29 мая 2015, вступило в силу 5 октября 2016) // ЕЭК, раздел «Торговые соглашения — Вьетнам» // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/vietnam.php (Дата обращения: 24.06.2025).

[205] Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Республикой Сербия (25 октября 2019 г.) с вступлением в силу 10 июля 2021 г. // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/serbia.php (Дата обращения: 24.06.2025).

[206] Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Исламской Республикой Иран (25 декабря 2023 г.) // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/iran.php (Дата обращения: 24.06.2025).

[207] Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества // ЕЭК и Секретариат ШОС подписали меморандум о взаимопонимании (Душанбе, 17 сентября 2021 г.). Основные направления: финансы, торговля, цифровизация, транспорт, техническое регулирование и др. // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/eek–i–sekretariat–shanhajskoj–organizatsii–sotrudnichestva–podpisali–memorandum–o–vzaimoponimanii–v–ramkah–yubilejnogo–sammita–shos/ (Дата обращения: 24.06.2025).

[208] Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Ассоциацией государств Юго–Восточной Азии (АСЕАН). // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/napravleniya/org/asean/ (Дата обращения: 24.06.2025).

[209] Меморандум о сотрудничестве между ЕЭК и Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Договоренность оформлена решением Коллегии ЕЭК от 3 апреля 2013 г. (№ 63) о подписании меморандума. // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://zakon.uchet.kz/rus/docs/H13EK000063 (Дата обращения: 24.06.2025).

[210] Совместное заявление/меморандум ЕЭК и Организации ООН по промышленному развитию (ЮНИДО). Подписано 30 октября 2014 г. (г. Вена) о сотрудничестве в инновационной и промышленной сферах. // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_prom/interstate/unido.php (Дата обращения: 24.06.2025).

логистики. Совместные заявления и декларации, подписываемые на международных форумах и в рамках двусторонних визитов, используются для обозначения общих подходов к международной торговле, стандартизации, энергетике, без выхода на договорную обязательность.

На практике международная активность Комиссии включает в себя подготовку проектов соглашений, экономико-правовой анализ целесообразности, проведение переговоров на основе мандатов, выданных Советом ЕЭК, и последующее сопровождение подписанных документов.

География международных связей ЕЭК охватывает широкий круг государств и регионов, при этом можно выделить несколько приоритетных направлений. Наиболее развитые отношения установлены с государствами Восточной и Юго-Восточной Азии. Здесь заключено первое полноформатное соглашение о Зоне свободной торговли с Вьетнамом, действует меморандум о сопряжении с КНР в рамках инициативы «Один пояс – один путь», осуществляются контакты с АСЕАН. Несмотря на высокую плотность взаимодействия, уровень институционализации отношений с Китаем остается невысоким: речь идет о согласовании платформ и совместных планов, но без правовых обязательств[211].

Ближневосточное направление приобретает особое значение в условиях санкционного давления на Россию и угрозы вторичных санкций для государств-партнеров по евразийской интеграции в свете геополитического кризиса, вызванного событиями на Востоке Украины. В рассматриваемом регионе реализовано соглашение о ЗСТ с Ираном, охватывающее значительный объем товарной номенклатуры, а также ведутся переговоры по расширению сотрудничества в сферах энергетики, сельского хозяйства и логистики. В Южной Азии перспективным партнером выступает Индия, однако отсутствует прогресс в заключении полноформатного соглашения,

[211] Лагутина М.Л. «Мирное сосуществование» во внешнеполитических стратегиях России и Китая: монография / М. Л. Лагутина, А. А. Нечай. – СПб: ПОЛИТЕХ–ПРЕСС, 2024. – С. 190.

чему препятствует неунифицированная внешнеэкономическая политика и политическая неопределенность в регионе[212].

Значительная активность наблюдается и на постсоветском пространстве. Несмотря на тесные экономические связи с Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном, взаимодействие с этими странами осуществляется преимущественно в двустороннем порядке, минуя механизмы Комиссии и наднациональный уровень, что свидетельствует о некотором уровне фрагментации евразийской дипломатии и отсутствии несогласованности в отношении общей внешней политики относительно данных среднеазиатских стран.

Контакты с государствами Латинской Америки, Африки и Европы представлены в основном меморандумами и декларациями, хотя, например, Латинская Америка представляется нам крайне важным регионом для евразийской интеграции в силу наличия большого количества потенциальных торговых партнеров, а также того факта, что сами акторы и институты евразийской интеграции уделяют большое внимание оценке перспектив сотрудничества со странами данного региона. В целом же они носят скорее характер политической демонстрации и не сопровождаются договорной институционализацией или развитием устойчивых форм экономического партнерства[213].

Ключевые направления, в рамках которых работают наднациональные органы, фокусируют собственную деятельность на способствовании устойчивому росту и развитию национальных экономик государств-участников. Основное внимание уделяется стимулированию экспорта и внутреннего производства в рамках национальных экономик, сопряжению

---

[212] Лузянин С.Г. Поворот на Восток: восточноазиатский вектор России (2014 – 2024): монография / С. Г. Лузянин, К. В. Бабаев. – Москва: Российская академия наук, 2024. – С. 126–128.

[213] Зоидов К.Х. Инфраструктурно–интеграционные направления эволюции геополитических интересов России в современном мире / К. Х. Зоидов, А. А. Медков, А. Ш. Кадырбаев, et al.; В. А. Цветков – Москва: ИПР РАН, 2020. – С. 43–46.

логистических и цифровых платформ, гармонизации технических регламентов. Существенной проблемой представляется отсутствие четких механизмов исполнения обязательств в рамках подписанных документов, а также принципиальных или концептуальных соглашений относительно политики взаимодействия по данному направлению. Например, система включения новых членов в состав ЕАЭС подразумевает два состояния: до подписания договора, когда потенциальный участник не имеет никаких прав и обязанностей, и после, когда он становится уже полноценным членом.

Кроме того, значительным препятствием представляется отсутствие унифицированности механизма взаимодействий с внешними и потенциальными партнерами. Так, с каждой отдельной страной, с которой у ЕАЭС наличествует соглашение о ЗСТ, его достижение проходило различные процедуры. Отсутствие единых механизмов разработки и заключении Соглашений накладывает значительные ограничения на потенциал расширения ЕАЭС в силу увеличения затрат трудовых и временных ресурсов и бюджета Комиссии на работу по реализации каждого отдельного соглашения. Мы склонны думать, что это является одной из ключевых причин, почему соглашения с Индией, Индонезией, ОАЭ, Египтом и другими довольно долго находятся на стадии разработки. Наконец, существует институциональное дублирование полномочий между ЕЭК и внешнеполитическими ведомствами государств-членов, что проявляется в параллельном ведении переговоров, отсутствии согласованности в повестке и расщеплении компетенций.

В результате международная деятельность Комиссии обладает широкой географической представленностью и разнообразием инструментов, но при этом характеризуется ограниченной глубиной взаимодействия, институциональной фрагментацией и отсутствием единой долгосрочной стратегии. Расширение Евразийского экономического союза невозможно без качественной трансформации этих связей в устойчивые форматы ассоциации и экономической интеграции.

Анализ распределения международных инициатив по годам показывает, что активизация конкретных направлений внешнеэкономических связей ЕЭК часто совпадает с национальными приоритетами стран, осуществляющих председательство. Так, в период председательства Казахстана (в частности, в 2016 и 2021 годах) наблюдается заметная концентрация усилий на восточном векторе интеграции. Именно в это время были оформлены рамочные механизмы сопряжения ЕАЭС с китайской инициативой «Один пояс – один путь», усилены контакты с Вьетнамом, Монголией, Южной Кореей. Казахстан как государство, исторически ориентированное на укрепление евразийского транзита и расширение связей с государствами АТР, последовательно продвигал логистическую составляющую внешней повестки.

Период председательства Беларуси, напротив, характеризуется усилением внимания к традиционным связям с Европой, в частности к вопросам стандартизации, технического регулирования и аграрного сектора[214]. В ходе белорусского председательства в 2020 году в повестке ЕЭК акцент был смещен на техническое сопряжение регламентов и укрепление сотрудничества с Восточной Европой [215] . Были предприняты усилия по актуализации контактов с сербской стороной, в том числе в связи с заключением соглашения о ЗСТ, а также активизированы контакты с международными организациями, в которых Беларусь имеет долгосрочное представительство и профильные интересы[216].

---

[214] Мазулина А.Н. Региональные торговые соглашения в сфере услуг – новый инструмент внешнеторговой политики Республики Беларусь / А. Н. Мазулина // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2022. – Т. 2. – № 296. – С. 19.

[215] Попкова А.С. Теоретико–методологические аспекты формирования благоприятной бизнес–среды в Республике Беларусь / А. С. Попкова // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2022. – Т. 8. – № 302. – С. 10.

[216] Бабина А.В. Опыт формирования инвестиционного имиджа Республики Беларусь на международном рынке / А. В. Бабина, Н. П. Драгун // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2022. – Т. 7. – № 301. – С. 10.

Председательство России, как правило, сопровождается институционализацией инициатив. В рамках председательства Российской Федерации в 2018 и 2023 годах произошло закрепление соглашений с Ираном, углубление связей с Китаем, подписание дорожных карт с рядом государств Южной Азии и Ближнего Востока. Российская модель председательства характеризуется комплексностью: она сочетает в себе политическую, экономическую и нормативную активность. В эти периоды расширяется спектр партнерств, увеличивается количество подписанных меморандумов, начинается подготовка соглашений нового поколения, предусматривающих не только торговлю, но и сопряжение технической, цифровой и инвестиционной политики. Также фиксируется более активное вовлечение ЕЭК в многосторонние площадки – БРИКС, ШОС, АТЭС.

Армения и Кыргызстан, как государства с ограниченными ресурсами для формирования масштабной внешнеэкономической стратегии, демонстрируют иную специфику председательства [217] . Их повестка сосредоточена на странах СНГ, а также на продвижении приоритетов, сопряженных с интересами внутренней консолидации Союза. Однако в годы их председательства прослеживается усиление контактов с отдельными странами-соседями: в частности, активизация взаимодействия с Ираном и Индией во многом совпала по времени с участием армянской стороны в международных инициативах в рамках ЕАЭС. Кыргызстан, напротив, продвигал повестку углубления связей со странами Центральной Азии, включая Узбекистан и Таджикистан [218] , хотя эти инициативы в меньшей степени трансформировались в формализованные соглашения[219].

---

[217] Мытыев М.Ч. Кыргызско–венгерское двустороннее сотрудничество: история, реалии и перспективы / М. Ч. Мытыев // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2023. – Т. 2. – № 50. – С. 149.

[218] Оторчиева А.Ж. Развитие инвестиционной политики Кыргызской Республики и влияние ее на экономику страны / А. Ж. Оторчиева // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2022. – Т. 2. – № 46. – С. 183.

[219] Усонов М.М. Динамика развития конкурентных отношений / М. М. Усонов, Ш. И. Кадыров, А. Ы. Кунназаров // Вестник Кыргызстана. – 2022. – № 1–2. – С. 229.

Ротационное председательство оказывает опосредованное, но устойчивое влияние на международную деятельность ЕЭК. Несмотря на то, что сама Комиссия сохраняет институциональную преемственность и наднациональный характер, вектор и тематика внешних инициатив, как правило, формируются под влиянием национальных интересов и дипломатических приоритетов страны-председателя. Отсутствие единого механизма долгосрочного программирования международной активности Комиссии усиливает зависимость внешнеполитической активности ЕЭК от приоритетов председательствующей страны, что препятствует формированию стабильного вектора расширения Союза.

Несмотря на смену председательствующих стран и ситуативную вариативность международной повестки, стратегические документы Евразийской экономической комиссии характеризуются устойчивым набором приоритетов. Данные приоритеты придают внешнеполитической деятельности ЕЭК относительную институциональную преемственность, несмотря на изменчивость международной среды и внутренние различия в подходах к международным отношениям государств-членов.

К числу наиболее устойчивых направлений относится концентрация усилий на странах Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего Китае, Вьетнаме, Индии, Монголии и Южной Корее. Данный вектор присутствует практически во всех стратегических документах ЕЭК с 2015 года. Независимо от председательствующей стороны, Комиссия последовательно продвигает инициативу сопряжения с китайским проектом «Один пояс – один путь», развитие транспортных коридоров «Север – Юг» и «Запад – Восток», а также устранение технических и регуляторных барьеров на путях из ЕАЭС в страны ЮВА.

Вторым устойчивым элементом международной стратегии является акцент на продвижении интеграционной модели ЕАЭС в качестве альтернативы существующим формам регионализма. Эта линия прослеживается как в меморандумах о взаимопонимании, так и в публичных

заявлениях Коллегии ЕЭК, особенно в адрес развивающихся стран. В документах фиксируется представление ЕАЭС как «открытого интеграционного объединения» [220], способного взаимодействовать с внешними партнерами на равноправной основе, без геополитической обусловленности. Такая установка ориентирована на снижение политической чувствительности при установлении связей с третьими странами, особенно в условиях конфликтной международной обстановки.

Еще одним повторяющимся мотивом является стремление к институциональному сопряжению с региональными объединениями. ЕЭК на протяжении последних лет заключает рамочные соглашения с такими организациями, как ШОС[221], АСЕАН[222], МЕРКОСУР[223], Секретариат ЛАГ[224], Африканский союз[225]. Несмотря на различия в тематике и политических контекстах, во всех документах содержится установка на обмен опытом,

---

[220] Бирюков В.В. Евразийская интеграция: экономика, политика, управление и образование: монография / В. В. Бирюков, М. С. Балпан, А. Ю. Карпикова. – Москва: Русайнс, 2025. – С. 49.

[221] Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Шанхайской организацией сотрудничества. В. С. Мясникович и В. И. Норов подписали меморандум о сотрудничестве в Душанбе 17 сентября 2021 г. // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/memorandumy.php (Дата обращения: 24.06.2025).

[222] Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и АСЕАН. Подписан 14 ноября 2018 г. в Сингапуре. // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/napravleniya/org/asean/ (Дата обращения: 24.06.2025).

[223] Меморандум о сотрудничестве между ЕЭК и МЕРКОСУР. Подписан 17 декабря 2018 г. в Монтевидео, на 53–м заседании Совета общего рынка. Основное: торгово–экономическое сотрудничество и обмен информацией. // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://www.mid.ru/es/press_service/photo/meropriyatiya_v_zagran_uchrezdeniyah/1580483/?lang=ru (Дата обращения: 24.06.2025).

[224] Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Секретариатом Лиги Арабских государств (ЛАГ) // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/memorandumy.php (Дата обращения: 24.06.2025).

[225] Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Комиссией Африканского союза. Подписан 24 октября 2019 г. Направление: торгово–экономическое сотрудничество. // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/24–10–2019–5/ (Дата обращения: 24.06.2025).

координацию технических стандартов, развитие совместных механизмов экономического прогнозирования и участие в глобальных форумах.

Таким образом, несмотря на ротацию председательств и ситуативные различия в повестке, международная деятельность ЕЭК основывается на ряде повторяющихся векторов, структурирующих внешнюю активность Комиссии как целостную стратегию. К ним относятся приоритет азиатского направления, ориентация на сопряжение с региональными организациями, акцент на цифровую инфраструктуру и представление ЕАЭС как открытого объединения. Эти элементы не зависят от политической конъюнктуры и воспроизводятся как в официальных планах, так и в практических действиях, обеспечивая преемственность и институциональную идентичность внешнеэкономического курса Союза.

Динамика смены приоритетов международного сотрудничества фиксируется в ежегодных отчетах ЕЭК, стратегических документах, меморандумах, решениях Высшего совета, а также в структуре заключенных соглашений и направлений переговорного процесса. Анализ этих источников позволяет выделить несколько этапов с характерными географическими и содержательными акцентами, отражающими эволюцию внешнего вектора интеграции.

Первоначальный период (2015–2017 гг.) характеризуется доминированием прагматической торгово-экономической повестки и ориентацией на формализацию первых соглашений с третьими странами. Ключевым направлением выступал Азиатско-Тихоокеанский регион, в первую очередь Вьетнам, с которым в 2015 году было заключено первое соглашение о Зоне свободной торговли. Именно в этот период формируется подход, предполагающий поэтапное заключение соглашений с государствами, способными обеспечить высокую степень нормативной совместимости и значительный объем товарооборота. На содержание повестки оказывает влияние также инерция двусторонних связей государств-членов, что приводит

к акценту на те страны, с которыми у России, Казахстана и Беларуси уже были устойчивые экономические отношения[226].

Период 2018–2020 годов демонстрирует значительное расширение географии приоритетов, сопровождаемое институционализацией подходов. На первый план выходит идея сопряжения евразийской интеграции с иными региональными инициативами. Активизируются переговоры с Китаем по вопросу сопряжения с инициативой «Один пояс - один путь», начинается продвижение переговорных форматов с Индией, Ираном, Египтом. В 2019 году заключается соглашение о ЗСТ с Сербией, что фиксирует интерес к балканскому направлению. При этом акцент смещается с заключения полноформатных соглашений к разработке рамочных договоренностей и меморандумов, предполагающих институциональное взаимодействие без обязывающих норм. Данный шаг свидетельствует о стремлении Комиссии расширить международное присутствие ЕАЭС в условиях ограниченной готовности внешних партнеров к углубленной экономической интеграции[227].

После 2020 года, в условиях нарастающего международного санкционного давления и усложнения глобальной торговой среды, международные приоритеты ЕЭК претерпевают качественное изменение. На первый план выходит стремление к формированию устойчивых форм экономического взаимодействия с государствами, способными заместить недоступные рынки, либо предоставить доступ к альтернативным маршрутам. Формируется устойчивый интерес к странам Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки. В 2023 году заключено соглашение о Зоне свободной торговли с Ираном, начаты технические

---

[226] Воротынцева Т.М. Интеграция как механизм регулирования международной торговли в рамках Евразийского экономического союза и стран Азиатско–Тихоокеанского экономического сотрудничества / Т. М. Воротынцева, Е. М. Филаткина. – Общество с ограниченной ответственностью Издательско–торговая компания Троицкий мост, 2022. – С. 24.

[227] Вардомский Л. Б. Геополитика и регионализация на постсоветском пространстве. // Страны «пояса соседства» России: модели развития и вопросы сотрудничества (памяти С.П. Глинкиной). 2024. С. 177.

консультации с Индонезией и Египтом. При этом структура соглашений становится все более гибкой: фиксируется переход к многоэлементным форматам взаимодействия, включающим не только торговлю, но и сопряжение цифровых платформ, обмен данными, совместные логистические проекты.

Несмотря на широкую и многоформатную международную активность Евразийской экономической комиссии, существенным ограничением остается слабая способность трансформировать накопленный массив внешнеполитических соглашений в устойчивые институциональные формы интеграционного расширения. Вопрос о том, почему обширная сеть международных контактов и заключенных соглашений не приводит к увеличению числа полноправных членов Евразийского экономического союза, имеет как политико-правовое, так и структурное обоснование.

Прежде всего, необходимо отметить, что большинство внешнеполитических соглашений ЕЭК носит рамочный, декларативный характер. Меморандумы о взаимопонимании, дорожные карты, совместные заявления и даже отдельные соглашения о Зонах свободной торговли, не предусматривают механизмов институционального сближения. Они ориентированы на торгово-экономическое сотрудничество и сопряжение стандартов, но не создают политико-правовых условий для углубления взаимодействия до уровня интеграции. В них отсутствуют обязательства по унификации законодательства, координации валютной, таможенной или налоговой политики[228].

Концептуальной проблемой остается отсутствие в правовой архитектуре ЕАЭС промежуточных форм участия, кроме института наблюдательства, о котором более подробно будет сказано ниже. В отличие от Европейского союза, где предусмотрены статусы ассоциированного членства, специальных

[228] Наматбекова Н.М. Глобальная регионализация как процесс мир–системного развития / Н. М. Наматбекова // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2020. – Т. 1. – № 40. – С. 109

соглашений о присоединении, кандидатства, в ЕАЭС действует бинарная модель – либо государство является членом Союза, либо выступает внешним партнером. Единственным исключением является статус наблюдателя, учрежденный в 2020 году, однако он не предоставляет возможности участия в работе Комиссии, не сопровождается правами на соучастие в выработке решений и не предусматривает поэтапного сближения с правом Союза.

Кроме того, сами соглашения о ЗСТ, несмотря на их экономическую значимость, нередко заключаются без привязки к логике евразийской интеграции. В них отсутствуют положения о совместных органах, мониторинге исполнения, обязательной адаптации норм партнерской стороны к праву ЕАЭС. Так, соглашение с Вьетнамом стало прецедентом лишь в сфере торговли, но не привело к созданию стабильного механизма институционального присутствия в структурах Союза. Соглашение с Ираном, несмотря на амбициозность, содержит массу исключений и не охватывает политико-правовой компонент взаимодействия. В документах, заключенных с Сингапуром [229] , превалируют положения о намерениях и техническом сотрудничестве, но не закладываются элементы правовой и институциональной взаимосвязанности.

Фактором, препятствующим институционализации внешнего сотрудничества, выступает также неоднородность интересов и внешнеполитических стратегий государств-членов ЕАЭС. Поскольку международные соглашения утверждаются консенсусом, даже незначительные расхождения между членами Союза в оценке политической надежности потенциального партнера, геоэкономических выгод или правовых рисков могут привести к стагнации процесса сближения. В случае с Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном, несмотря на тесные

[229] Соглашение о свободной торговле и рамочное соглашение о сотрудничестве между ЕАЭС и Республикой Сингапур (1 октября 2019 г.) // ЕЭК – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/singapore.php (Дата обращения: 24.06.2025).

экономические связи и отмечаемые экспертами экономические выгоды от сотрудничества[230], отсутствует согласованная стратегия по интеграционному вовлечению этих государств. Более того, наблюдается несогласованность между внешнеполитическими действиями ЕЭК и двусторонними инициативами государств-членов, что приводит к расщеплению переговорных треков и ослаблению эффекта от многосторонних усилий.

Отдельную проблему представляет отсутствие в структуре ЕЭК подразделения, ответственного за стратегическую координацию процесса расширения. В отличие от департаментов торговли, технического регулирования, цифровизации и иных сфер, в структуре Комиссии не предусмотрен специализированный орган или функция, направленные на долгосрочное планирование расширения институциональных связей Союза. На данный момент в рамках институциональной структуры ЕАЭС присутствует Департамент развития интеграции, но на недостаточность его полномочий и функционала указывает ряд факторов, среди которых, например, можно выделить, отсутствие на протяжении более 10 лет обновления нормативно-правовой базы расширения членства, отсутствие инициатив по совершенствованию механизма принятия в организацию новых участников, равно как и объективных комментариев на предмет эффективности взаимодействия ЕАЭС с нынешними партнерами различных форм – участников соглашений о ЗСТ, наблюдателей, потенциальных членов. С другой стороны, довольно красноречивым фактором является то, что за весь период своего существования нет ни одного факта подачи обращения на вступление в ЕАЭС от третьих стран. Более того, функции, которые, казалось

[230] Дадабаева З.А. Факторы возможного присоединения к ЕАЭС Таджикистана и Узбекистана / З.А. Дадабаева // Геоэкономика энергетики. – 2021. – Т. 13 – № 1. – С. 100-113.

бы, должны исполняться данным департаментом, зачастую исполняет сторонний институт – ЕАБР[231].

Внешняя активность ЕЭК в ее нынешнем виде обеспечивает политико-дипломатическое и частично торгово-экономическое присутствие на международной арене, но практически не конвертируется в институциональные формы расширения Союза. Основные причины кроются в отсутствии юридически закрепленной многоступенчатой модели сближения, преобладании мягких форм взаимодействия, отсутствии политического консенсуса внутри Союза и институциональной несформированности механизма координации процесса расширения [232] . Без устранения этих ограничений расширение ЕАЭС будет продолжать носить декларативный характер, не обеспечивая системного роста численного состава участников интеграции.

В годовых докладах ЕЭК с 2016 по 2023 год фиксируется устойчивый рост числа международных контактов, однако количественный рост не сопровождается институциональным углублением. Большинство реализованных мероприятий касаются консультаций, экспертных сессий, форумов, рабочих поездок и подписания меморандумов. Только незначительная часть международных инициатив завершилась заключением юридически обязывающих соглашений. Анализ планов международного сотрудничества показывает, что значительная часть целей остается в статусе незавершенных. Например, с 2018 года неоднократно объявлялись намерения заключить соглашения с Индией, Египтом, Монголией, Индонезией и Израилем. Тем не менее, большинство переговоров до настоящего времени не

---

[231] Сайт ЕАБР. Потенциальные выгоды и издержки от вступления Республики Таджикистан в ЕАЭС // ЕАБР – URL: https://eabr.org/analytics/integration–research/cii–reports/potentsialnye–vygody–i–izderzhki–ot–vstupleniya–respubliki–tadzhikistan–v–eaes–/ (Дата обращения: 24.06.2025).

[232] Сыздыков Б.А. Развитие инвестиционного сотрудничества в рамках ЕАЭС / Б. А. Сыздыков // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2022. – Т. 1. – № 295. – С. 11

перешло в стадию согласования текста до говора, а находящиеся в проработке документы продолжают рассматриваться в формате технических консультаций без фиксированных сроков и дорожных карт[233].

Отдельной проблемой выступает повторяемость нерешенных организационных вопросов. Во всех докладах и стратегических документах отмечаются одни и те же препятствия: затруднения с согласованием торговых преференций, неготовность внешних партнеров к принятию техрегламентов и санитарных норм ЕАЭС, низкий уровень цифровой совместимости, различие в институциональной культуре. Несмотря на признание этих проблем, они систематически не устраняются.

Эмпирическая проверка внешних стратегий демонстрирует их недостаточную результативность: масштабные цели не сопровождаются адекватным инструментарием реализации, а фактические достижения существенно уступают заявленным ориентирам. Стратегическая активность оказывается преимущественно репрезентативной, а не трансформационной по своему эффекту.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии устойчивой международной активности Евразийской экономической комиссии, выражающейся в заключении соглашений, расширении географии партнерств, наращивании дипломатического присутствия и формировании внешней повестки Союза. Вместе с тем, данная активность остается институционально незавершенной. Ее результаты не трансформируются в новые формы участия, не ведут к расширению числа членов, а заключенные соглашения часто не обеспечивают долгосрочного эффекта.

Во-первых, требуется разработка поэтапной модели сближения с третьими странами, предусматривающей несколько уровней взаимодействия:

---

[233] Павловская Ю.В. Развитие промышленной кооперации Республики Беларусь с государствами–членами ЕАЭС: барьеры и пути их преодоления / Ю. В. Павловская // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2021. – Т. 5. – № 287. – С. 40

от получения статуса наблюдателя и ассоциированного партнерства до подготовки к полноправному членству. Такая модель должна быть закреплена в отдельном решении Высшего Евразийского экономического совета и сопровождаться типовыми соглашениями, определяющими параметры каждого уровня. Это позволит установить правовую предсказуемость и воспроизводимость процесса расширения.

Во-вторых, необходимо создание в структуре ЕЭК специализированного департамента по вопросам разработки стратегии интеграционного расширения. Несмотря на то, что на данный момент в рамках институциональной структуры ЕАЭС присутствует Департамент развития интеграции, его полномочия ограничиваются сугубо предварительной аналитической работой и крайне ограниченной консультационной работой в ходе присоединения государства. Отсутствие подобной структурной единицы, на наш взгляд, снижает институциональную связность действий Комиссии.

В-третьих, следует систематизировать подход к оценке успешности международных стратегий. Необходимо внедрение индикативных планов не только с количественными, но и качественными показателями, регулярная верификация их исполнения, публикация подробных отчетов с обозначением причин отклонений и выработкой корректирующих мер, что повысит прозрачность и ответственность действий ЕЭК в данной сфере.

В-четвертых, рекомендуется нормативно закрепить возможность временного участия внешних партнеров в отдельных механизмах Союза – например, в системе технического регулирования, цифровой сертификации, трансграничной логистике. Такие формы «частичной интеграции» позволят выстраивать гибкие форматы сближения и создавать эффекты институционального втягивания.

В-пятых, следует развивать многосторонние форматы сотрудничества с региональными объединениями и международными организациями, сопрягая их с целями расширения. Формализация таких платформ, включая совещательные органы, совместные программы, технические группы, создаст

экосистему взаимодействия, в рамках которой будет возможно институциональное закрепление внешних связей.

Таким образом, институционализация международной деятельности ЕЭК требует нормативного, организационного и проектного переосмысления. Без соответствующих изменений внешняя деятельность Комиссии рискует остаться преимущественно представительской, не обеспечивая фактического влияния на качественное расширение интеграционного проекта. Формирование многоуровневой, управляемой и нормативно воспроизводимой модели международного сотрудничества с третьими государствами, а также демонстрация положительных эффектов интеграции – ключевое условие устойчивости и регионального расширения Евразийского экономического союза и построения пространства Большой Евразии на основе существующей евразийской интеграции.

3.2. Параметры акторности ЕАЭС в мировой политике: возможности и пределы наднационального представительства

Как мы увидели в прошлой главе, само-позиционирование и осознанная оценка собственной правосубъектности ЕАЭС имела тенденции к эволюции от «полноправного субъекта мировой экономики» до полноценного и влиятельного актора международных отношений настолько, что он уже декларируется регионообразующим – «международной организации региональной экономической интеграции».

В данном разделе мы бы хотели подробнее остановиться на данном аспекте и провести анализ того, какова фактическая позиция и роль евразийской интеграции в системе региональных и глобальных международных отношений.

Международная правосубъектность Евразийского экономического союза закреплена в Договоре о ЕАЭС от 29 мая 2014 года. Согласно статье 6 указанного Договора, Союз обладает статусом международной организации

региональной экономической интеграции. Он наделен международной правосубъектностью, может от своего имени заключать международные договоры, выступать участником международных организаций, а также вступать в правовые отношения с государствами, международными и иными субъектами международного права. Этот правовой статус отражает институциональное равенство ЕАЭС с другими региональными интеграционными объединениями и делает возможным его участие в международной системе как самостоятельного субъекта.

Правосубъектность ЕАЭС подтверждена международной практикой признания со стороны универсальных международных организаций. В 2015 году Генеральный секретарь ООН официально принял к сведению учреждение Союза и его правоспособность[234]. Впоследствии были заключены соглашения о сотрудничестве между ЕЭК и целым рядом структур системы ООН - в том числе ЮНКТАД, ЭСКАТО, МОТ и другими. Эти соглашения имеют либо рамочный, либо технический характер, регулирующий информационный и проектный обмен. В 2016 году Союз был признан в качестве наблюдателя при Генеральной ассамблее Международной организации по стандартизации (ISO), а также вошел в перечень структур, аккредитованных при ВОИС[235].

Свидетельством правосубъектности ЕАЭС является его участие в международных торговых переговорах и заключение соглашений о свободной торговле. Все такие соглашения (в частности, с Вьетнамом, Ираном, Сербией и Сингапуром) оформлены как международные договоры от имени Союза, а не отдельных государств-членов, что требует признания ЕАЭС в качестве стороны международного права. ЕЭК в этом контексте выступает как

---

[234] Титок И.В. Методологические подходы к формированию системы мониторинга стратегии развития межгосударственных интеграционных связей / И. В. Титок // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2023. – Т. 4. – № 310. – С. 22.

[235] Харламова Ю.А. Борьба за Евразию в фокусе транспортных геостратегий: монография / Ю. А. Харламова. – Москва: Научно–издательский центр ИНФРА–М, 2020а. – С. 60.

переговорный и координационный орган, обладающий делегированными государствами полномочиями. Аналогично оформляются меморандумы и соглашения с другими региональными объединениями и третьими странами - от Шанхайской организации сотрудничества до Чили, Кубы и Египта[236].

Следует отметить, что международная правосубъектность Союза носит не декларативный, а операционный характер: она реализуется в правовых действиях, имеющих внешнеполитические последствия. Юридическая возможность заключения международных договоров закреплена также в статье 7 Договора о ЕАЭС, предусматривающей открытость Союза и возможность установления партнерских отношений. Международная правосубъектность ЕАЭС институционализирована через правовые акты, признана действующими международными структурами и реализуется в практике взаимодействия с государствами и международными организациями.

Правовой механизм взаимодействия ЕАЭС с международными организациями представляет собой сложную систему норм, процедур и соглашений, регулирующих внешнеэкономические связи Союза с различными глобальными и региональными структурами. Этот механизм основан на принципах международного права и ориентирован на эффективное сотрудничество в таких областях, как торговля, инвестиции, техническое регулирование, охрана окружающей среды и социальное развитие. Важнейшими органами в реализации этого механизма являются Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС), а также национальные правительственные органы стран-членов.

Договор о ЕАЭС, в частности, в статьях 102 и 106 указывает, что Союз имеет право заключать международные договоры, которые могут быть как двусторонними, так и многосторонними. Эти соглашения заключаются как от

---

[236] Титок И.В. Эффекты межгосударственной экономической интеграции и особенности их оценки / И. В. Титок, Е. В. Ткачук, М. Ю. Мартинкевич // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2024. – Т. 9. – № 327 – С. 18.

имени самого Союза, так и от имени его институтов - прежде всего, ЕЭК. ЕЭК выполняет функции переговорного органа и координатора в процессе подготовки и подписания международных соглашений. Этот процесс регулируется Положением о международной деятельности ЕЭК, которое определяет порядок и условия заключения договоров, включая необходимые этапы согласования и процедуры согласования с государствами-членами. В частности, ЕАЭС взаимодействует с такими важнейшими структурами, как ООН, ВТО, Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и другими. Примером являются соглашения ЕАЭС с ООН и ее специализированными агентствами, такими как ЮНКТАД и МОТ, в рамках которых реализуются проекты по торговле, техническому регулированию и миграции[237].

Взаимодействие с МВФ и Всемирным банком осуществляется через программу консультаций и сотрудничества в области макроэкономической политики, экономической стабилизации и цифровизации. Кроме того, в рамках ВТО, в которой является наблюдателем, ЕАЭС развивает многостороннее сотрудничество с другими членами этой организации, включая формирование общих подходов по торговым стандартам, пошлинам и техническим регламентам. Взаимодействие с ВТО также направлено на создание дополнительных условий для доступа товаров и услуг стран-членов ЕАЭС на международные рынки, что способствует ускорению процесса интеграции.

ЕАЭС активно сотрудничает с рядом региональных экономических и интеграционных объединений. В числе таких организаций - Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии

---

[237] Яковенко А.В. Геополитический перелом и Россия: о чем говорит новая внешнеполитическая концепция / А. В. Яковенко. – Дипломатическая академия МИД России. – Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2023. – С. 78.

(АСЕАН), Африканский союз, МЕРКОСУР, Соглашение о свободной торговле с Сербией и другие.

Союз активно развивает партнерство с ШОС, с которой подписано соглашение о сотрудничестве. В рамках этого соглашения ЕАЭС и ШОС обмениваются опытом в сфере экономической интеграции, взаимодействуют по вопросам безопасности и устойчивого развития, а также проводят совместные исследования и проекты в области инфраструктуры и технологий. Взаимодействие с ШОС имеет особую актуальность для исследуемой проблемы, поскольку, как отмечается экспертами, взаимодействие и сопряжение ЕАЭС и ШОС несет потенциальные выгоды для стран Центральной Азии и может стать эффективным инструментов обеспечения безопасности на евразийском пространстве[238]. Кроме того, важным вектором внешней политики ЕАЭС является взаимодействие с АСЕАН, которое предполагает развитие торгово-экономических отношений и сотрудничество в сфере научно-технической интеграции.

Несмотря на значительные достижения, правовой механизм взаимодействия ЕАЭС с международными организациями сталкивается с рядом ограничений. Одним из основных препятствий является отсутствие механизма эффективного контроля за выполнением обязательств, взятых в рамках заключенных соглашений. В большинстве случаев после подписания документов не существует системного мониторинга их реализации.

Кроме того, несмотря на наличие множества соглашений с международными партнерами, все они часто носят рамочный характер, что ограничивает возможности Союза в реализации своих международных обязательств. Это особенно проявляется в соглашениях, касающихся торговли

[238] Дадабаева З.А. Шансы и риски ШОС в турбулентном мире / З.А. Дадабаева // Мир перемен. – 2022. – № 3. – С. 178.

и экономических стандартов, где отсутствует четкое определение механизмов контроля и взаимодействия на более глубоком уровне[239].

Евразийский экономический союз активно позиционирует себя как участник глобального диалога о целях устойчивого развития и как партнер в реализации международных и региональных программ, направленных на обеспечение сбалансированного роста, инклюзивной экономики и экологической устойчивости. Включенность ЕАЭС в повестку устойчивого развития обусловлена не только декларированием стратегических целей, но и реальными действиями в рамках взаимодействия с международными институтами и странами-партнерами. Формирование устойчивых форм участия в этих проектах требует комплексного подхода: от сопряжения нормативных систем до институционального закрепления целей в стратегических документах Комиссии.

Одним из ключевых ориентиров в этом направлении являются Цели устойчивого развития[240] (ЦУР), утвержденные ООН в 2015 году. ЕЭК, как исполнительный орган Союза, в ряде программных документов прямо указывает на необходимость соответствия деятельности ЕАЭС глобальной повестке ЦУР. Наиболее значимое сопряжение реализуется по следующим направлениям: устойчивое экономическое развитие, модернизация инфраструктуры, обеспечение достойной занятости и продвижение инклюзивной торговли. В практическом плане это выражается в проектах, реализуемых совместно с ЮНКТАД и ЭСКАТО, включая развитие систем трансграничной электронной торговли, упрощение процедур перемещения товаров и содействие транспортной связанности. В программных документах ЕЭК особое внимание уделяется устойчивой логистике и «зеленым»

---

[239] Моисеев А.Н. Мировая политика и международные отношения / А. Н. Моисеев, А. В. Шумилов. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2020. – С. 65.

[240] Цели устойчивого развития (ЦУР) // ООН (официальный сайт на русском языке). // ООН – URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable–development–goals/ (Дата обращения: 24.06.2025).

технологиям - от поддержки энергосбережения до снижения углеродного следа в агропромышленном секторе.

Особое значение для международной вовлеченности ЕАЭС приобретает сопряжение с китайской инициативой «Один пояс - один путь» (ОПОП). Протокол о сопряжении Евразийского экономического союза и ОПОП[241] был подписан в 2015 году. Этот документ не носит характера соглашения о свободной торговле, однако он определяет рамки для координации экономических стратегий, в частности в сфере инфраструктурного и энергетического взаимодействия. Сотрудничество в рамках ОПОП позволило странам ЕАЭС активнее участвовать в финансируемых Китаем проектах в сфере железнодорожного транспорта, логистических узлов и цифровых платформ, охватывающих Центральную Азию, Закавказье и часть Восточной Европы. В рамках реализации сопряжения были созданы координационные механизмы, включая совместные комиссии и экспертные площадки, функционирующие при участии ЕЭК и китайских органов планирования.

Параллельно с китайским вектором реализуется взаимодействие с Программой устойчивого развития Центральной Азии (CDPP) и другими субрегиональными инициативами. В этих форматах ЕАЭС взаимодействует преимущественно через своих государств-членов, но в ряде случаев - через прямое участие представителей Комиссии в рабочих группах. Наряду с многосторонними проектами ЕАЭС включен в ряд двусторонних инициатив, в том числе «зеленую повестку» с Европейским союзом. Несмотря на общее политическое охлаждение, на техническом уровне сохраняются контакты по тематикам экологии, цифровой трансформации и технического регулирования, в частности в рамках участия в международных организациях

[241] Протокол о сопряжении стратегий развития ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь» (май 2015 года; дальнейшая координация — 2020 год) // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/822/Doklad_Kitay_short_17.08.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

по стандартизации. Участие в этих структурах позволяет ЕЭК внедрять элементы устойчивого развития в систему технического регулирования Союза, особенно в сферах энергетики, химической продукции, сельского хозяйства и обращения с отходами[242].

Институциональная и нормативная адаптация ЕАЭС к повестке устойчивого развития получила отражение и в собственной стратегической рамке. Она представлена не как отдельная цель, а как сквозной принцип, реализуемый в различных направлениях: цифровизация, транспортная интеграция, агропромышленное развитие, экологическая безопасность. Через участие в программах ООН, сопряжение с китайской инициативой, двусторонние и субрегиональные проекты, Союз формирует устойчивую архитектуру внешнего позиционирования. Это не только укрепляет образ ЕАЭС как конструктивного участника международной системы, но и расширяет каналы его взаимодействия с различными регионами мира, создавая дополнительные предпосылки для институционального роста и расширения географии интеграционного объединения.

Одним из наиболее системных и устойчивых партнерств ЕАЭС выступает сотрудничество с Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). В рамках подписанных соглашений и меморандумов осуществляется обмен аналитическими материалами, техническая поддержка при разработке методик оценки барьеров в торговле, а также согласование цифровых решений в сфере трансграничной торговли. Важным направлением взаимодействия стало внедрение инструмента ASYCUDA (Automated System for Customs Data) - стандартизированной системы для автоматизации таможенных процедур. Это позволило ЕЭК инициировать согласование технических требований к цифровым декларациям и внедрить элементы электронной торговли, соответствующие международным практикам.

---

[242] Батырбекова Т.Б. Кыргызстан и ее роль в региональной и международной дипломатии / Т. Б. Батырбекова, Н. А. Нуралиев // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2023. – Т. 2. – № 50. – С. 35

Координация с ЮНКТАД в данном случае выступает не в форме технической помощи, а как институционально оформленный обмен опытом и совместная нормативная адаптация[243].

Значительным направлением институциональной кооперации стало взаимодействие с Международной организацией труда (МОТ), в первую очередь по вопросам регулирования трудовой миграции. При поддержке МОТ были разработаны рекомендации по унификации подходов к социальному обеспечению трудовых мигрантов на пространстве ЕАЭС, а также реализованы пилотные проекты по формированию общих механизмов признания квалификаций. Эти инициативы сопровождались консультациями на уровне соответствующих департаментов ЕЭК и национальных министерств труда. В процессе работы были подготовлены предложения по синхронизации трудовых норм в сфере безопасности труда и минимальных гарантий для мобильных работников.

Устойчивый характер носит и взаимодействие с Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). В 2017-2022 годах при поддержке ЭСКАТО в ЕЭК проводился комплекс мероприятий по сопряжению транспортных коридоров в Евразии, включая участие в проекте по развитию коридора Север - Юг и сопряжение с Трансазиатской железнодорожной магистралью. Экспертные заключения ЭСКАТО учитывались при формировании предложений ЕЭК по интеграции транспортно-логистической инфраструктуры в рамках Стратегии-2025. Кроме того, под эгидой ЭСКАТО был организован ряд совместных форумов и рабочих встреч, где рассматривались перспективы сопряжения транспортной

[243] Сарсембаев Д.М. Международно–правовое валютное регулирование в рамках евразийской интеграции (к вопросу о единой валюте) / Д. М. Сарсембаев // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2021. – Т. 1. – № 64. – С. 298.

стратегии ЕАЭС с региональными инициативами Юго-Восточной Азии и Южной Азии[244].

В области стандартизации и технического регулирования наиболее значимой является институциональная кооперация с Международной организацией по стандартизации (ISO). В 2015 году ЕЭК получила статус наблюдателя при ISO, что дало ей возможность участвовать в обсуждении международных стандартов на ранних стадиях их подготовки. В результате к 2020 году более 6 000 международных стандартов ISO были гармонизированы с техническими регламентами ЕАЭС. Участие в деятельности ISO также позволило создать основу для признания продукции, сертифицированной по единым требованиям, в третьих странах, с которыми у ЕАЭС заключены или планируются соглашения о свободной торговле. Такое сотрудничество является не просто техническим, но и институциональным, поскольку влияет на структуру правового поля Союза и обеспечивает его сопряжение с международными нормами, а также и стратегическим, поскольку открывает дорогу для расширения круга общих вопросов к обсуждению с уже задействованными потенциальными партнерами и несколько упрощает разрешение технических вопросов при обсуждении с новыми.

Примером межрегиональной институциональной кооперации может служить диалог ЕЭК с МЕРКОСУР - южноамериканским интеграционным объединением. В 2018 году был подписан меморандум о взаимопонимании, предусматривающий формирование рабочей группы по обмену опытом регулирования торговли, таможенного администрирования и антимонопольного контроля. Хотя соглашение остается рамочным, регулярные консультации и совместные мероприятия позволили выработать обоюдные позиции по ряду вопросов, включая цифровую сертификацию происхождения товаров и координацию подходов к санитарным и

[244] Неймарк М.А. Кризисная геополитика: опыт и перспективы “мягкой силы” России : монография / М. А. Неймарк. – Министерство иностранных дел Российской Федерации, Дипломатическая академия. – Москва: Дашков и К°, 2023. – С. 40.

фитосанитарным мерам. Это взаимодействие демонстрирует возможность горизонтального институционального сближения между двумя интеграционными структурами, развивающимися в разных правовых и экономических условиях. Однако, как мы уже ранее отметили, как и в большинстве случаев, данное сотрудничество осталось на этапе рамочного соглашения и на данный момент не имеет очевидной тенденции к нормативно-правовому, институциональному, а следственно, и технико-экономическому и уж тем более политическому сближению и развитию.

Таким образом, практика институциональной кооперации ЕАЭС с международными организациями свидетельствует о наличии зрелых форм взаимодействия, выходящих за рамки декларативных связей. Эти формы охватывают разнообразные сферы - от таможенного администрирования и миграционной политики до стандартизации и инфраструктурной интеграции - и предполагают постоянный обмен нормативными подходами, участие в совместных программах и согласование стратегических векторов. Такая кооперация усиливает правосубъектность ЕАЭС, укрепляет его легитимность в международной системе и создает устойчивую основу для дальнейшего укрепления роли и места ЕАЭС в глобальной системе международных отношений[245].

Институциональные пересечения особенно отчетливо проявляются в отношениях с Европейским союзом. Несмотря на ограниченность официального политического диалога между ЕАЭС и ЕС, существует значительный пласт неформального и технического взаимодействия. Оно касается, прежде всего, технического регулирования, фитосанитарных норм, таможенных процедур и стандартизации. Многие регламенты ЕАЭС были выстроены на основе директив ЕС, включая подходы к маркировке товаров, электронному декларированию, сертификации и прослеживаемости

[245] Дерябина С.Р. Экономическая, социальная и политическая интеграция: мировой опыт и особенности ЕАЭС / С. Р. Дерябина // Евразийский перекресток: Сборник материалов научно–практических мероприятий. – 2020. – Т. 2. – № 13. – С. 53

продукции. Даже в условиях геополитического охлаждения, системы сертификации и технические паспорта нередко оказываются взаимно признанными в рамках экспортных практик. Таким образом, данная ситуация демонстрирует нам уникальный прецедент, когда ЕС для ЕАЭС остается не только политическим оппонентом (что выражается, например, в санкционном давлении ЕС на Россию и Беларусь), но и нормативной моделью, с которой приходится считаться при формировании внутреннего правопорядка.

Взаимодействие с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) имеет преимущественно политико-экономический и геополитический характер. Оба объединения включают в себя Россию, Казахстан [246] и Беларусь[247], а также развивают собственные повестки в сфере безопасности, транспорта и цифровизации. ЕАЭС и ШОС регулярно проводят совместные экспертные консультации, участвуют в форумах и согласуют позиции по отдельным вопросам, например, цифровой трансформации или устойчивой логистики. Несмотря на различие институциональной природы - ШОС остается межгосударственным механизмом без элементов наднациональности - оба объединения действуют в общих геоэкономических зонах и вынуждены учитывать действия друг друга при разработке стратегий. В ряде случаев происходит сопряжение инфраструктурных и инвестиционных проектов.

Функциональные пересечения наблюдаются в отношениях с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Подписанные меморандумы о взаимопонимании между ЕАЭС и отдельными странами-членами АСЕАН, а также соглашение о свободной торговле с Сингапуром отражают попытку интеграции в экономическое пространство, где ключевыми

---

[246]Мытыев М.Ч. Кыргызско–казахские двусторонние отношения: 30 лет братства и добрососедства / М. Ч. Мытыев // Вестник Международного университета Кыргызстана. – Vol. 4. – № 48. – С. 407; Семенова Н.К. Транспортные горизонты Евразии. Экономические и геополитические “ловушки” и возможности : монография / Н. К. Семенова. – Институт востоковедения Российской академии наук. – Москва: ИВ РАН, 2023. – С. 200.

[247] Участие Беларуси в ШОС // Президент Республики Беларусь – URL: https://president.gov.by/ru/belarus/economics/integracija/shos (Дата обращения: 05.06.2025).

ценностями являются скорость процедур, унификация электронных платформ, либерализация услуг. Несмотря на то, что институциональная совместимость между ЕАЭС и АСЕАН остается ограниченной, формат секторального партнерства через заключение соглашений с отдельными государствами позволяет ЕАЭС точечно заимствовать наиболее эффективные модели торговой и инвестиционной либерализации, равно как и искать и использовать каналы продвижения собственного влияния и присутствия для государств-участников, равно как и всего Союза в целом, на пространстве Юго-Восточной Азии. С точки зрения технических аспектов, наиболее перспективным направлением здесь становится развитие цифровых коридоров и электронного взаимодействия между экспортерами, что требует сближения подходов к цифровой сертификации и трансграничным данным.

Региональные блоки Латинской Америки, такие как МЕРКОСУР и Андское сообщество, также попадают в сферу взаимодействия ЕАЭС. В 2018 году был подписан меморандум между ЕЭК и МЕРКОСУР, предусматривающий институциональные консультации, обмен статистикой, разработку совместных предложений по аграрной торговле и таможенному администрированию. Пересечение здесь происходит не только по формальным направлениям, но и по нормативной логике: обе структуры ориентированы на формирование внутреннего рынка с элементами координации, но без полной унификации валютной, фискальной и социальной политики.

Политико-идеологические пересечения формируются в отношениях с Африканским союзом и другими объединениями Глобального Юга. ЕАЭС в ряде программных документов позиционирует себя как альтернатива западо-центричным формам глобализации, подчеркивая равноправие, суверенитет и недискриминационный доступ к развитию, что рассматривается как преимущество с точки зрения африканских стран. В этой логике активно развиваются отношения с Египтом, Эфиопией, ЮАР, в том числе в рамках подготовки соглашений о свободной торговле или инвестиционного

партнерства. Несмотря на раннюю стадию институционализации, эти контакты укрепляют образ ЕАЭС как глобального игрока и позволяют сформировать коалиции интересов по ряду тем - от энергетической безопасности до продовольственной устойчивости[248].

Международное восприятие Евразийского экономического союза в зарубежных странах формируется под воздействием комплекса факторов - от текущей внешнеполитической ситуации до характера торгово-экономических отношений и идеологических установок исследовательских центров и СМИ. Анализ свидетельствует о неоднородности подходов к оценке ЕАЭС, где сочетаются элементы осторожного прагматизма, геополитической настороженности и фрагментарной поддержки экономического потенциала объединения.

В англоязычной академической традиции наибольшее распространение получила трактовка ЕАЭС как инструмента внешнеполитического влияния России на постсоветском пространстве. Подобный взгляд характерен для авторов, работающих в институтах трансатлантического круга (Carnegie Endowment [249], Chatham House [250]) [251]. Они рассматривают Союз преимущественно сквозь призму «проектной интеграции», предполагающей создание политико-экономических механизмов, направленных на ограничение влияния западных акторов в регионе и на усиление влияния

---

[248] Мытыев М.Ч. Экономическая дипломатия Кыргызской Республики в евразийских интеграционных процессах / М. Ч. Мытыев // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2023. – Т. 4. – № 52. – С. 505.

[249] Waal T. de. The End of the Near Abroad / T. de Waal. – Carnegie Endowment for International Peace, 2024. – URL: http://www.jstor.org/stable/resrep60135 (date accessed: 11.01.2026).

[250] Dragneva R. The Eurasian Economic Union: deals, rules and the exercise of power: Research paper / R. Dragneva, K. Wolczuk. – London: The Royal Institute of International Affairs, Chatham House, 2017. – URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017–05–02–eurasian–economic–union–dragneva–wolczuk.pdf (date accessed: 26.06.2025).

[251] Организации признаны нежелательными на территории РФ // Министерство юстиции РФ – URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen–inostrannyh–i–mezhdunarodnyh–organizacij–deyatelnost–kotoryh–priznana–nezhelatelnoj–na–territorii–rossijskoj–federacii/ (Дата обращения: 24.06.2025).

России. В рамках этой парадигмы подчеркивается формальный характер интеграции, зависимость от воли доминирующего государства, отсутствие глубокой институциональной автономии у ЕЭК и диспропорции в развитии и объеме экономик, военного и политического влияния государств-участников. Тем не менее, даже в подобных работах отмечаются отдельные успехи в области таможенного регулирования, цифровизации торговли и согласования технических стандартов.

Иное восприятие ЕАЭС наблюдается в странах Азии и Ближнего Востока. В странах Юго-Восточной Азии, прежде всего, во Вьетнаме и Сингапуре - публикации в деловых и аналитических изданиях (The Business Times[252], VNExpress[253]) отмечают высокую скорость торговых процедур и положительные эффекты от заключения соглашений о свободной торговле с ЕАЭС. В частности, отмечается рост товарооборота, снижение тарифных барьеров, рост прямых поставок и увеличение логистической связности между портами Восточной Азии и внутренними рынками Союза[254]. Такие материалы, как правило, лишены политической интерпретации и сосредоточены на конкретных экономических параметрах.

Союз рассматривается как потенциальная модель альтернативной интеграции, ориентированной на равноправие и суверенитет. Ведется активное сравнение между ЕАЭС и Африканской континентальной зоной свободной торговли (AfCFTA), особенно в контексте унификации тарифов и защиты внутреннего производителя. В африканской академической среде

---

[252] The Business Times. Singapore, EAEU poised to sign FTA, boost closer relationship // Business Times – URL: https://www.businesstimes.com.sg/international/singapore–eaeu–poised–sign–fta–boost–closer–relationship (Дата обращения: 24.06.2025).

[253]Trade between Vietnam and Russia has been facilitated by the Vietnam–EAEU FTA that took effect in October 2016» // VnExpress International – URL: https://e.vnexpress.net/news/economy/russia–calls–vietnam–leading–partner–in–southeast–asia–4590454.html (Дата обращения: 24.06.2025).

[254] Смирнов Е.Н. Глобальная экономика в условиях кризиса: новые стрессы, вызовы и нарративы / Е. Н. Смирнов. – Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2023. – С. 221.

отмечается интерес к механизму распределения полномочий в рамках ЕАЭС и работе ЕЭК как органа с наднациональной компетенцией.

Таким образом, международное восприятие ЕАЭС не сводится к однозначной оценке. В странах Запада доминирует сдержанный, часто критический подход[255]. С другой стороны, государства Азии[256], Африки[257] и Латинской Америки[258] демонстрируют более прагматичный, функциональный и в ряде случаев – положительный интерес. Это многообразие интерпретаций отражает не только реальные характеристики Союза, но и геополитическое самоопределение внешних акторов, формируя тем самым сложное и многослойное поле международного позиционирования ЕАЭС.

Несмотря на формальное признание международной правосубъектности ЕАЭС и наличие устойчивых внешних связей, международная позиция Союза сталкивается с рядом ограничений, проистекающих как из внутренней институциональной неоднородности, так и из внешнеполитических реалий. Первое и фундаментальное противоречие заключается в несоответствии между заявленным наднациональным статусом Евразийской экономической комиссии и фактической зависимостью от позиций национальных правительств. Это ограничивает маневренность ЕЭК на внешнем контуре, особенно при необходимости оперативного реагирования на предложения третьих стран, заключения рамочных соглашений или участия в международных переговорах от имени всего Союза.

---

[255] Чмырева В.А. Турецкий фактор на пространстве ЕАЭС: конкурентное сотрудничество с позиции интересов России / В. А. Чмырева // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2025. – Т. 19 – № 3(53). – С. 144.

[256] Чмырева В.А. Евразийско-монгольское сотрудничество: новые возможности и вызовы для России / В. Чмырева // Общество и экономика. – 2025. – № 1. – С. 83.

[257] Чистякова Е.А., Соколова О.Ю., Захарова С.В. Перспективы сотрудничества Евразийского экономического союза и Африки / Е.А. Чистякова, О.Ю. Соколова, С.В. Захарова, А.О. Скворцов, В.А. Скворцова// Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – №1 (53). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sotrudnichestva-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-i-afriki (дата обращения: 04.10.2026).

[258] Чмырева В.А. ЕАЭС в Латино-Карибской Америке: проблемы и возможности для трансграничного партнерства / В. А. Чмырева // Общество и экономика. – 2026. – № 3-4. – С. 198.

Второй проблемный блок связан с асимметрией экономического веса и интересов государств-членов, что сдерживает формирование единой международной повестки. Например, Армения и Киргизия, обладая ограниченным экспортным потенциалом, менее заинтересованы в активной торговой либерализации, чем Россия или Казахстан[259]. Это выражается в различии приоритетов при обсуждении соглашений о свободной торговле, уровне готовности к унификации тарифных режимов и участии в сопряженных инфраструктурных инициативах. В результате формулируемые ЕЭК предложения вынужденно носят компромиссный характер, что снижает их стратегическую целостность и привлекательность для внешних партнеров[260].

Дополнительное ограничение - недостаточная координация между внешнеполитическими ведомствами государств-членов и ЕЭК. Несмотря на существование согласительных процедур, внешнеэкономическая активность остается зоной преимущественной компетенции национальных министерств. Это ведет к тому, что участие ЕАЭС в международных инициативах либо дублируется, либо фрагментируется, в зависимости от позиции каждой столицы. Особенно остро проблема проявляется при необходимости сформировать единые позиции в международных организациях (например, ВТО или ВОИС), где государства-члены по-прежнему выступают индивидуально, а не от имени Союза.

Также негативно влияет на восприятие ЕАЭС вовне несбалансированная коммуникационная стратегия. В отличие от Европейского союза или АСЕАН, ЕАЭС не обладает разветвленной системой публичной дипломатии и

---

[259] Мазулина А.Н. Соглашение Беларуси и Китая о торговле услугами и осуществлении инвестиций: сравнительный анализ положений и обязательств (часть 1) / А. Н. Мазулина, Е. Д. Батый // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2025. – Т. 333. – № 3. – С. 29.

[260] Хейфец Б.А. Китайский путь глобализации и Россия : монография / Б. А. Хейфец. – Москва: КУРС, 2021. – С. 36.

представительств за рубежом. Это порождает дефицит знания о Союзе даже среди потенциальных партнеров[261], особенно в странах Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. К числу внешних ограничений относится и политизированность восприятия ЕАЭС в странах Запада. Геополитическая напряженность в отношениях России и стран ОЭСР проецируется на Союз в целом, затрудняя развитие формального диалога с ЕС, НАТО и их экономическими институтами. Это создает искусственные барьеры даже в сферах, не связанных с политикой - таких как логистика, экологическая стандартизация или цифровое взаимодействие. Подобная ситуация снижает возможности институционального сопряжения и ограничивает географию признания ЕАЭС как равноправного партнера[262].

Таким образом, расширение международной деятельности ЕАЭС - не производное от расширения географии экономических отношений с третьими странами, а фактор, активно формирующий границы и логику евразийской интеграции. В данном смысле активная и широко признанная международная субъектность Союза - не следствие, а условие углубления и расширения евразийской интеграции.

Несмотря на отмеченные структурные ограничения, международная субъектность Евразийского экономического союза обладает значительным потенциалом развития и укрепления, который может быть использован для институционального, географического и функционального расширения. Ключевым преимуществом выступает признанная правосубъектность Союза и накопленный опыт заключения международных договоров. Соприкосновение с глобальными стандартами, участие в многосторонних международных институтах, необходимость адаптации к универсальным

---

[261] Семенов Н.С. Информационные отношения в ЕАЭС / Н. С. Семенов // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2022. – Т. 46. – № 2. – С. 89.

[262] Толочко О.Н. Совершенствование норм права ЕАЭС в сфере экологизации транспортных систем / О. Н. Толочко // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2024. – Т. 79. – № 4. – С. 189.

режимам создают стимулы для унификации внутреннего регулирования и повышения прозрачности институтов. Отношения с третьими государствами в этом смысле становятся не только инструментом влияния, но и фактором консолидации Союза, который может быть реализован в полной мере с помощью системной стратегизации международной деятельности: формирования согласованной внешней повестки, укрепления роли ЕЭК как единого переговорного органа, расширения публичной дипломатии, развития академических и экспертных связей с зарубежными структурами.

3.3 Институциональные форматы и ограничения расширения ЕАЭС: потенциал и риски для построения Большой Евразии

Как уже было обсуждено ранее, Большая Евразия представляет собой проект построения комплексного макрорегиона, система политического управления которым отталкивается от идей многополярности, равноправия, непринуждения и независимости в принятии решений, а также принятии идеи уникальности пути развития каждого из ее участников. Наиболее четко на данный момент идеология построения Большой Евразии прослеживается в противопоставлении с идеями о глобальном мироустройстве стран Запада, навязывающих собственные представления о демократии и справедливом общественном и мировом устройстве, игнорируя национальную, политическую и ментальную специфику отдельных стран.

Евразийская интеграция на базе ЕАЭС может выступать основой построения такого рода пространства только при интенсивном и эффективном расширении, проявляющемся в расширении внешнего контура ЕАЭС, привлечении новых государств в качестве постоянных членов и сопряжении с региональными проектами иных акторов и объединений.

Представляя собой многоуровневое интеграционное объединение, Евразийский экономический союз допускает различную степень включенности государств в свою правовую и институциональную

архитектуру. Основными формами участия являются: полноправное членство, статус наблюдателя и формат институционального партнерства через заключение соглашений о свободной торговле или меморандумов о сотрудничестве.

Правовой режим полноправного членства закреплен в статье 108 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. Согласно ее положениям, любое государство может обратиться с заявкой о вступлении в Союз при условии признания им целей, принципов и обязательств, вытекающих из учредительных документов ЕАЭС. При этом требуется достижение консенсуса среди всех членов Высшего Евразийского экономического совета, одобрение ЕЭК и подписание соответствующего международного договора, устанавливающего этапы адаптации законодательства нового участника.

Статус наблюдателя был официально институционализирован решением Высшего Евразийского экономического совета от 14 мая 2018 года и детализирован в Положении о статусе государства-наблюдателя при ЕАЭС, утвержденном Решением № 10 от 14.05.2018[263]. В соответствии с данным Положением, наблюдатель не обладает правом голоса и деятельно не участвует в работе Комиссии, но получает доступ к информации о деятельности Союза, может направлять представителей для участия в заседаниях органов ЕАЭС и высказывать мнение по рассматриваемым вопросам. Для получения статуса полноправного участника необходимо официальное обращение и одобрение всеми государствами-членами. На практике данный статус был предоставлен Молдове (2018 г.), Узбекистану (2020 г.) и Кубе (2020 г.), что позволило ЕАЭС выстраивать «периферийный

[263] Положение «О статусе государства – наблюдателя при Евразийском экономическом союзе» Решение Высшего Евразийского экономического совета от 14.05.2018 № 8 (с измен. от 10.12.2021) // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/o–statuse–gosudarstva–nablyudatelya.php (Дата обращения: 13.05.2026).

пояс сопряжения» с внешними участниками без необходимости включения их в состав полноценных участников Союза.

Третьей, наиболее гибкой формой участия выступает сотрудничество через договорные форматы, в первую очередь соглашения о свободной торговле, меморандумы о сотрудничестве и соглашения о взаимодействии. Эти механизмы не предполагают предоставления статуса формального членства или статуса государства-наблюдателя, однако позволяют странам выстраивать регулярные рабочие связи с ЕЭК. Правовая база таких взаимодействий формируется на основе ст. 102 Договора о ЕАЭС, согласно которой Союз обладает правом заключать международные договоры от собственного имени. Такая форма сопряжения в рамках ЕАЭС не предполагает политико-правовой унификации[264], а ориентирована на торгово-экономическую совместимость и нормативную гармонизацию[265].

С момента создания Евразийского экономического союза наблюдается тенденция к интересу со стороны третьих стран в институциональном взаимодействии с Союзом. Это выражается в обращениях с заявками на членство или на предоставление статуса наблюдателя, а также в официальных инициативах по установлению договорных связей с ЕЭК. Эмпирический анализ подобных инициатив позволяет не только выявить динамику расширения, но и выявить структурные проблемы, сдерживающие его реализацию.

Примером полноценного успешного присоединения к Союзу выступают Армения и Киргизия, вступившие в ЕАЭС в 2015 году. Процесс их интеграции отличался высокой степенью политической и институциональной согласованности, что выражается в сжатых сроках разработки, согласования и

---

[264]Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений – XI: Россия и Европейский Союз в 2021 – первой половине 2022 годов / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина. – Москва: Галактика, Зебра Е, 2022. – С. 20.

[265] Смирнов Е.Н. Глобальная экономика в условиях кризиса: новые стрессы, вызовы и нарративы / Е. Н. Смирнов. – Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2023. – С. 98.

ратификации как основных международных договоров, так и дополнительных технических соглашений. В этих случаях показательно, что стремление к членству исходило преимущественно из политико-стратегических соображений, а не только из прагматичной оценки экономических выгод. Мы склонны считать, что при их присоединении учитывались, в первую очередь, обеспечение экономической безопасности, сохранение экспортных рынков, участие в евразийских проектах, двусторонняя близость политических позиций и накопленный в рамках работы в СНГ практический опыт многостороннего взаимодействия с государствами-участниками.

Интерес к членству неоднократно выражался и Республикой Таджикистан, о чем свидетельствуют публичные заявления представителей исполнительной власти, а также участие в заседаниях ЕЭК в формате партнерских консультаций. Однако отсутствие развитой системы таможенного администрирования, значительная зависимость от односторонних тарифных режимов и институциональная неготовность к адаптации законодательства стали препятствием для официальной подачи заявки[266].

Сложным и политически чувствительным оказался случай с Республикой Молдова, получившей статус наблюдателя в 2018 году. Несмотря на подписанный меморандум с ЕЭК и изначальное регулярное участие молдавских представителей в рабочих структурах, политическая нестабильность и ориентация части правящих элит на сближение с Европейским союзом значительно сузили перспективы углубления участия. После 2022 года представители страны регулярно игнорируют открытые

[266] Потенциальные выгоды и издержки от вступления Республики Таджикистан в ЕАЭС // ЕАБР – URL: https://eabr.org/analytics/integration–research/cii–reports/potentsialnye–vygody–i–izderzhki–ot–vstupleniya–respubliki–tadzhikistan–v–eaes–/. (Дата обращения: 10.07.2025).

заседания ЕАЭС, в которых имеют полное право принимать участие[267]. Более того, страна систематически денонсирует международные соглашения в рамках СНГ и инициировала процесс выхода из СНГ, что должно осуществиться в 2027 году[268]. Это подчеркивает, что, во-первых, статус наблюдателя требует внутреннего консенсуса и устойчивости внешнеполитического курса[269], во-вторых, данный формат участия не налагает институциональных издержек и не создает фактических политических обязательств государства перед другими участниками.

Интересен опыт Узбекистана, получившего статус наблюдателя в 2020 году. В отличие от Молдовы, Узбекистан демонстрирует более системную вовлеченность, развивает институциональные связи с ЕЭК, участвует в рабочих группах, готовит нормативное сближение в отдельных секторах, участвует с членами ЕАЭС в сторонних многосторонних институтах - Организации Тюркских государств, ШОС и других. Однако переход к полноценному членству осложняется масштабностью внутренней реформы, необходимой для соответствия требованиям Договора о ЕАЭС, включая гармонизацию валютного, налогового и антимонопольного законодательства. Тем не менее, углубление сотрудничества между ЕАЭС и Узбекистаном, а также потенциальное вступление Узбекистана в состав постоянных государств-участников «создаст условия… для преодоления территориально-географической замкнутости», позволит стать активным участником китайской инициативы ОПОП, и предоставит значительные экономические

[267] Додон: Молдавия должна выстраивать стратегические отношения с Россией // РИА Новости – URL: https://ria.ru/20221222/dodon–1840699319.html (Дата обращения: 13.05.2026).

[268] Молдавия официально объявила о выходе из СНГ // РИА Новости – URL: https://ria.ru/20260415/sng–2087172587.html (Дата обращения: 13.05.2026).

[269] Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике / И. А. Истомин. – 2–е изд., испр. и перераб. – Москва: Аспект Пресс, 2021. – С. 78.

преимущества, при этом создав риски, которые могут быть разрешены на институциональной платформе ЕАЭС в рамках существующей практики[270].

Особый характер носит статус Кубы, предоставленный в 2020 году. Несмотря на географическую удаленность, кубинская сторона рассматривает ЕАЭС как альтернативное направление внешнеэкономического партнерства и отчасти из-за политико-экономической инерции в плане отношений с Россией. Присоединение носит преимущественно символический и прагматичный характер, учитывая зависимость Кубы от энергетических ресурсов стран ЕАЭС, однако позволяет демонстрировать политическую солидарность и тестировать механизмы сопряжения нормативных систем на ограниченном числе совместных проектов.

Отдельной категорией можно рассматривать государства, не подавшие официальных заявок и не получившие официального статуса при ЕАЭС, но являющиеся объектами внешнеполитической активности ЕЭК. Среди них - Монголия, Сирия, Египет, Индия и ряд стран Африки[271]. В их отношении ЕЭК и государства-члены Союза активно продвигают идею экономической сопряженности, инициируют заключение меморандумов, обсуждают условия упрощения торгового режима. Эти инициативы часто не ведут к оформлению статуса, но создают зону потенциальной институционализации и закладывают фундамент для дальнейшего сотрудничества.

Наряду с прямыми заявками, ЕЭК и государства-члены предпринимали публичные дипломатические действия по приглашению третьих стран к участию в интеграции. Примером выступают заявления председателей ЕЭК, обращения в рамках форумов (например, на Петербургском международном экономическом форуме и Восточном экономическом форуме), а также

---

[270] Дадабаева З.А. Факторы возможного присоединения к ЕАЭС Таджикистана и Узбекистана / З.А. Дадабаева // Геоэкономика энергетики. – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 107-109.

[271] Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы: монография / Д. А. Изотов; П. А. Минакир ред. – Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2020. – С. 156.

двусторонние переговоры с руководством Ирана, Таиланда, Индонезии, Никарагуа и других стран. В течение 2015–2024 годов ЕАЭС не только сохранил, но и расширил охват числа потенциальных членов. Однако из общего числа заявленных интересов в полноценное членство трансформировались лишь два случая - Армения и Киргизия. Это указывает на наличие как институциональных, так и политико-экономических препятствий, преодоление которых требует дальнейшей адаптации правовой модели Союза к условиям многоформатной и многовекторной интеграции и приведения состояния и деятельности Союза к фактическому соответствию определения «открытой интеграции».

С момента создания ЕАЭС круг государств, выражающих интерес в участии в Союзе, последовательно расширялся, охватывая не только ближайшее геополитическое окружение, но и отдаленные регионы, что свидетельствует о формировании региональных и межрегиональных векторов евразийской интеграционной проекции[272].

Наиболее предсказуемым направлением вовлеченности остается постсоветское пространство, в первую очередь Центральная Азия и Восточные страны СНГ. Региональные связи, историческая правовая и инфраструктурная совместимость, схожие экономические модели делают данный регион естественным источником потенциальных членов и партнеров. Примеры Армении, Киргизии и Узбекистана показывают, что экономические интересы и потребности в институциональной поддержке внутренней модернизации побуждают эти страны к более тесному взаимодействию с Союзом.

Выход за пределы Евразии стал возможен благодаря гибкому подходу ЕЭК к внешней политике. Вектор на Юго-Восточную Азию оказался особенно

[272] Зоидов К.Х. Моделирование механизмов регулирования процессов интеграции и внешнеторговой деятельности в условиях нестабильности / К. Х. Зоидов, А. А. Урунов, А. Х. Авезов, М. М. Авезова. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем рынка Российской академии наук, 2020. – С. 12.

результативным: заключение соглашения о свободной торговле с Вьетнамом в 2015 году стало первым и наиболее полно реализованным внешнеэкономическим проектом ЕАЭС. Переговорный процесс с Сингапуром завершился в 2019 году, при этом соглашения охватывают не только торговлю товарами, но и инвестиционное сотрудничество. В перспективе рассматриваются Таиланд, Индонезия и Камбоджа, для которых ЕАЭС является элементом стратегии многовекторного баланса между Китаем и западными рынками.

В регионе Ближнего Востока и Северной Африки наиболее активным участником выступает Иран[273]. Временное соглашение о ЗСТ, заключенное в 2018 году, было в 2023 году трансформировано в постоянное соглашение, что закрепило формат нормативной сопряженности. Интерес к формализации отношений проявляют также Египет и Сирия. При этом геополитические и санкционные обстоятельства зачастую оказывают двоякое влияние: с одной стороны, создают стимулы к альтернативной интеграции, с другой - усложняют приведение национальных правовых систем в соответствие с нормами Союза.

Особый интерес представляет Латинская Америка, прежде всего в лице Кубы и Никарагуа, что также подтверждается тем, что Латинская Америка систематически входит в сферу интересов международной деятельности Комиссии[274]. В 2020 году Куба получила статус наблюдателя, а с Никарагуа был подписан меморандум о сотрудничестве. Эти формы сопряжения носят преимущественно политико-дипломатический характер, однако демонстрируют, что ЕАЭС выступает для отдельных государств региона

---

[273] Зиядуллаев Н.С. Экономика стран Содружества: ретроспектива, стратегии и императивы / Н. С. Зиядуллаев. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем рынка Российской академии наук, 2022. – С. 89.

[274] Сердюков И.А. Эволюция международных отношений ЕАЭС через призму стратегических документов ЕЭК / И. А. Сердюков // Социально–гуманитарные знания. – 2025. – Т. 12. – С. 108–110.

инструментом усиления экономического суверенитета и переориентации внешнеэкономических связей.

Африканский континент в настоящее время представлен преимущественно на уровне протокольных и дипломатических инициатив. На саммитах Россия - Африка и в рамках контактов ЕЭК обсуждаются возможности институционального взаимодействия с рядом государств, включая Зимбабве, ЮАР, Эфиопию. При этом формат пока ограничивается информационно-аналитическим сотрудничеством и консультативными контактами.

Региональное распределение интереса к ЕАЭС позволяет выявить несколько устойчивых закономерностей. Во-первых, наибольшая активность наблюдается в странах, где вектор государственной внешнеэкономической политики ориентирован на диверсификацию, суверенизацию и построение многополярной международной системы. Во-вторых, интерес проявляют государства, стремящиеся к сопряжению с Китаем и инициативой «Один пояс - один путь», где ЕАЭС рассматривается как транзитный и институциональный элемент этой модели [275] . В-третьих, государства, испытывающие санкционное или политическое давление, рассматривают взаимодействие с ЕАЭС как способ компенсации ограниченного доступа к западным рынкам и площадкам и, с другой стороны, этот же фактор осложняет взаимодействие с некоторыми странами в силу рисков и угроз вторичных и косвенных санкций.

Несмотря на расширяющуюся географию заинтересованности в интеграции с Евразийским экономическим союзом, процесс включения новых участников в его институциональное пространство сталкивается с рядом препятствий. Прежде всего, существенным препятствием выступает институциональная несовместимость национальных правовых систем с

[275] Харланов А.С. Китай – стратегический партнер и ценный сосед. Цивилизационный выбор и современные тренды кооперации / А. С. Харланов, И. А. Максимцев, А. А. Бобошко, М. М. Новиков. – Москва: Русайнс, 2022. – С. 30

правопорядком ЕАЭС. Поскольку Союз функционирует на базе детализированной и многоуровневой системы наднациональных норм, для потенциального члена требуется не только ратификация базовых договоров, но и интеграция в общий правовой массив Союза, включая применение решений ЕЭК и решений судов ЕАЭС, что предполагает значительный объем законодательной и административной трансформации.

Ограничением также является асимметрия интересов действующих членов, проявляющаяся в несогласованности приоритетов в повестке расширения интеграции. Страны могут демонстрировать различный уровень заинтересованности в присоединении тех или иных стран в силу различий в структуре внешней торговли, геополитических ориентирах и миграционных потоках.

Серьезную проблему представляет нежелание отдельных государств-претендентов ограничивать суверенитет в сферах, подпадающих под регулирование ЕЭК. Особенно остро это проявляется в вопросах тарифной политики, технического регулирования и оборота рабочей силы. Интеграция в правовое поле ЕАЭС нередко воспринимается как угроза внутреннему регулированию, особенно в странах с выраженной зависимостью от национальных производителей или политико-экономических элит, ориентированных на монопольные позиции.

Значимой проблемой, ставшей наиболее актуальной в последнее время, является возникновение и интенсификация дезинтеграционных процессов в регионе. В первую очередь, примечателен случай Армении, которая приняла закон о начале процедуры вступления в Европейский Союз[276]. При этом институциональные и нормативно-правовые особенности ЕАЭС не допускают одновременного участия в нескольких интеграционных региональных объединениях. Более того, в 2026 году Никол Пашинян принял решение

[276] Президент Армении утвердил закон о намерении страны вступить в ЕС // РИА Новости – URL: https://ria.ru/20250404/armeniya–2009380979.html (Дата обращения: 13.05.2026).

игнорировать участие в саммите ЕЭК, сославшись на необходимость концентрации усилий на предвыборной кампании[277]. С другой стороны, МИД Армении открыто говорит о том, что они намереваются сделать выбор между участием в ЕС и ЕАЭС[278].

Отталкиваясь от опыта Грузии и Украины, есть довольно малая вероятность реального вступления Армении в состав ЕС как полноправного члена. Тем не менее, реализация такого значительного дезинтеграционного риска как выход Армении из состава постоянных участников Союза, влечет за собой ряд ограничений для становления ЕАЭС основой формирования пространства Большой Евразии. Так, даже если Армения вступит в ЕС в качестве ассоциированного члена, это укрепит позиции конкурирующего для ЕАЭС проекта в Закавказье и Евразии в целом, снижая логистические и политические издержки для дальнейшей экспансии европейской интеграции. При этом выход Армении из числа постоянных участников снизит как экономическую, так и политическую привлекательность ЕАЭС.

Несмотря на зафиксированные ограничения, Евразийский экономический союз демонстрирует наличие устойчивого потенциала к дальнейшему расширению как в институциональном, так и в геополитическом измерении. Это обусловлено не только внутренними характеристиками Союза - нормотворческой стабильностью, экономической взаимозависимостью государств-участников и инфраструктурной сопряженностью, - но и изменением глобальных условий, способствующих диверсификации внешнеэкономических векторов государств за пределами ЕАЭС.

Прежде всего, привлекательность интеграции определяется моделью ЕАЭС как относительно гибкой системы. Возможность выбора между

---

[277] Пашинян не поедет на саммит ЕАЭС в Астану // РИА Новости – URL: https://ria.ru/20260511/pashinjan–2091813775.html (Дата обращения: 13.05.2026).

[278] Армения сделает выбор между ЕАЭС и ЕС – глава МИД Мирзоян // SPUTNIK Казахстан – URL: https://ru.sputnik.kz/20260510/armeniya–sdelaet–vybor–mezhdu–eaes–i–es––glava–mid–mirzoyan–63318875.html (Дата обращения: 13.05.2026).

полноправным членством, статусом наблюдателя или договорным партнерством позволяет государствам адаптировать степень вовлеченности в зависимости от политических и институциональных возможностей и интересов. Эта особенность, зафиксированная в Договоре о Союзе и в актах Высшего Евразийского экономического совета, делает ЕАЭС конкурентоспособным в сравнении с более жесткими интеграционными образованиями, требующими одномоментной трансформации всего национального законодательства. С другой стороны, как мы уже обсудили ранее, это накладывает значительные ограничения на расширение числа полноценных участников интеграции и блокирует необходимость углубления интеграции, тем самым устраняя стимулы к дальнейшему развитию сотрудничества.

Динамика взаимодействия с наблюдателями и странами-партнерами свидетельствует о трансформации ЕАЭС в региональный центр нормативного сопряжения, особенно в сферах технического регулирования, таможенного администрирования и цифровой экономики. Интерес стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки к соглашениям о свободной торговле, а также к унификации процедур сертификации и взаимного признания нормативных актов подтверждает, что Союз воспринимается как платформа для упрощения доступа к рынкам государств-участников.

Еще одним фактором является нарастающий запрос со стороны третьих стран на участие в региональных интеграционных проектах, альтернативных западным форматам. В условиях санкционного давления, торговых конфликтов и обострения конкуренции за логистические маршруты, интерес к ЕАЭС возрастает у государств, ищущих устойчивые механизмы диверсификации внешнеэкономических связей. Показательны заявления руководства Ирана, Египта, Индии, Индонезии и Таиланда о заинтересованности в институционализированных формах сотрудничества. Перспектива сопряжения ЕАЭС с китайской инициативой «Один пояс - один

путь» усиливает его геоэкономическую значимость и превращает Союз в элемент межрегиональной связности[279].

Кроме того, расширение Союза может опираться на программы функциональной интеграции, особенно в сферах цифровой трансформации, энергоинфраструктуры и агропромышленного комплекса. Практика реализации совместных проектов между ЕЭК и странами-партнерами (цифровая повестка с Вьетнамом, техническое сотрудничество с Сингапуром, энергетическое сопряжение с Ираном) подтверждает эффективность частичного интеграционного участия как подготовительного этапа на пути к полному членству.

Несмотря на все существующие преимущества, не стоит забывать о внешнеполитических ограничениях. В первую очередь, о влиянии конкурирующих интеграционных проектов и международных союзов. Страны, находящиеся в орбите влияния Европейского союза, Китая или США, зачастую избегают углубления формального участия в ЕАЭС, опасаясь стратегических рисков и дипломатического давления[280]. С другой стороны, взаимодействие с указанными акторами может составлять конкуренцию евразийской интеграции в силу большей политической или экономической привлекательности для отдельных стран в складывающейся ситуации.

Китай играет важную роль в качестве полюса притяжения в Евразии. Построение регионального пространства под лидерством Китая не подразумевает институциональных издержек, поскольку Китай стремится взаимодействовать со своими партнёрами в рамках традиционных двусторонних или существующих многосторонних форматов. Политика КНР

---

[279] Якубук Ю.П. Риски и возможности сотрудничества Беларуси и Китая в транспортно–логистической сфере / Ю. П. Якубук // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2023. – Т. 317. – № 11. – С. 11.

[280] Кузнецов А.В. Атлас аналитических центров ЕАЭС: Справочник / А. В. Кузнецов, М. В. Вилисов, В. К. Атоян, Л. И. Вавилова. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. – С. 98.

во взаимодействии с евразийскими государствами базируется на финансово-экономическом сотрудничестве, участии в разработке транспортно-логистических проектов, обеспечении преференциальных торговых соглашений, создании независимой финансовой инфраструктуры [281] . Что касается кооперации в многостороннем формате то большинство взаимодействий строится на базе осуществления китайских региональных и глобальных проектов: «Один пояс, один путь», «Сообщество единой судьбы человечества», а также путём проведения саммитовой дипломатии в Центральной Азии[282]. С экономической точки зрения странам, не имеющим обширного обрабатывающего и производственного сектора и зависящим от китайского импорта, будет выгодно усиливать как транспортно-логистическое, так и политическое взаимодействие с Китаем. Однако китайское влияние составляет для ЕАЭС конкуренцию не только деятельную, но и идеологическую. Это связано с тем, что китайские инициативы не только выстраиваются на базе идей о «многообразии путей развития и форм международного взаимодействия между малыми, средними и крупными державами» [283] , но и предлагают им развитие, отталкиваясь от принципов «подлинной многосторонности»[284].

Таким образом, модель евразийского сотрудничества, избранная КНР, подразумевает сохранение приоритета принятия решений на национальном уровне, а в международном отношении предпочитает формат принятия решений в виде межгосударственной, а не институционально-наднациональной модели взаимодействия. Такой подход обеспечевиает привлекательность для государств Евразии в силу высокой доли свободы,

---

[281] Лескова И.В., Парфенов Д.А., Адамская Л.В. Большая Евразия: Россия или Китай / И.В. Лескова // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 2. – С. 6–7.

[282] Забелла А.А., Мелкина А.Н., Иметинова Н.Н. Саммитовая дипломатия Китая в Центральной Азии // Постсоветские исследования. – 2025. – Т. 8. – №2. – С. 151-160.

[283] Виноградов А.В. Китайский проект для Большой евразии / А.В. Виноградов // Международные процессы. – 2021. – Т. 19. – №2. – С. 6.

[284] Гончаров С.Н. «Судьба человечества» и украинский кризис / С.Н. Гончаров // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22. – № 3. – С. 135.

которую Китай оставляет для своих партнёров, в сочетании с высокими экономическими выгодами, которые может принести сотрудничество с «мировой фабрикой» и одним из крупнейших финансовых центров мира.

Усиление политического и военного присутствия США в регионе также представляет риск для построения Большой Евразии на основе евразийской интеграции. Например, с помощью политики альянсов на евразийском пространстве Соединенные Штаты оказывают влияние с помощью таких организаций как: НАТО, включающее в себя большинство стран Европы, и Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD), с помощью которого контролируется ситуация в сфере безопасности в так называемом Индо-Тихоокеанском регионе. Путем двусторонних отношений с Южной Кореей, Японией и Израилем также осуществляется присутствие, в том числе, военное, сил США в различных регионах Евразии - Ближнем Востоке и Восточной Азии. Силовой вектор американской политики в Евразии направлен в сторону Ближнего Востока. Среди проявлений такого присутствия можно выделить операцию США в Сирии, официально проводившуюся с 2015 по 2018 годы, в последствие которой США сохраняли нелегальное военное присутствие на протяжении нескольких следующих лет[285]. Наиболее актуальным примером является начало прямых военных действий США против Ирана и блокада Ормузского пролива.

Ключевым минусом американской стратегии в Евразии является ее избирательный характер. США, как правило, самостоятельно избирает своих партнеров и формирует новые объединения и регионы, например, как в случае с Индо-Тихоокеанским регионом, в котором были собраны все ключевые союзники США. Это вытекает из того, что «партнеры» Соединенных Штатов, как правило, входят в зависимое положение и не имеют возможности формирования собственного, отличного от характерного американскому,

[285] МИД Сирии: действия США и Турции по созданию зоны безопасности нарушают устав ООН // ТАСС – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya–panorama/6941140 (Дата обращения: 13.05.2026).

взгляда на ключевые проблемы мирового устройства. С другой стороны, «партнеры» США получают значительные экономические и военно-политические преимущества, выражающиеся в притоке американских инвестиций, льготном кредитовании и организации льготных двусторонних торговых соглашений. Таким образом, в отличие от Китая, Соединенные Штаты продвигают собственную позицию в регионе не столько на основе финансово-экономического сотрудничества, сколько путем формирования военно-политических и политических блоков, выстраивания предпочтительных двусторонних отношений и применением силовых методов.

Деятельность европейского союза также представляет одно из наиболее значимых препятствий для евразийской интеграции по консолидации пространства Евразии. В первую очередь, это касается Восточной Европы и Центральной Азии. Наиболее критична для ЕАЭС деятельность Европейского союза на постсоветском пространстве, поскольку, как мы уже увидели, она несет не только ограничительные, но и дезинтеграционные риски. Наглядный пример этому – развивающиеся в Армении события. В условиях недопустимости одновременного участия в нескольких интеграционных проектах это почти наверняка означает выход Армении из состава ЕАЭС в пользу участия в Европейском союзе.

Большинство стран СНГ представляют собой наиболее перспективных новых членов Евразийского экономического союза в силу географической и исторической близости. Как правило, именно страны СНГ также являются ключевыми партнёрами государств – участников ЕАЭС в торговле, прямых инвестициях и миграции. Тем не менее в случае выстраивания интеграционных отношений с ЕС участие в ЕАЭС для этих стран будет невозможно, а различия в нетарифном, техническом, таможенном и финансовом регулировании окажут неблагоприятное влияние на экономические отношения с ними.

Более всего генерирует рисков для евразийской интеграции возобновление, углубление и интенсификация контактов Европейского союза с партнёрами России по интеграции. В 2020-х годах Армения, Казахстан и Киргизия активизировали отношения с ЕС как в двустороннем, так и многостороннем формате.

Что касается Армении, то в 2021 году вступило в силу Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве, закладывающее правовую основу углубления отношений между Арменией и ЕС[286]. В мае 2026, в духе возобновления и интенсификации армяно-европейских контактов в Ереване был проведен саммит, на котором, в том числе, обсуждались вопросы торгового и таможенного регулирования, подтверждались намерения Европейского союза инвестировать в Армению более 270 млрд евро в рамках Плана по устойчивости и росту и 2,5 млрд евро в рамках программы «Глобальные ворота»[287]. Как уже было сказано ранее, здесь мы можем наблюдать наиболее опасный для евразийской интеграции риск – выход Армении из ЕАЭС и стремление к участию в европейской интеграции.

В рамках реализации новой Стратегии ЕС в Центральной Азии[288], дипломатия Европейского союза начала возобновлять и наращивать контакты с центральноазиатскими государствами, в том числе, с участниками евразийской интеграции. В рамках данной стратегии в 2020 году было разработано и подписано Соглашение о расширенном партнерстве и

[286] Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Республикой Армения и Европейским Союзом (СВРП) // Министерство экономики Республики Армения – URL: https://www.mineconomy.am/ru/page/787 (Дата обращения: 14.05.2026).

[287] Joint Declaration following the first Armenia – EU Summit // EU–Armenia Summit (5 May 2026, Yerevan) – URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST–8799–2026–INIT/en/pdf (Дата обращения: 14.05.2026).

[288] Central Asia: Council adopts a new EU strategy for the region // European Council. Council of the European Union. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/06/17/central-asia-council-adopts-a-new-eu-strategy-for-the-region/ (Дата обращения: 16.05.2026).

сотрудничестве Казахстана с ЕС[289]. Кроме того, возобновились контакты на двусторонней основе целого ряда институтов, среди которых: Совет сотрудничества, Комитет парламентского сотрудничества РК-ЕС, Комитет сотрудничества в политической конфигурации и Комитет сотрудничества в торговой конфигурации[290]. Примечательно, что оба государства не выражают прямой поддержки политики России на постсоветском пространстве, либо воздерживаясь, либо латентно осуждая политику России.

Отношения ЕС с Киргизией после 2020 года были неоднозначными. С одной стороны, в рамках европейской стратегии в Центральной Азии в 2024 году стороны подписали Соглашение об усиленном партнерстве и сотрудничестве, затрагивающее как экономические вопросы, так и проблемы безопасности [291] . Однако переход отношений на уровень «усиленного партнёрства» не помешал Европейскому союзу в апреле 2026 года применить вторичные санкции в ряду киргизских компаний и официально добавить Киргизию в список стран с «систематическим и устойчивым риском обхода санкций», тем самым запрещая импорт в страну нескольких групп товаров двойного назначения[292][293].

---

[289] Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and the Republic of Kazakhstan // Delegation of the European Union to the Republic of Kazakhstan – URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/enhanced–partnership–and–cooperation–agreement–between–european–union–and_en (Дата обращения: 14.05.2026).

[290] Казахстан – Европейский Союз // Посольство Республики Казахстан в Королевстве Бельгия – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa–brussels/activities/1677?lang=ru (Дата обращения: 14.05.2026).

[291] Kyrgyz Republic: Signing of Enhanced Partnership and Cooperation Agreement (EPCA) with the European Union // The Diplomatic Service of the European Union – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/kyrgyz-republic-signing-enhanced-partnership-and-cooperation-agreement-epca-european-union_en (Дата обращения: 16.05.2026).

[292] Теперь официально: Кыргызстанские компании попали под 20-й пакет санкций Евросоюза — подробности // Финансовое издательство Economist.kg – URL: https://economist.kg/ekonomika/2026/04/23/teper-ofitsialno-kyrgyzstan-popal-pod-20-i-paket-sanktsii-evrosoiuza-podrobnosti/ (Дата обращения: 16.05.2026).

[293] Кыргызстан стал первой страной, против которой ЕС применил инструмент против обхода санкций // Финансовое издательство Economist.kg – URL: https://economist.kg/ekonomika/2026/04/22/kyrgyzstan-stal-pervoi-stranoi-protiv-kotoroi-es-primenil-instrument-protiv-obkhoda-sanktsii/ (Дата обращения: 16.05.2026).

В многостороннем формате Европейский союз наиболее активно наращивает присутствие в Центральной Азии и Закавказье через программу «Глобальные ворота», которая признается экспертным сообществом не только экономическим, но и геополитическим проектом[294]. Считается, что одной из задач европейской дипломатии в рамках реализации данного проекта является распространение европейской антироссийской риторики и экстраполирование данной позиции на страны Центральной Азии[295].

В целом, экспертным сообществом сегодня отмечается возобновление интереса к пространственной экспансии и расширению как состава участников, так и сфер влияния Европейского союза. Это связывается как со структурной трансформацией интеграционных процессов внутри и на периферии ЕС[296], так и со влиянием внутренних структурно-функциональных проблем развития, с которыми ЕС сталкивался на протяжении последних 20 лет[297].

Учитывая все вышесказанное, мы можем прийти к выводу о том, что наибольшую опасность для становления ЕАЭС как основы формирования Болшой Евразии представляют Европейский союз и Китай. Что касается ЕС, то он имеет наиболее обширную сеть контактов на наиболее близком и вероятном для расширения ЕАЭС пространстве – постсоветском регионе.С другой стороны, на современном этапе действующие члены ЕАЭС также

---

[294] Струлькова А.А. Инициатива ЕС «Глобальные ворота» в Центральной Азии / Струлькова А.А. – Текст: электронный // РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics–and–comments/columns/postsoviet/initsiativa–es–globalnye–vorota–v–tsentralnoy–azii/ (Дата обращения: 14.05.2026).

[295] Столярова У.А. Первый Саммит ЕС – Центральная Азия: ключевые итоги / У.А. Столярова // Актуальные комментарии. ИМЭМО РАН. – URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/perviy-sammit-es-tsentralynaya-aziya-klyuchevie-itogi (Дата обращения: 16.05.2026).

[296]Изотов А.В. Постсоветское пространство в динамике интеграционных процессов, инициируемых внутрирегиональными и внерегиональными акторами: внутренние и внешние аспекты / А.В. Изотов // Социально–политические науки. – 2024. – Т.14. – № 4. – С. 119–120.

[297]Надточей Ю.И. «Наступательный реализм» по–европейски: расширение ЕС и его геополитические аспекты // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2024. – №72(88). – С. 16.

проявляют значительный интерес ко взаимодействию с Европейским союзом, участвуя как в двусторонних инициативах и проектах, так и многосторонних. Что касается Китая, то его привлекательность как полюса консолидации Евразии обусловлена высоким уровнем свободы взаимодействия и продвижением идей о многополярности и неконфликтного развития региона и мира, что является крайне привлекательным для региональных государств Евразии.

Учитывая приведенные факты и сделанные выводы, мы можем прийти к выводу о том, что конкурирующие формы и форматы консолидации евразийского пространства также несут высокие риски для развития евразийской интеграции. Особенно остро проблема конкуренции идей формирования Большой Евразии на базе евразийской интеграции встаёт в последние пять лет. На данном этапе мы можем наблюдать рост интереса государств-участников к возобновлению, налаживанию и интенсификации контактов политическими акторами, предлагающими альтернативные модели мироустройства, в первую очередь, Китаем и Европейским союзом. Вполне вероятно, что это может служить сигналом о наличии скрытых проблем в Союзе, вынуждающих государства-участники искать альтернативы евразийской интеграции.

В заключение мы можем сказать, что ЕАЭС обладает обширным потенциалом для количественного и качественного расширения, но, с другой стороны, присутствуют значительные риски затруднения, стагнации или деградации его дальнейшего развития, имеющие как эндогенный, так и экзогенный характер.

Для реализации данного потенциала государствам-участникам и наднациональным органам необходимо решить ряд существующих институциональных и политических проблем. Первоочередные задачи, стоящие перед государствами заключаются в том, чтобы унифицировать собственные позиции относительно дальнейшего развития и расширения

евразийской интеграции, устранить препятствия внутреннего и внешнего развития ЕАЭС, нивелировать риски осуществления дезинтеграционных процессов и явлений и устранить эффект текущих дезинтеграционных процессов. В первую очередь, следует более активно применять «мягкую силу» ЕАЭС и проводить активную работу в области вовлечения гражданского общества и бизнес-сообщества в повестку, транслирующую достижения и проблемы евразийской интеграции. Затем, путем совершенствования наднациональной структуры и механизмов контроля и обеспечения устойчивости и безопасности национального развития повышать привлекательность участия в Союзе для третьих государств, предлагая альтернативу другим способам выстраивания макро-регионального пространства. Этот момент тем более актуален, что в последнее время мы можем видеть рост интереса третьих государств к сотрудничеству на платформе евразийской интеграции. Более того, следует акцентировать внимание на минимизировании вероятности осуществления дезинтеграционных рисков в регионе и предотвратить возникновение новых дезинтеграционных процессов и явлений при последовательном совершенствовании механизма внешнего взаимодействия и включения в состав ЕАЭС новых государств. Наконец, не следует забывать о наличии конкурентов евразийской интеграции по консолидации пространства Евразии или отдельных его регионов. Деятельность в Евразии таких акторов, как Китай, США и Европейский Союз следует постоянно отслеживать и контролировать, а также не допускать увеличения влияния до уровня, который бы ставил евразийскую интеграцию под угрозу.

При соответствующей институциональной донастройке и стратегической координации внешней интеграционной повестки Союз может укрепить свои позиции в международной системе как на глобальном и региональном уровне, а также стать основой Большой Евразии.

Заключение

В соответствии с поставленной целью исследования мы пришли к выводу о том, что евразийская интеграция имеет ряд систематических проблем, без решения которых ЕАЭС будет затруднительно стать основой формирования Большой Евразии. Несмотря на достижения в развитии международной субъектности ЕАЭС, её деятельность остается преимущественно представительской, аналитической и консультативной, а регулирование осуществляется только по техническим вопросам, тогда как политические решения принимаются на национальном уровне, что накладывает ограничения на её развитие в силу отсутствия консолидированности по ключевым региональным и глобальным вопросам в среде государств-участников.

В рамках исследования были решены поставленные задачи и отталкиваясь от этого сделаны следующие выводы.

1. Мы доказали, что попытки исследования евразийской интеграции с применением классических и новейших европейских теорий интеграции имеют ограниченный успех и обладают низкой объяснительной способностью. Это касается не только евразийского региона, поскольку рядом экспертов из различных регионов мира в разное время были опровергнуты претензии на универсальность европейских теорий. Применение европейских теорий для исследования евразийской интеграции возможно лишь при условии их существенной адаптации к институциональным и политическим особенностям евразийского региона. Таким образом, мы выявили, что в данной ситуации наиболее перспективным способом дальнейшей разработки поставленной проблематики является использование сравнительного подхода или упор на теории с более фундаментальной теоретической и эмпирической базой, например, новый регионализм или цивилизационный регионализм. Данный выбор продиктован тем фактом, что они позволяют учитывать

уникальность процессов евразийской интеграции и сформировать более адекватные аналитические модели для ее исследования.

2. Теоретико-методологическая база регионализма даёт существенные преимущества для исследования евразийской интеграции. Во-первых, новый регионализм позволяет рассматривать евразийский регион как динамичное региональное пространство, формируемое под влиянием комплекса экономических, культурных и политических факторов. Во-вторых, концепция «открытого» регионализма объясняет гибкие форматы международного взаимодействия ЕАЭС, а также отсутствие жёстких ограничений и процедуры вступления для государств-заявителей. В-третьих, регионализм обосновывает понимание регионализации как ответа на глобализацию, что прямо отражается в официальных документах и целеполагании ЕАЭС. Наконец, компаративный регионализм позволяет отказаться от универсализации европейского опыта региональной интеграции.

3. В работе продемонстрировано, что концепция Большой Евразии в научном и политическом дискурсе выступает формой осмысления перехода к полицентричной мировой системе. При этом трансформация ЕАЭС в ядро Большой Евразии не является предопределенной, а сама Большая Евразия предстает не завершенной моделью развития евразийского пространства, но, скорее, аналитической рамкой. Данная модель формируется под влиянием регионализма, перераспределения экономической силы, переоценки принципов глобального и регионального управления, а также массового неприятия идеи однополярного мироустройства рядом евразийских держав. В исследовании мы делаем вывод о том, что для обеспечения ЕАЭС центральной роли на пространстве Большой Евразии объединению необходимо преодолеть внутренние противоречия, повысить уровень привлекательности объединения, встроиться в полицентричную конфигурацию макрорегиона без утраты автономности и ограничивать осуществление конкурирующих проектов консолидации пространства Евразии, проводимых Китаем, США и ЕС.

4. На основании контент-анализа стратегических документов ЕАЭС мы пришли к выводу о том, что позиция государств-участников относительно невключения вопросов политического характера в повестку евразийской интеграции смягчается. За последние десять лет наблюдается политизация повестки евразийской интеграции как на декларативном уровне, так и на практическом. На актуальном этапе государства-участники интеграции больше не рассматривают ЕАЭС как исключительно международный экономический институт, но как полноценного субъекта международной системы и устойчивый фактор собственной внешней политики.

5. Успехи развития внутренней наднациональной структуры евразийской интеграции оказывают положительный эффект на устойчивость и развитие государств-участников. Поддержание данного эффекта будет опираться на совместные усилия государств как на национальном, так и на наднациональном уровне. Реализация данного потенциала будет оказывать положительное влияние на имидж Евразийского экономического союза не только как платформы экономической интеграции, регионального и цивилизационного центра, но и как инструмента обеспечения экономической, информационной и демографической безопасности. В свою очередь, поддержание и демонстрация таких стабилизирующих эффектов будет повышать привлекательность модели построения Большой Евразии на базе евразийской интеграции.

6. Путем классификации мы выделили четыре различные ступени, которые проходит каждая из сфер интеграции (общих рынков): 1) согласованная национальная политика; 2) национальное регулирование на базе принципиальных соглашений (соглашений о принципах регулирования); 3) национальное и наднациональное регулирование на базе соглашений о сотрудничестве; 4) регулирование на наднациональном уровне. Тем не менее за десятилетие работы ЕАЭС фактически не был запущен ни один из общих рынков ЕАЭС. Однако систематическое продолжение работы по интегрированию общих рынков в условиях глобальных и региональных

кризисов современности демонстрирует приверженность государств изначальным целям интеграции. Тем более что сами государства рассматривают евразийскую интеграцию как один из стабилизирующих факторов собственных международных отношений в рамках глобальной и региональной политической системы.

7. Международная работа Евразийской экономической комиссии оказывает ключевое влияние на перспективы внешнего развития Евразийского экономического союза и формирования на его основе Большой Евразии. В рамках своего функционала за годы работы ЕЭК обеспечила расширение сети контактов за пределами постсоветского региона и повысила узнаваемость и влияние ЕАЭС на международной арене. В то же время мы пришли к выводу, что характер международной деятельности ЕЭК требует переосмысления в силу ограниченности фактического влияния Комиссии на качественное расширение сети международных контактов ЕАЭС. Так, ключевой задачей ЕЭК и ЕАЭС становится формирование многоуровневой, управляемой, универсальной и воспроизводимой модели международного сотрудничества с третьими государствами. Расширение международной деятельности ЕАЭС должно стать не производным от расширения географии экономических отношений государств-участников с третьими странами, а фактором, независимо и активно формирующим логику развития евразийской интеграции и построения Большой Евразии.

8. Евразийский экономический союз представляет собой полноценный субъект международных отношений в форме международной организации региональной интеграции. Основой международно-политического положения Союза выступает его признанная правосубъектность, международная деятельность ЕЭК и законодательно закрепленная возможность заключения международных договоров. Субъектность Союза признана деятельно как государствами, так и международными институтами. Что касается первых, то это подтверждается наличием множества заключенных двусторонних договоров в формате «ЕАЭС - государство». Что касается вторых, то ЕАЭС

проводит систематическую работу с такими организациями, как ООН (и организациями в структуре ООН), ВТО, Всемирный банк, МВФ, ОБСЕ, Всемирная таможенная организация и другими. Отношения ЕАЭС с иными акторами мировой политики на данном этапе носят преимущественно технический характер, а политическая воля принимаемых решений исходит из национального уровня, что говорит об ограниченности наднациональной субъектности ЕАЭС.

9. Мы пришли к выводу о том, что расширение ЕАЭС носит не качественный, а преимущественно количественный характер. Для третьих стран участие в ЕАЭС имеет объективные институционально-политические преимущества и ограничения. Наибольшую опасность для развития евразийской интеграции представляет деятельность Европейского союза, который выстраивает гибкую и адаптивную систему взаимодействия с действующими членами и потенциальными партнерами ЕАЭС. Кроме Европейского союза, альтернативные полюса консолидации Евразии выстраиваются вокруг глобальных акторов - Китая и США. В данных условиях, несмотря на привлекательность модели евразийской интеграции, существует ряд препятствий и ограничений внешнего развития евразийской интеграции. В целом ЕАЭС обладает достаточным экономическим и политическим потенциалом, чтобы стать основой формирования Большой Евразии, однако для его реализации государствам-участникам необходимо решить ряд задач национального, внутреннего союзного и внешнеполитического характера.

Поставленная в данной работе гипотеза была подтверждена. Действительно, как мы отметили выше, в развитии ЕАЭС присутствуют все ранее описанные негативные факторы: проблемы внутреннего наднационального строительства, отсутствие качественных успехов расширения Союза и реализация дезинтеграционных рисков. Более того, мы проследили причинно-следственную связь между указанными факторами развития ЕАЭС и вероятностью формирования Большой Евразии на его

основе. Несмотря на то, что ЕАЭС обладает значительным политическим и экономическим потенциалом, на сегодняшний день существуют значительные сомнения относительно реальности формирования пространства Большой Евразии на базе Евразийского экономического союза.

Данное диссертационное исследование выполнено в условиях ряда теоретических и эмпирических ограничений, которые и формируют исследовательский интерес и дальнейшие перспективы разработки проблематики евразийской интеграции. В частности, в большинстве работ авторов из стран-партнеров России по интеграции существует теоретико-методологическая скупость, выражающаяся в том, что евразийская интеграция исследуется только применительно к выгодам и преимуществам, которые она представляет для их государств. При этом работы данных авторов редко содержат попытки концептуализации и теоретизации процессов на более фундаментальном уровне с точки зрения региональных или глобальных трендов.

В условиях современного состояния мировой политики значительный интерес, на наш взгляд, представлял бы ряд проблем. Во-первых, крайне важно было бы оценить позиции партнеров, участвующих в ЕАЭС в промежуточных форматах для оценки перспектив дальнейшего углубления интеграции. Во-вторых, крайне важным аспектом представляется проблема генерации дезинтеграционных процессов в государствах - участниках ЕАЭС, а именно: имеют ли они эндогенный и органический характер или были «экспортированы». В-третьих, был бы полезен анализ повестки национальных политических деятелей стран-партнеров России по интеграции на предмет их отношения к евразийской интеграции и оценки доли поддержки идей евразийской интеграции их политическими элитами. В свою очередь, разработка этой проблемы помогла бы сформировать методологический инструментарий раннего определения и пресечения негативных эффектов дезинтеграционных процессов.

Список использованных источников и литературы

Источники

Нормативно-правовые акты и официальные документы

а) на русском языке

1. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза // Правовой портал ЕЭК – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/4047/ (Дата обращения: 17.07.2025)

2. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Правовой портал ЕЭК – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/ (Дата обращения: 17.07.2025)

3. Договор между Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях // Электронный фонд правовых и нормативно–технических документов – URL: https://docs.cntd.ru/document/1901125?ysclid=m7xsa4ct8d981516252 (Дата обращения: 15.02.2025)

4. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (ред. от 25 мая 2023 г.) // ЕАЭС. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

5. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Приложение 14. (ред. от 25 мая 2023 г.) // ЕАЭС – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

6. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Согласованная макроэкономическая политика государств – членов Евразийского экономического союза (ред. от 25 мая 2023 г.) // ЕАЭС – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

7. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Статья 63 (ред. от 25 мая 2023 г.) // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

8. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Часть Третья «Единое экономическое пространство» (ред. от 25 мая 2023 г.) // ЕАЭС – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

9. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Часть Третья «Единое экономическое пространство» (ред. от 25 мая 2023 г.) // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

10. Договор о создании Экономического союза. Электронный фонд правовых и нормативно–технических документов. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900462?ysclid=m7xs6csa39253147822 (Дата обращения: 15.02.2025)

11. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 09.10.2000 г. Сайт президента РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3402 (Дата обращения: 15.02.2025)

12. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023

г.) // МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail–material–page/1860586/ (Дата обращения: 26.01.2026)

13. Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и АСЕАН. Подписан 14 ноября 2018 г. в Сингапуре. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/napravleniya/org/asean/ (Дата обращения: 24.06.2025).

14. Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Ассоциацией государств Юго–Восточной Азии (АСЕАН). URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/napravleniya/org/asean/ (Дата обращения: 24.06.2025).

15. Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Комиссией Африканского союза. Подписан 24 октября 2019 г. Направление: торгово–экономическое сотрудничество. URL: https://eec.eaeunion.org/news/24–10–2019–5/ (Дата обращения: 24.06.2025).

16. Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Секретариатом Лиг уровня Арабских государств (ЛАГ). URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/memorandumy.php (Дата обращения: 24.06.2025).

17. Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества // ЕЭК и Секретариат ШОС подписали меморандум о взаимопонимании (Душанбе, 17 сентября 2021 г.). URL: https://eec.eaeunion.org/news/eek–i–sekretariat–shanhajskoj–organizatsii–sotrudnichestva–podpisali–memorandum–o–vzaimoponimanii–v–ramkah–yubilejnogo–sammita–shos/ (Дата обращения: 24.06.2025).

18. Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Шанхайской организацией сотрудничества. В. С. Мясникович и В. И. Норов подписали меморандум о сотрудничестве в Душанбе 17 сентября 2021 г. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/memorandumy.php (Дата обращения: 24.06.2025).

19. Меморандум о сотрудничестве между ЕЭК и Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Договоренность оформлена решением Коллегии ЕЭК от 3 апреля 2013 г. (№ 63) о подписании меморандума. URL: https://zakon.uchet.kz/rus/docs/H13EK000063 (Дата обращения: 24.06.2025).

20. Меморандум о сотрудничестве между ЕЭК и МЕРКОСУР. Подписан 17 декабря 2018 г. в Монтевидео, на 53–м заседании Совета общего рынка. Основное: торгово–экономическое сотрудничество и обмен информацией. URL: https://www.mid.ru/es/press_service/photo/meropriyatiya_v_zagran_uchrezdeniyah/1580483/?lang=ru (Дата обращения: 24.06.2025).

21. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Правовой портал ЕЭК. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/368/5597/ (Дата обращения: 09.07.2025)

22. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. // Правовой портал ЕЭК – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/368/5597/ (Дата обращения: 07.09.2025)

23. Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации // Министерство юстиции Российской Федерации – URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen–inostrannyh–i–mezhdunarodnyh–organizacij–deyatelnost–kotoryh–priznana–nezhelatelnoj–na–territorii–rossijskoj–federacii/ (Дата обращения: 05.02.2026)

24. Положение «О статусе государства – наблюдателя при Евразийском экономическом союзе» // Решение Высшего Евразийского экономического совета от 14.05.2018 № 8 (с измен. от 10.12.2021). URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/o–statuse–gosudarstva–nablyudatelya.php (Дата обращения: 24.06.2025).

25. Положение «О статусе государства – наблюдателя при Евразийском экономическом союзе» // Решение Высшего Евразийского

экономического совета от 14.05.2018 № 8 (с измен. от 10.12.2021). URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/o–statuse–gosudarstva–nablyudatelya.php (Дата обращения: 24.06.2025).

26. Положение о международной деятельности ЕЭК // ЕЭК – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/ (раздел «Сотрудничество с третьими странами») (Дата обращения: 24.06.2025).

27. Положение о международной деятельности ЕЭК (принципы транспарентности, координации, равноправия) // ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/mezhdunarodnoe–sotrudnichestvo/ (раздел «Сотрудничество с третьими странами») (Дата обращения: 24.06.2025).

28. Постановление Совмина РБ от 06.04.2022 № 209 "О перечне иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц" // Онлайн–сервис «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/22bl0209/ (Дата обращения: 06.03.2025)

29. Протокол о сопряжении стратегий развития ЕАЭС и инициативы «Один пояс – один путь» (май 2015 года; дальнейшая координация – 2020 год) // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/822/Doklad_Kitay_short_17.08.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

30. Протокол о сопряжении стратегий развития ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь» (май 2015 года; дальнейшая координация — 2020 год) // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/822/Doklad_Kitay_short_17.08.pdf (Дата обращения: 24.06.2025).

31. Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся государств–членов ЕАЭС и членам семей. // Консультант плюс – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/97df3682a3327cccddbef7b2f784c62b37359b64/ (Дата обращения: 07.04.2025)

32. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 N 430–р (ред. от 29.10.2022) <Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц>. Сайт «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/?ysclid=m7xtp8ihuq373763767 (Дата обращения: 06.03.2025)

33. Распоряжение Совета ЕЭК от 12.11.2021 № 22 "Об утверждении плана мероприятий по реализации Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года" URL: https://www.alta.ru/tamdoc/21s00022/

34. Регламент ЕЭК (раздел IV – «Международные соглашения») // ЕАЭС/ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/ (разделы, касающиеся процедур, включая ссылки на регламент и международные форматы) (Дата обращения: 24.06.2025)

35. Регламент ЕЭК // ЕЭК – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/ (Дата обращения: 24.06.2025).

36. Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 марта 2019 г. № 9 “О перечне стандартов и рекомендаций в области информационной безопасности, применяемых в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза” // Информационно–правовой портал «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72097708/?ysclid=mm83go6180595276521#1000 (Дата обращения: 26.02.2026)

37. Решение ВЕЭС №26 от 25.12.2023 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского

экономического союза на 2024–2025 годы» https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/61a/Osnovnye–orientiry–2024_2025.pdf

38. Решение ВЕЭС №26 от 25.12.2023 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2024 – 2025 годы» // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/61a/Osnovnye–orientiry–2024_2025.pdf (Дата обращения: 24.06.2025)

39. Решение ВЕЭС от 6 декабря 2018 года N 23 О формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза. URL: https://docs.cntd.ru/document/551866200?marker=8PK0M2

40. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 25 от 11 октября 2017 г. «Об общих подходах к заключению соглашений о ЗСТ» // ЕАЭС. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/ (раздел «Соглашения о ЗСТ») (Дата обращения: 24.06.2025)

41. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. N 23 "Об утверждении планов либерализации по секторам услуг, указанным в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. N 30"ПЛАНЫ по либерализации секторов услуг // Онлайн–сервис «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/16vr0023/ (Дата обращения: 04.03.2025).

42. Решение Высшего совета ЕАЭС от 01.10.2019 № 20 "О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза" https://www.alta.ru/tamdoc/19vr0020/

43. Решение Высшего совета ЕАЭС от 06.12.2018 № 18 "О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза" https://www.alta.ru/tamdoc/18vr0018/

44. Решение Высшего совета ЕАЭС от 20.12.2019 № 31 "О плане мероприятий, направленных на формирование общего

электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза» https://www.alta.ru/tamdoc/19vr0031/

45. Решение Высшего совета ЕАЭС от 25.12.2023 № 26 "О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета "Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2024 – 2025 годы" // «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/23sr0126/ (Дата обращения: 05.07.2024)

46. Решение Высшего совета ЕАЭС от 26.12.2016 № 19 "Об Основных направлениях и этапах реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза" URL: https://www.alta.ru/tamdoc/16vr0019/

47. Решение Высшего совета ЕАЭС от 26.12.2016 № 23 "Об утверждении планов либерализации по секторам услуг, указанным в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. N 30" https://www.alta.ru/tamdoc/16vr0023/

48. Решение Евразийского межправительственного совета от 26.10.2023 № 5 "Об утверждении Правил взаимной торговли электрической энергией на общем электроэнергетическом рынке Евразийского экономического союза" https://www.alta.ru/tamdoc/23ms0005/

49. Решение Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 19 декабря 2009 года N 35 «О Плане действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно–технических документов «Консорциум КОДЕКС» – URL: https://docs.cntd.ru/document/902239605 (Дата обращения: 20.02.2025)

50. Решение Совета ЕЭК от 23.04.2013 № 28 "О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета "О Концепции согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств – членов

Таможенного союза и Единого экономического пространства"" – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/13sr0028/ (Дата обращения: 14.05.2026)

51. Совместное заявление/меморандум ЕЭК и Организации ООН по промышленному развитию (ЮНИДО). Подписано 30 октября 2014 г. (г. Вена) о сотрудничестве в инновационной и промышленной сферах. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_prom/interstate/unido.php (Дата обращения: 24.06.2025).

52. Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Республикой Армения и Европейским Союзом (СВРП) // Министерство экономики Республики Армения – URL: https://www.mineconomy.am/ru/page/787 (Дата обращения: 14.05.2026)

53. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом (29 мая 2015, вступило в силу 5 октября 2016) // ЕЭК, раздел «Торговые соглашения – Вьетнам». URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/vietnam.php (Дата обращения: 24.06.2025).

54. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Республикой Сербия (25 октября 2019 г.) с вступлением в силу 10 июля 2021 г. // ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/serbia.php (Дата обращения: 24.06.2025).

55. Соглашение о свободной торговле и рамочное соглашение о сотрудничестве между ЕАЭС и Республикой Сингапур (1 октября 2019 г.) // ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/singapore.php (Дата обращения: 24.06.2025).

56. Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Исламской Республикой Иран (25 декабря 2023 г.) // ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye–soglasheniya/iran.php (Дата обращения: 24.06.2025).

57. Соглашение о Таможенном союзе (Россия, Беларусь, Казахстан). Сайт МИД РФ. [Электронный ресурс] URL:

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/60671/ (Дата обращения 06.03.2025)

58. Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Сайт МИД РФ. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47867/ (Дата обращения 06.03.2025)

59. Соглашение о формировании Единого экономического пространства (от 19 сентября 2003 года) // Сайт Президента России – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/1715?ysclid=mmkioafeyr483146460 (Дата обращения: 04.03.2024)

б) на английском языке

60. Central Asia: Council adopts a new EU strategy for the region // European Council. Council of the European Union. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/06/17/central-asia-council-adopts-a-new-eu-strategy-for-the-region/ (Date accessed: 16.05.2026)

61. Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and the Republic of Kazakhstan // Delegation of the European Union to the Republic of Kazakhstan – URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/enhanced–partnership–and–cooperation–agreement–between–european–union–and_en (Date accessed: 14.05.2026)

62. Joint Declaration following the first Armenia – EU Summit // EU–Armenia Summit (5 May 2026, Yerevan) – URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST–8799–2026–INIT/en/pdf (Date accessed: 14.05.2026)

Интервью и совместные заявления

а) на русском языке

63. Б. Сагинтаев. О ситуации на казахстанско–кыргызской границе // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/o–situatsii–na–kazakhstansko–kyrgyzskoy–granitse/?sphrase_id=471132 (Дата обращения: 26.02.2026).

64. В.В. Путин. Пленарное заседание Евразийского экономического форума. // Сайт Президента России – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77302 (Дата обращения: 27.01.2026).

65. Г. Барсенян. У наших стран есть значительный потенциал для наращивания национального производства широкого спектра промышленной продукции // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/speech/strategicheskiy–pozitiv/?sphrase_id=471905 (Дата обращения: 25.06.2026).

Информация с официальных сайтов стран

а) на русском языке

66. В ЕАЭС утверждена Концепция развития туризма // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/v–eaes–utverzhdena–kontseptsiya–razvitiya–turizma/?sphrase_id=471132 (Дата обращения: 26.02.2026).

67. В Евразийской экономической комиссии состоялся семинар по внедрению искусственного интеллекта в процессы управления // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/v–evraziyskoy–ekonomicheskoy–komissii–sostoyalsya–seminar–po–vnedreniyu–iskusstvennogo–intellekta–v–/?sphrase_id=471132 (Дата обращения: 26.02.2026).

68. Восточное партнерство // Посольство Республики Беларусь в Королевстве Бельгия. – URL: https://belgium.mfa.gov.by/ru/bel_eu/eap/ (Дата обращения 06.03.2025).

69. Главы государств – участников Организации «Центрально–Азиатское Сотрудничество» (ОЦАС) на встрече в Санкт–Петербурге приняли решение об объединении ОЦАС с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС). // Сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/34213 (Дата обращения: 24.02.2025).

70. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/2030-2045/ (Дата обращения: 17.05.2026).

71. Документы, подписанные по итогам Высшего Евразийского экономического совета // Сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5377 (Дата обращения: 17.05.2026).

72. ЕЭК и ВОЗЖ провели семинар по актуальным вопросам оспы овец и коз // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/eek–i–vozzh–proveli–seminar–po–aktualnym–voprosam–ospy–ovets–i–koz/?sphrase_id=471135 (Дата обращения: 26.02.2026).

73. ЕЭК и Комиссия Африканского союза подписали Меморандум о взаимопонимании // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/24–10–2019–5/ (Дата обращения: 24.06.2025).

74. Заявление МИД России в связи с посланием Премьер–министра Республики Армения Н.В.Пашиняна и ситуацией вокруг Нагорного Карабаха // МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1906229/ (Дата обращения: 06.03.2025).

75. Казахстан – Европейский Союз // Посольство Республики Казахстан в Королевстве Бельгия – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa–brussels/activities/1677?lang=ru (Дата обращения: 14.05.2026).

76. Концепция формирования Единого экономического пространства от 22.09.2003. // МИД РФ – URL: https://www.mid.ru/ru/maps/kz/1683587/ (Дата обращения: 02.02.2025).

77. О предоставлении Евразийскому экономическому сообществу статуса наблюдателя в Генеральной ассамблее ООН // МИД РФ – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1664756/ (Дата обращения: 24.02.2025).

78. Ответ пресс–секретаря МИД Республики Армения на запрос СМИ // МИД Республики Армения. – URL: https://www.mfa.am/ru/interviews–articles–and– comments/2024/08/20/comment_spox/12765 (Дата обращения: 06.03.2025).

79. Отчет о реализации Основных ориентиров макроэкономической политики государств — членов Евразийского экономического Союза на 2022–2023 годы // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/631/Otchet–o–realizatsii–Osnovnykh–orientirov–2022_2023.pdf (Дата обращения: 05.05.2025).

80. Потенциальные выгоды и издержки от вступления Республики Таджикистан в ЕАЭС // Евразийский Банк Развития – URL: https://eabr.org/analytics/integration–research/cii–reports/potentsialnye–vygody–i–izderzhki–ot–vstupleniya–respubliki–tadzhikistan–v–eaes–/ (Дата обращения: 06.03.2025).

81. Россия и АТЭС (Справочный материал) // МИД РФ – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/forum–aziatsko–tihookeanskoe–ekonomiceskoe–sotrudnicestvo–ates–/1695048/ (19.02.2025).

82. Союзное Государство (справка) // МИД РФ – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye–struktury–prostranstva–sng/sgbr/1784824/ (Дата обращения 06.03.2025).

83. Стаж работы в странах ЕАЭС учитывается для назначения пенсии в России только при его подтверждении // Социальный фонд России – URL: https://sfr.gov.ru/branches/novosibirsk/news/~2024/11/07/268108 (Дата обращения: 07.04.2025).

84. Таможенные реестры объектов интеллектуальной собственности государств – членов Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dobd/intelsobs/tamozhennye–reestry.php (Дата обращения: 24.06.2025).

85. Участие Беларуси в ШОС. // Сайт Президента Республики Беларусь – URL: https://president.gov.by/ru/belarus/economics/integracija/shos (Дата обращения: 15.05.2026).

86. Эксперты обсудили доступность продовольствия в странах ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/news/eksperty–obsudili–dostupnost–prodovolstviya–v–stranakh–eaes/?sphrase_id=471135 (Дата обращения: 26.02.2026).

б) на английском языке

87. EU–Ukraine Deep and Comprehensive Free Trade Area // European commission – URL: https://trade.ec.europa.eu/access–to–markets/en/content/eu–ukraine–deep–and–comprehensive–free–trade–area (Date accessed: 24.06.2025)

88. Kyrgyz Republic: Signing of Enhanced Partnership and Cooperation Agreement (EPCA) with the European Union // The Diplomatic Service of the European Union – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/kyrgyz-republic-signing-enhanced-partnership-and-cooperation-agreement-epca-european-union_en (Date accessed: 16.05.2026)

89. Sustainable development GOALS // The United Nations – URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/en/sustainable–development–goals/ (Date accessed: 24.06.2025).

Новостные ресурсы

а) на русском языке

90. В Армении подвели итоги выборов в парламент // РИА новости – URL: https://ria.ru/20170409/1491865391.html (Дата обращения: 17.08.2025).

91. В Казахстане продлен умеренный уровень террористической опасности // ТАСС – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya–panorama/3456458 (Дата обращения: 20.01.2026).

92. В Киргизии предотвращен госпереворот? // Eurasia daily. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2016/05/14/v–kirgizii–predotvrashchen–gosperevorot (Дата обращения: 06.03.2025).

93. Единый день голосования Онлайн–трансляция “Ъ”: как проходили выборы в России. // Коммерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3407171 (Дата обращения: 06.03.2025).

94. Ертысбаев: Разговоры о создании Евразийского парламента пока преждевременны // Сайт портала «Tengri News» – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/ertyisbaev–razgovoryi–sozdanii–evraziyskogo–parlamenta–poka–220606/?ysclid=m7xsm80bbb411161976 (Дата обращения: 24.02.2025).

95. Жириновский В.В. Владимир Жириновский прокомментировал тему создания Евразийского союза. // Новости российской политической партии «ЛДПР» – URL: https://ldpr.ru/events/Vladimir_Zhirinovsky_said_a_theme_of_creation_of_the_Eurasian_Union/ (Дата обращения: 03.05.2024).

96. Зюганов: ЕАЭС – братское государство, Горбачев и Ельцин – мировые злодеи // Regnum – URL: https://regnum.ru/news/2158813 (Дата обращения: 03.05.2024).

97. Итог мониторинга ЕЭК: обязательная медицинская помощь оказывается в ЕАЭС всем трудящимся и членам их семей. // Онлайн–сервис «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/ts_news/88246/ (Дата обращения: 07.04.2025).

98. Итоги 2014: добро пожаловать в рецессию // Интерфакс – URL: https://www.interfax.ru/business/416347 (Дата обращения: 24.06.2025).

99. Итоги–2015: выборы, дипломатия и поиски векторов отношений // Sputnik – URL: https://ru.sputnik.kg/20151230/1021301490.html?ysclid=mm9hrpwf8y694467605 (Дата обращения: 20.01.2026).

100. Казахстан против создания Евразийского парламента // Сайт портала «Юрист» – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31446045 (Дата обращения: 24.02.2025).

101. Кыргызстан стал первой страной, против которой ЕС применил инструмент против обхода санкций // Финансовое издательство Economist.kg – URL: https://economist.kg/ekonomika/2026/04/22/kyrgyzstan-stal-pervoi-stranoi-protiv-kotoroi-es-primenil-instrument-protiv-obkhoda-sanktsii/ (Дата обращения: 16.05.2026).

102. Кыргызстан: Анатомия митингов. // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. – URL: https://cabar.asia/ru/kyrgyzstan–anatomiya–mitingov (Дата обращения: 05.05.2025).

103. Лавров заявил, что Запад вместо диалога с РФ круглосуточно ищет способы ее сдерживания // ТАСС. – URL: https://tass.ru/politika/17440277 (Дата обращения: 26.02.2026).

104. Лукашенко: Единой валюты и «наднациональных надстроек» в Евразийском союзе не будет, восстановление СССР – нежелательно и неразумно // Сайт Информационно–аналитической службы «Русская народная

линия» – URL: https://ruskline.ru/politnews/2013/10/02/lukashenko_edinoj_valyuty_i_nadnacionalnyh_nadstroek_v_evrazijskom_soyuze_ne_budet_vosstanovlenie_sssr_nezhelatelno_i_nerazumno/ (Дата обращения: 24.02.2025).

105. Мишустин: доля нацвалют в расчетах внутри ЕАЭС достигла 93% // ТАСС – URL: https://tass.ru/ekonomika/25885493 (Дата обращения: 10.03.2026).

106. Молдавия выйдет из состава стран СНГ. С чем связано решение и какие потери уже понесла республика? // Lenta.ru – URL: https://lenta.ru/news/2026/01/20/moldaviya–vyydet–iz–sostava–stran–sng–s–chem–svyazano–reshenie–i–kakie–poteri–uzhe–ponesla–respublika/ (Дата обращения: 26.01.2026).

107. МЭР: ВВП РФ вырастет в 2014 г на 0,6%, в 2015 г – снизится на 0,8% // РИА – URL: https://ria.ru/20141202/1036134659.html (Дата обращения: 25.01.2026).

108. На референдуме в Киргизии проголосовали за изменения в Конституцию // РБК – URL: https://www.rbc.ru/politics/11/12/2016/584dadbc9a7947e846901a53 (Дата обращения: 17.02.2024).

109. Объявлены итоги выборов в Сенат Казахстана // Tengrinews – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/obyyavlenyi–itogi–vyiborov–v–senat–kazahstana–321294/ (Дата обращения: 24.06.2025).

110. Парламент Армении в окончательном чтении принял закон о вступлении в ЕС // Известия – URL: https://iz.ru/1860098/2025–03–26/parlament–armenii–v–okonchatelnom–chtenii–prinial–zakon–o–vstuplenii–v–es?ysclid=mm9jct3xui89092086 (Дата обращения: 15.02.2026).

111. Пашинян в «угаре»: после заявлений премьера Армении ее могут попросить на выход из ЕАЭС // Парламентская газета. Издание Федерального Собрания Российской Федерации. – URL:

https://www.pnp.ru/politics/pashinyan-v-ugare-posle-zayavleniy-premera-armenii-ee-mogut-poprosit-na-vykhod-iz-eaes.html (Дата обращения: 17.05.2026).

112. Пашинян заявил о заморозке членства Армении в ОДКБ // РБК – URL: https://www.rbc.ru/politics/23/02/2024/65d7ccaa9a79477222c67ed4 (Дата обращения: 15.02.2026).

113. Правительство Армении дало зеленый свет рассмотрению в парламенте вопроса о референдуме по Евросоюзу // Сайт информационного агентства «News.am» – URL: https://news.am/rus/news/860681.html (Дата обращения: 06.03.2025).

114. Путин: России нужна не помощь Запада, а равноценное партнерство // Интерфакс. – URL: https://www.interfax.ru/business/59805 (Дата обращения: 26.02.2026).

115. Теперь официально: Кыргызстанские компании попали под 20-й пакет санкций Евросоюза — подробности // Финансовое издательство Economist.kg – URL: https://economist.kg/ekonomika/2026/04/23/teper-ofitsialno-kyrgyzstan-popal-pod-20-i-paket-sanktsii-evrosoiuza-podrobnosti/ (Дата обращения: 16.05.2026).

116. Т. Саркисян. Молодые ученые ЕАЭС – «мягкая сила» Союза // «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/ts_news/64365/?ysclid=mm83ih5eur690485519 (Дата обращения: 26.02.2026).

117. Цена нефти марки Brent упала ниже $32 за баррель // РКБ – URL: https://www.rbc.ru/finances/11/01/2016/5693d85b9a79478f95f79776 (Дата обращения: 24.06.2025).

118. Цена нефти марки Brent упала ниже $32 за баррель. РКБ. URL: https://www.rbc.ru/finances/11/01/2016/5693d85b9a79478f95f79776 (Дата обращения: 24.06.2025).

Литература

Авторефераты, диссертации

а) на русском языке

119. Вертинская Т.С. Экономическая интеграция регионов стран – членов ЕАЭС: методология и концепция регулирования: автореферат дис. … кандидата политических наук / Т. С. Вертинская. – Минск: ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», 2020. – 22 с.

120. Голубичный Д.В. Евразийский экономический союз и Европейский союз в геостратегии Республики Беларусь: автореферат дис. … к. полит. н./ Д. В. Голубичный. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2020. – 22 с.

121. Кузнецова Е.С. Проблема ограничения суверенитета в мировой политике: дис. … к. полит. н. / Е. С. Кузнецова. – Москва: Институт Европы РАН, 2011. – 24 с.

122. Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века: на примере Евразийского Союза: автореферат дис. ... д. полит. н. / М. Л. Лагутина. – СПб: СПбГУ, 2016. – 45 с.

123. Перебоев В.С. Российская Федерация и интеграционные процессы на постсоветском пространстве: дис. … кандидата политических наук / В. С. Перебоев. – Москва: РУДН, 2012. – 230 с.

124. Эмильбекова Э.Б. Кыргызская Республика в системе Евразийского экономического сообщества: автореферат дис. ... кандидата экономических наук / Э. Б. Эмильбекова. – Санкт–Петербург: Санкт–Петербургский университет экономики и финансов, 2007. – 21 с.

125. Юсупов П.В. Институты, механизмы и технологии взаимодействия власти и бизнес–сообщества в государствах–членах ЕАЭС: автореферат дис. … кандидата политических наук / П. В. Юсупов. – Минск: Белорусский государственный университет, 2025. – 29 с.

126. Солахян Г. Эволюция евразийских интеграционных процессов на постсоветском пространстве: автореферат дис. ... к. полит. н. / Г. Солахян. – Ереван: Российско–Армянский (Славянский) университет, 2020. – 150 с.

Книги

а) на русском языке

127. Алексеева Т.А. Современная политическая наука: методология: монография / Т. А. Алексеева, А. А. Байков, В. Г. Барановский, и др. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 776 с.

128. Аникин В.И. Мировая политика в фокусе современности. / В. И. Аникин, А. А. Баклицкий, Д. Г. Балуев, и др. – Москва: Дашков и К°, 2018. – 514 с.

129. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии: научное издание / А. А. Байков. – Москва: Аспект Пресс, 2012. – 253 с.

130. Бегаева А.В. Человек в пространстве Большой Евразии / А. В. Бегаева, Л. О. Терновая. – М., 2024. – 347 с.

131. Бирюков В.В. Евразийская интеграция: экономика, политика, управление и образование: монография / В. В. Бирюков, М. С. Балпан, А. Ю. Карпикова. – Москва: Русайнс, 2025. – 107 с.

132. Воротынцева Т.М. Интеграция как механизм регулирования международной торговли в рамках Евразийского экономического союза и стран Азиатско–-Тихоокеанского экономического сотрудничества / Т. М. Воротынцева, Е. М. Филаткина. – ООО Издательско–торговая компания Троицкий мост, 2022. – 98 с.

133. Воскресенский А.Д. Регионализация в международных отношениях / А.Д. Воскресенский // Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 103–116.

134. Зиядуллаев Н.С. Экономика стран Содружества: ретроспектива, стратегии и императивы / Н. С. Зиядуллаев. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем рынка Российской академии наук, 2022. – 240 с.

135. Зоидов К.Х. Инфраструктурно–интеграционные направления эволюции геополитических интересов России в современном мире / К. Х. Зоидов, А. А. Медков, А. Ш. Кадырбаев, и др.; В. А. Цветков. – Москва: ИПР РАН, 2020. – 152 с.

136. Зоидов К.Х. Китайская инициатива «пояс и путь» – основа эволюционного развития и сопряжения инфраструктурно–интеграционных проектов на пространстве Большой Евразии (обзор научных подходов). / К. Х. Зоидов, А. А. Медков. – Институт проблем рынка РАН. – М., 2020. – 146 с.

137. Зоидов К.Х. Моделирование механизмов регулирования процессов интеграции и внешнеторговой деятельности в условиях нестабильности / К. Х. Зоидов, А. А. Урунов, А. Х. Авезов, М. М. Авезова. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем рынка Российской академии наук, 2020. – 230 с.

138. Зоидов К.Х. Моделирование сопряжения и инновационного развития транспортно–транзитных систем России и стран Большой Евразии / К. Х. Зоидов, А. А. Медков, З. К. Зоидов. – М.: Институт проблем рынка РАН, 2024. – 137 с.

139. Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы: монография / Д. А. Изотов; П. А. Минакир. – Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2020. – 368 с.

140. Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике / И. А. Истомин. – 2–е изд., испр. и перераб. – Москва: Аспект Пресс, 2021. – 304 с.

141. Кузнецов А.В. Атлас аналитических центров ЕАЭС: Справочник / А. В. Кузнецов, М. В. Вилисов, В. К. Атоян, Л. И. Вавилова. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. – 206 с.

142. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. И. З. Налетова – Москва: АСТ, 2009. – 317 с.

143. Лузянин С.Г. Поворот на Восток: восточноазиатский вектор России (2014–2024): монография / С. Г. Лузянин, К. В. Бабаев. – Москва: Российская академия наук, 2024. – 216 с.

144. Митрани Д. Функциональная теория политики: Теория и практика международных отношений: хрестоматия / Д. Митрани, пер. с англ. – М., 2002. – 85–102 с.

145. Моисеев А.Н. Мировая политика и международные отношения / А. Н. Моисеев, А. В. Шумилов. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2020. – 214 с.

146. Неймарк М.А. Кризисная геополитика: опыт и перспективы «мягкой силы» России: монография / М. А. Неймарк. – Министерство иностранных дел Российской Федерации, Дипломатическая академия. – Москва: Дашков и К°, 2023. – 322 с.

147. Пивовар Е.И. Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы / Е. И. Пивовар. – Санкт–Петербург: Алетейя, 2022. – 465 с.

148. Семенова Н.К. Транспортные горизонты Евразии. Экономические и геополитические «ловушки» и возможности: Экономические и геополитические «ловушки» и возможности: монография / Н. К. Семенова. – Институт востоковедения Российской академии наук. – Москва: ИВ РАН, 2023. – 268 с.

149. Смирнов Е.Н. Глобальная экономика в условиях кризиса: новые стрессы, вызовы и нарративы / Е. Н. Смирнов. – Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2023. – 302 с.

150. Смирнов Е.Н. Глобальная экономика в условиях кризиса: новые стрессы, вызовы и нарративы / Е. Н. Смирнов. – Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2023а. – 302 с.

151. Харламова Ю.А. Борьба за Евразию в фокусе транспортных геостратегий: монография / Ю. А. Харламова. – Москва: Научно–издательский центр ИНФРА–М, 2020. – 219 с.

152. Харламова Ю.А. Борьба за Евразию в фокусе транспортных геостратегий: монография / Ю. А. Харламова. – Москва: Научно–издательский центр ИНФРА–М, 2020а. – 219 с.

153. Харланов А.С. Китай – стратегический партнер и ценный сосед. Цивилизационный выбор и современные тренды кооперации / А. С. Харланов, И. А. Максимцев, А. А. Бобошко, М. М. Новиков. – Москва: Русайнс, 2022. – 188 с.

154. Хейфец Б.А. Китайский путь глобализации и Россия: монография / Б. А. Хейфец. – Москва: КУРС, 2021. – 205 с.

155. Цзюнтао В. Россия и Китай в Большой Евразии: давние друзья vs новые партнеры / В. Цзюнтао, Д. Е. Любина, М. А. Саблина. – СПб: Издательско–полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. – 146 с.

156. Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений – XI: Россия и Европейский Союз в 2021 – первой половине 2022 годов / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина. – Москва: Галактика, Зебра Е, 2022. – 592 с.

157. Яковенко А.В. Геополитический перелом и Россия: о чем говорит новая внешнеполитическая концепция / А. В. Яковенко. – Дипломатическая академия МИД России. – Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2023. – 144 с.

б) на английском языке

158. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security: Cambridge Studies in International Relations / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge University Press, 2003. – 592 p.

159. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security: Cambridge Studies in International Relations / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge University Press, 2003. – 564 p.

160. Deutsch K.W. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience: Princeton Legacy Library / K. W. Deutsch. – Princeton University Press, 1968. – 526 p.

161. Foqué R. Global Politics of Regionalism: Theory and Practice / R. Foqué, J. van Steenbergen; M. Farrell, B. Hettne, L. van Langenhove. – 2005. – 321 p.

162. Haas E.B. The Obsolescence of Regional Integration Theory: Institute of International Studies Berkeley, Calif.: Research series / E. B. Haas. – Institute of International Studies, University of California, 1975. – 150 p.

163. Haas E.B. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces: Library of world affairs / E. B. Haas. – Stanford University Press, 1958. – 648p.

164. Hettne B. Global politics of regionalism: theory and practice / B. Hettne, L. Van Langenhove, M. Farrell. – London Ann Arbor, MI: Pluto Press, 2010. – 336 p.

165. Keohane R.O. International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. International Institutions and State Power / R. O. Keohane. – 1. – New York: Routledge, 2020. – 270 p.

166. Keohane R.O. International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. International Institutions and State Power / R. O. Keohane. – 1. – New York: Routledge, 2020. – 270 p.

167. Keohane R.O. Power and interdependence / R. O. Keohane, J. S. Nye. – 2nd. ed. – New York: H. Collins, 1989. – 340 p.

168. Lane D. The Eurasian Project and Europe: Regional Discontinuities and Geopolitics. The Eurasian Project and Europe / D. Lane, V. Samokhvalov. – 1st ed. 2015. – London: Palgrave Macmillan UK, 2015. – 1p.

169. Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire / M. Laruelle. – Washington: Johns Hopkins University Press, 2008. – 276 p.

170. Mitrany D. A Working Peace System: An Argument for the Functional Development of International Organization: Post–war problems / D. Mitrany. – Oxford University Press, 1944. – 221p.

171. Moravcsik A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht / A. Moravcsik. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. – 524p.

172. Nye J.S. Peace in Parts: Integration and Conflict in Regional Organization: Peace in Parts: Integration and Conflict in Regional Organization / J. S. Nye, H. U. C. for I. Affairs. – Little, Brown, 1971.

173. Pepe J.M. Value chains transformation and transport reconnection in Eurasia: geo–economic and geopolitical implications: Innovations in international affairs. Value chains transformation and transport reconnection in Eurasia / J. M. Pepe. – Milton Park, Abindon, Oxon New York, NY: Routledge, 2021. – 27p.

174. Tinbergen J. Economic Policy: Principles and Design / J. Tinbergen. – Amsterdam: North–Holland Publishing Company, 1962. – 276 p.

175. Tinbergen J. International Economic Integration / J. Tinbergen. – Amsterdam: Elsevier, 1954. – 122p.

176. Waltz K.N. Theory of International Politics: Addison–Wesley series in political science / K. N. Waltz. – McGraw–Hill, 1979.

Статьи, сборники

а) на русском языке

177. Абдижалил уулу Т. Экономические взаимоотношения Кыргызской Республики с государствами Аравийского полуострова в условиях таможенного союза стран–участниц ЕАЭС / Т. Абдижалил уулу // Вестник КРСУ. – 2018. – Т. 18. – № 7. – С. 3–6.

178. Агазаде М.М. Постсоветский регионализм на перепутье / М. М. Агазаде, Д. А. Дегтерев, К. П. Курылев // Постсоветские исследования. – 2023. – № 3. – С. 341–351.

179. Адлов Р.А. Идея «Евразийства» в исследованиях зарубежных аналитических центров / Р. А. Адлов // Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3. – № 1. – С. 75–81.

180. Айрапетян А. Правовое измерение евразийской интеграции: перспективы и риски к 2025 году / А. Айрапетян. – Текст: электронный // РСМД. – 2025. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics–and–comments/analytics/pravovoe–izmerenie–evraziyskoy–integratsii–perspektivy–i–riski–k–2025–godu/ (дата обращения: 21.01.2026).

181. Аксакалова М. Современные векторы внешней политики России в Центральной Азии в условиях политической турбулентности / М. Аксакалова, А. Абдулина. – Текст: электронный // Известия. Серия: Международные отношения и регионоведение. – 2023. – Т. 52. – № 2. – URL: https://doi.org/10.48371/ISMO.2023.52.2.003 (дата обращения: 10.01.2024).

182. Аласания К.Ю. Многополярный мир в XXI веке: философско–политологические размышления / К. Ю. Аласания, Е. Н. Мощелков // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2025. – № 3. – С. 72–83.

183. Алафате А. Интересы Китайской Народной Республики в Кыргызской Республике и их эволюция в течение 1992–2020 годов / А. Алафате // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2021. – № 2. – С. 175–180.

184. Алиджанова А.Х. Теоретические аспекты межрегиональных взаимоотношений в современных международных отношениях / А. Х. Алиджанова // Вестник ТГУПБП. – 2022. – № 2 (91). – С. 146–153.

185. Алпысбаева С.Н. Моделирование долгосрочных макроэкономических эффектов интеграции Казахстана в ЕАЭС / С. Н. Алпысбаева, Ш. Ж. Шунеев // Торговая политика. – 2018. – Т. 1. – № 13. – С. 11–22.

186. Андреева М.–А.О. Большая Европа в глобальном мире: тенденции развития единого пространства / М.–А. О. Андреева, Д. А. Рахалова, А. С. Матвеевская // Актуальные проблемы современной политической науки. – Российская Федерация: Издательство Санкт–Петербургского Государственного Политехнического Университета, 2021. – С. 128–134.

187. Арзыбаева А.А. Реалии цифровизации в странах ЕАЭС / А. А. Арзыбаева // Вестник КРСУ. – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 3–7.

188. Аскарбеков Д.Э. Кыргызстан ЕАЭБ: экономикалык кризистен өтүү шарттарынын келечеги жөнүндө / Д. Э. Аскарбеков, Н. Чыныбаева // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2023а. – Т. 5. – № 50. – С. 222–230.

189. Афиногенов Д.А. Стратегическое планирование на пространстве Большой Евразии: научно–теоретическое осмысление проблемы / Д. А. Афиногенов, И. В. Стародуб // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2025. – Т. 14. – № 2(67). – С. 395.

190. Бабаев К.В. Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток / К. В. Бабаев // Экономика Центральной Азии. – 2024. – Т. 8. – № 2. – С. 91–110.

191. Бабина А.В. Опыт формирования инвестиционного имиджа Республики Беларусь на международном рынке / А. В. Бабина, Н. П. Драгун // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2022. – Т. 7. – № 301. – С. 10.

192. Багдасарян С.Д. Стратегия национальной безопасности РФ в условиях евразийской интеграции и кризиса международных отношений / С. Д. Багдасарян, Т. М. Гришина // Власть. – 2024. – № 3. – С. 40–46.

193. Базавлук С.В. Внешний анализ и критика евразийской интеграции / С. В. Базавлук // Постсоветские исследования. – 2021. – Т. 4. – № 7. – С. 543–555.

194. Базавлук С.В. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов / С. В. Базавлук, К. П. Курылев, Л. В. Савин // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2022. – № 1. – С. 30–42.

195. Байгазиева Д.М. ЕАЭС: международно–правовые аспекты сотрудничества с ШОС и АСЕАН в рамках Большого Евразийского Партнерства / Д. М. Байгазиева, Р. Р. Сейтахунова // Вестник КРСУ. – Т. 23. – № 7. – С. 69–75.

196. Байзакова К.И. Евразийская интеграция как фактор противодействия глобальным рискам / К. И. Байзакова, Е. Каракулов // International Relations and International Law Journal. – 2016. – Т. 69. – № 1. – С. 21–26.

197. Байков А.А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки / А. А. Байков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 38–53.

198. Баймурзаева Н.С. Внешний государственный долг Кыргызской Республики: динамика и оценка / Н. С. Баймурзаева, А. Э. Джусуева, Ж. Т. Джылкычиева // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2023. – № 6. – С. 42–44.

199. Балакин В.И. Российская государственность, Китай и евразийская региональная интеграция / В. И. Балакин // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2021. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya–gosudarstvennost–kitay–i–evraziyskaya–regionalnaya–integratsiya (дата обращения: 08.01.2026).

200. Баласанян Г. В преддверии 10–летия подписания «Большого договора» о создании ЕАЭС: новые вызовы и новые возможности / Баласанян Г. // Вестник Ереванского университета: Международные отношения, Политология. – 2023. – № 14. – С. 16–23.

201. Баров С.А. Теоретическое осмысление феномена региональной интеграции / С. А. Баров // Казачество. – 2022. – Т. 62. – № 5. – С. 14–18.

202. Батырбекова Т.Б. Кыргызстан и ее роль в региональной и международной дипломатии / Т. Б. Батырбекова, Н. А. Нуралиев // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2023. – Т. 2. – № 50. – С. 35.

203. Безруков Л.А. Пространственное развитие России в контексте формирования Большой Евразии: факторы, векторы, приоритеты / Л. А. Безруков, А. Г. Дружини, О. В. Кузнецова, В. А. Шупер // Балтийский регион. – 2024. – Т. 16. – № 2. – С. 18–40.

204. Белащенко Д.А. Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве / Д. А. Белащенко, В. В. Толкачев, И. Ф. Шоджонов // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2020. – № 3. – С. 543–559.

205. Блохин К.М. Геополитика «Большой Евразии» в концепциях неоевразийства: противостояние атлантизму и поиск союзников / К. М. Блохин // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 2(201). – С. 558–600.

206. Болонина А.Л. Политические аспекты «непризнания» ЕАЭС Европейским союзом / А. Л. Болонина // Современная Европа. – 2021. – № 1. – С. 200–208.

207. Большое Евразийское партнерство – новые горизонты сотрудничества: Тематический сборник / И. А. Максимцев, И. Ф. Кефели, С. Т. Ходько ред. – СПбГЭУ. – СПб, 2021. – 159 с.

208. Бугров Р.В. Рецензия: Stefanova B. M. The European Union and Europe’s New Regionalism. The Challenge of Enlargement, Neighborhood, and Globalization. Palgrave Macmillan, 2018. 225 p. / Р. В. Бугров // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 428–431.

209. Бударина Н.А. Инвестиционная деятельность стран ЕАЭС в условиях глобальной трансформации / Н. А. Бударина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – Т. 7. – № 113. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya–deyatelnost–stran–eaes–v–usloviyah–globalnoy–transformatsii (дата обращения: 17.06.2025).

210. Булва В.И. Сетевая дипломатия России в Евразии: от ЕАЭС к Большому Евразийскому партнерству / В. И. Булва, А. К. Бобров // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2025. – Т. 25. – № 2. – С. 177–190.

211. Бутенко В.А. Регионализация и «новый» регионализм / В. А. Бутенко, Ш. Мохаммади // Право и политика. – 2020. – № 7. – С. 105–111.

212. Бутенко В.А. Регионализация и «новый» регионализм / В. А. Бутенко, Ш. Мохаммади // Право и политика. – 2020. – № 7. – С. 105–113.

213. Вардомский Л.Б. Геополитика и регионализация на постсоветском пространстве / Л. Б. Вардомский // Страны «пояса соседства» России: модели развития и вопросы сотрудничества (памяти С.П. Глинкиной). – 2024. – С. 11–30.

214. Васильева Н.А. Формирование Евразийского союза в контексте глобальной регионализации / Н. А. Васильева, М. Л. Лагутина // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 3 (16). – С. 19–29.

215. Виноградов А.В. Китайский проект для Большой евразии / А.В. Виноградов // Международные процессы. – 2021. – Т. 19. – №2. – С. 6-20.

216. Воробьев П.С. Влияние пандемии COVID–19 на геополитику и экономику в Центральной Азии / П. С. Воробьев // Известия Восточного института. – 2022. – Т. 55. – № 3. – С. 117–126.

217. Восканян М.А. Политика государства по поддержанию макроэкономической стабильности: опыт Армении / М. А. Восканян. – Текст: электронный // Journal of new economy. – 2022. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika–gosudarstva–po–podderzhaniyu–makroekonomicheskoy–stabilnosti–opyt–armenii (дата обращения: 16.06.2025).

218. Гласер М.А. Большая Евразия и Большая Европа: Геополитика перспектив сотрудничества / М. А. Гласер, П.–Э. Томанн, Н. Н. Новик // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – Т. 109. – № 1. – С. 12–27.

219. Гнатюк С.Н. Развитие экономики Беларуси в условиях внешних шоков / С. Н. Гнатюк // Вестник экономики и права. – 2023. – № 75. – С. 20–29.

220. Голованов Р.С. Международное позиционирование интеграционного проекта элитами государств–членов ЕАЭС / Р. С. Голованов // Вестник КРСУ. – Т. 18. – № 3. – С. 150–154.

221. Гончаров С.Н. «Судьба человечества» и украинский кризис / С.Н. Гончаров // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22. – № 3. – С. 128-145.

222. Гребнев Р.Д. Теоретические и методологические аспекты регионализации многополярного мира / Р. Д. Гребнев // Век глобализации. – 2023. – Т. 47. – № 3. – С. 78–89.

223. Грицай В.В. Новая Европа: современное состояние и перспективы регионализма / В. В. Грицай, Д. С. Злыденко // Философия права. – 2022. – № 4 (103). – С. 48–55.

224. Губайдуллина М.С. Казахстанский контекст евразийской интеграции и ЕАЭС в критическом поле западных экспертов / М. С. Губайдуллина // International Relations and International Law Journal. – 2016. – Т. 69. – № 1. – С. 43–51.

225. Давыдова Ю.А. Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции / Ю. А. Давыдова, Е. В. Каргаполова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – № 2 (40). – С. 51–59.

226. Дадабаева З.А. О роли взаимодействия с ЕАЭС в экономическом развитии Таджикистана / З.А. Дадабаева // Мир перемен. – 2026. – № 2. – С. 68-87.

227. Дадабаева З.А. Факторы возможного присоединения к ЕАЭС Таджикистана и Узбекистана / З.А. Дадабаева // Геоэкономика энергетики. – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 100-113.

228. Дадабаева З.А., Ярыгина И.З. Евразийская экономическая интеграция и безопасность: анализ современных проблем и поиск путей их

решения / З.А. Дадабаева, И.З. Ярыгина // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – № 1. – С. 171-179.

229. Дадабаева З.А. Информационно-коммуникационные технологии в работе евразийских транспортных коридоров (на примере стран ЕАЭС) / З. А. Дадабаева, Е. М. Савичева // Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 387-398.

230. Дерябина С.Р. ЕАЭС в изменяющихся политических условиях / С. Р. Дерябина // Евразийский перекресток: Сборник материалов научно–практических мероприятий. – 2020. – Т. 2. – № 13. – С. 47.

231. Дерябина С.Р. Экономическая, социальная и политическая интеграция: мировой опыт и особенности ЕАЭС / С. Р. Дерябина // Евразийский перекресток: Сборник материалов научно–практических мероприятий. – 2020. – Т. 2. – № 13. – С. 50–53.

232. Джаманкулов Б.С. Структурные изменения в экономике Кыргызстана / Б. С. Джаманкулов // Экономические отношения. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 819–832.

233. Дугин А.Г. Горизонты многополярного мира / А. Г. Дугин. – Текст: электронный // Изборский клуб. – URL: https://izborskclub.ru/18820 (дата обращения: 02.04.2025).

234. Дэнсюэ Х. Российская политика «поворота на Восток»: мотивирующие факторы / Х. Дэнсюэ, В. Ин // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2024. – № 1. – С. 18–39.

235. Евстафьев Д.Г. Евразийская цивилизация: геоэкономические параметры концепции в условиях нового миропорядка / Д. Г. Евстафьев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – № 104. – С. 8–17.

236. Егоров В.Г. Национальные интересы России в многополярном мире / В. Г. Егоров // Власть. – 2025. – № 6. – С. 19–32.

237. Жильцов С.С. Большое евразийское партнерство: итоги, проблемы и перспективы / С. С. Жильцов // Постсоветские исследования. – 2025. – № 4. – С. 425–435.

238. Жильцов С.С. Политика Китая в отношении Евразийского экономического союза / С.С. Жильцов // Проблемы постсоветского пространства. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 8-20.

239. Жильцов С.С. Политика России на евразийском пространстве в условиях конфронтации с Западом / С.С. Жильцов // Проблемы постсоветского пространства. – 2024. – Т. 11, № 4. – С. 270-283.

240. Забелла А.А., Мелкина А.Н., Иметинова Н.Н. Саммитовая дипломатия Китая в Центральной Азии // Постсоветские исследования. – 2025. – Т. 8. – №2. – С. 151-160.

241. Заславская Н.Г. Проблемы взаимодействия ЕАЭС и ЕС / Н. Г. Заславская // Управленческое консультирование. – 2017. – № 1. – С. 33–39.

242. Зиядуллаев Н. ЕАЭС: между политикой и экономикой / Н. Зиядуллаев // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 11. – С. 25–37.

243. Иванников Н.С. Экономические и политические факторы, влияющие на сближение Ирана и ЕАЭС / Н. С. Иванников, Д. Г. Чулаби // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – № 3 (45). – С. 150–158.

244. Иванов А.В. Большая Евразия: понятие, вызовы, задачи России и Сибири / А. В. Иванов, С. М. Журавлева // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2020. – Т. 25. – № 3. – С. 12–20.

245. Изотов А.В. Постсоветское пространство в динамике интеграционных процессов, инициируемых внутрирегиональными и внерегиональными акторами: внутренние и внешние аспекты / А.В. Изотов // Социально–политические науки. – 2024. – Т.14. – № 4. – С. 119–121.

246. Кадырбек Ж. Цифровизация трудовой миграции в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС / Ж. Кадырбек, К. Кобландин // International Relations and International Law Journal. – 2025. – Т. 109. – № 1. – С. 126–136.

247. Карпович О.Г. Многополярность формируется в реальном мире / О. Г. Карпович, М. Троянский. – Текст: электронный // Международная жизнь. – 2020. – № 8. – URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2379 (дата обращения: 02.01.2026).

248. Кефели И.Ф. Геополитические аспекты инициатив и проектов формирования «Большого евразийского партнерства» / И. Ф. Кефели // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 3. – С. 65–76.

249. Киселев С.Г. Геоцивилизации, глобализация и регионализация / С. Г. Киселев // Век глобализации. – 2024. – Т. 4. – № 52. – С. 158–168.

250. Ковалев А.А. Влияние процессов глобализации и регионализации на вопрос национальной и государственной безопасности: путь от экономики до геополитики / А. А. Ковалев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 6. – № 351. – С. 1150–1161.

251. Коктыш К.Е. Актуальные вызовы и перспективы Евразийской экономической комиссии как переговорной площадки / К. Е. Коктыш, А. В. Ренард–Коктыш // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2024. – № 1. – С. 155–168.

252. Коровникова Н.А. ЕАЭС – интеграция в свете российско–украинского конфликта / Н. А. Коровникова // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. XXII Национальная научная конференция с международным участием Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения. – Москва, 2023. – С. 161–162.

253. Коровникова Н.А. Проблемы и тенденции европейской интеграции в 2016–2022 гг. / Н. А. Коровникова, А. В. Полторацкая // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3(12). – С. 120–131.

254. Коровникова Н.А. Теоретическое измерение международной интеграции: европейский ракурс / Н. А. Коровникова // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 12–32.

255. Кортунов А.В. Почему мир не становится многополярным / Кортунов А.В. – Текст: электронный // РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics–and–comments/analytics/pochemu–mir–ne–stanovitsya–mnogopolyarnym/ (дата обращения: 02.01.2026).

256. Кротков В.О. Идентификация тенденций современных международных отношений: формирование новой субъектности / В. О. Кротков // Постсоветский материк. – 2022. – № 2 (34). – С. 12–20.

257. Кротов М.И. Евразийская интеграция — ответ западной модели глобализации / М. И. Кротов // Журнал «Разведчик». – 2022. – № 1(1). – С. 19–20.

258. Кротов М.И. Евразийская экономическая интеграция в новой глобальной реальности: системный подход и разрешение противоречий / М. И. Кротов, Л. Э. Слуцкий, О. И. Батистова // Проблемы современной экономики. – 2020. – Т. 4. – № 76. – С. 6–14.

259. Кротов М.И. Евразийский вектор – приоритет парламентской дипломатии России / М. И. Кротов, А. А. Середа // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – № 1 (43). – С. 16–28.

260. Кротов М.И. Распад СССР и Беловежское Соглашение в исторической памяти / М. И. Кротов // Проблемы современной экономики. – 2021. – Т. 80. – № 4. – С. 6–11.

261. Кудаяров К.А. Аналитические центры Киргизии и Казахстана о СВО и российско–украинском кризисе / К. А. Кудаяров // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 3. – С. 76–96.

262. Кузнецов А.В. Влияние политики США на ЕАЭС / А. В. Кузнецов. – Текст: электронный // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – Т. 3. – № 1. – URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie–politiki–ssha–na–eaes (дата обращения: 17.06.2025).

263. Кузнецов А.В. Дедолларизация международных расчетов: тенденции и перспективы / А. В. Кузнецов // ЭКО. – 2024. – № 3(597). – С. 8–31.

264. Курылев К.П. Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России / К. П. Курылев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16. – № 1. – С. 75–86.

265. Курылев К.П. Страновое измерение процессов евразийской интеграции в СНГ / К.П. Курылев, Д.В. Малышев, Д.В. Станис // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 1. – С. 119-128.

266. Кучинская Т.Н. Китайский новый регионализм в мировых интеграционных процессах: вопросы теории и практики (на примере ЕАЭС) / Т. Н. Кучинская, Т. В. Колпакова // Российско–китайские исследования. – 2017. – № 1. – С. 50–62.

267. Лагутина М.Л. «Мирное сосуществование» во внешнеполитических стратегиях России и Китая: монография / М. Л. Лагутина, А. А. Нечай. – СПб: ПОЛИТЕХ–ПРЕСС, 2024. – 216 с.

268. Лагутина М.Л. Интеграция как инструмент глобальной регионализации / М. Л. Лагутина // Научно–технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – Т. 3. – № 227. – С. 9–18.

269. Лагутина М.Л. Проблемы становления евразийского регионализма / М. Л. Лагутина // Семнадцатые Байкальские социально–гуманитарные чтения: материалы / Ю.А. Зуляр. – Российская Федерация: Иркутский государственный университет, 2025. – С. 131–140.

270. Лагутина М.Л. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов / М. Л. Лагутина, Е. Б. Михайленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 261–278.

271. Лапенко М.В. Внешний контур ЕАЭС: потенциал расширения и поиск оптимальных механизмов взаимодействия / М. В. Лапенко // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. – 2016а. – № 1. – С. 71–76.

272. Лапенко М.В. Развитие евразийской интеграции: движение от «евразийской тройки» к континентальному Евразийскому партнерству / М. В. Лапенко // Постсоветские исследования. – 2018. – Т. 1. – № 8. – С. 746–755.

273. Лескова И.В., Парфенов Д.А., Адамская Л.В. Большая Евразия: Россия или Китай / И.В. Лескова // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 2. – С. 1–10.

274. Лескова И.В., Парфенов Д.А., Адамская Л.В. Евразийская интеграция и реинтеграция России: вызов неолиберальному миропорядку на основе традиционных ценностей / И.В. Лескова, Д.А. Парфенов, Л.В. Адамская // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15 – № 1. – URL: https://esj.today/PDF/83ECVN123.pdf (Дата обращения: 04.10.2026).

275. Лихачев М.А. Казахстан 2015: экономический кризис, политическая стабильность и международная многовекторность / М. А. Лихачев. – Текст: электронный // Российский институт стратегических исследований. – 2015. – URL: https://riss.ru/analitica/kazakhstan–2015–ekonomicheskiy–krizis–politicheskaya–stabilnost–i–mezhdunarodnaya–mnogovektornost/?ysclid=mm9hq44bu5240395418 (дата обращения: 21.01.2026).

276. Лихачева А.Б. Евразийский экономический союз и интеграционные процессы в АТР / А. Б. Лихачева // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – № 1. – С. 69–85.

277. Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии / А. В. Лукин // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 46–59.

278. Лукьянов Ф.А. Треугольник в круге: реальная многополярность – 2025 / Ф. А. Лукьянов. – Текст: электронный // Россия в глобальной политике. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/treugolnik–v–kruge–lukyanov/ (дата обращения: 02.01.2026).

279. Любина Д.Е. Концепция Большой Евразии в условиях глобализации: геополитическое измерение / Д. Е. Любина // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2022. – Т. 11. – № 2(42). – С. 153–161.

280. Мадиярова Д.М. Оценка современных позиций Казахстана и интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе на этапе формирования нового мирового порядка / Д. М. Мадиярова, Т. С. Малахова // Известия СПбГЭУ. – 2022. – № 2 (134). – С. 28–34.

281. Мазулина А.Н. Региональные торговые соглашения в сфере услуг – новый инструмент внешнеторговой политики Республики Беларусь / А. Н. Мазулина // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2022. – Т. 2. – № 296. – С. 19.

282. Мазулина А.Н. Соглашение Беларуси и Китая о торговле услугами и осуществлении инвестиций: сравнительный анализ положений и обязательств (часть 1) / А. Н. Мазулина, Е. Д. Батый // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2025. – Т. 333. – № 3. – С. 29–45.

283. Маленькая война, которая не потрясла мир: взгляд из Еревана / Текст: электронный // РСМД. – 2016. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics–and–comments/analytics/malenkaya–voyna–kotoraya–ne–potryasla–mir–vzglyad–iz–erevana/?ysclid=mm9i5ofxm248615516 (дата обращения: 05.02.2026).

284. Малышев Д.В. Страны Центральной Азии и украинский кризис: основные реакции / Д. В. Малышев // Постсоветские исследования. – 2026. – Т. 9, № 1. – С. 36-43.

285. Малышева Д.Б. Политическое взаимодействие центральноазиатских участников ЕАЭС и европейского союза / Д. Б. Малышева // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – № 2. – С. 98–116.

286. Маркедонов С.М. Постсоветское пространство: распад или сохранение? / С. М. Маркедонов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2017. – Т. 2. – № 8. – С. 9–16.

287. Мартыненко С.Е. Теория «Большой Евразии» Ю. Кофнера как пример понимания евразийской проблематики в немецкой политологии / С. Е. Мартыненко // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10. – № 8(60). – С. 2376–2385.

288. Махмутова Е.В. Влияние антироссийских санкций на Евразийский экономический союз / Е. В. Махмутова // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2019. – № 3. – С. 99–116.

289. Медведев Н.П. Этнополитическая регионалистика СНГ / Н. П. Медведев // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 76–82.

290. Медынская И.В. Анализ потенциала взаимовыгодного сотрудничества в реализации национальных интересов стран ЕАЭС, Большой Евразии и государствах БРИКС+ / И. В. Медынская // Проблемы современной экономики. – 2025. – № 1(93). – С. 31–36.

291. Мешкова Т.А. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества / Т. А. Мешкова, В. С. Изотов, О. В. Демидкина, Ю. К. Кофнер // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2019. – № 1. – С. 7–33.

292. Мешкова Т.А. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества / Т. А. Мешкова, В. С. Изотов, О. В. Демидкина, Ю. К. Кофнер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21. – № 1. – С. 7–33.

293. Михайленко В.И. Между глобализмом и регионализмом: представления о мировом порядке в странах Индо–Тихоокеанского региона / В. И. Михайленко, Е. Б. Михайленко, Н. В. Мамин // История и современное мировоззрение. – 2024. – № 4. – С. 13–20.

294. Михайленко Е.Б. Альтернативный регионализм БРИКС / Е. Б. Михайленко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2016. – Т. 11. – № 3. – С. 194–206.

295. Можейко А. Интеграционный потенциал ЕАЭС / А. Можейко // Банкаўскі веснік. – 2021. – № 9. – С. 38–51.

296. Мытыев М.Ч. Кыргызско–венгерское двустороннее сотрудничество: история, реалии и перспективы / М. Ч. Мытыев // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2023. – Т. 2. – № 50. – С. 149–156.

297. Мытыев М.Ч. Кыргызско–казахские двусторонние отношения: 30 лет братства и добрососедства / М. Ч. Мытыев // Вестник Международного университета Кыргызстана. – Т. 4. – № 48. – С. 405–409.

298. Мытыев М.Ч. Экономическая дипломатия Кыргызской Республики в евразийских интеграционных процессах / М. Ч. Мытыев // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2023. – Т. 4. – № 52. – С. 505–510.

299. Мясникович М. Миссия ЕАЭС–2025: региональный центр экономического развития и опора Большой Евразии / М. Мясникович, В. Ковалев // Наука и инновации. – 2021. – № 1(215). – С. 4–11.

300. Мясникович М.В. Евразийский экономический союз: переосмысливая суверенный путь развития / М. В. Мясникович, В. С. Ковалев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 11–17.

301. Надточей Ю.И. «Наступательный реализм» по–европейски: расширение ЕС и его геополитические аспекты // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2024. – №72(88). – С. 13–25.

302. Назарбаев Н. Оригинальный текст выступления Н. А. Назарбаева 29 марта 1994 г. В Московском государственном университете // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2016. – №1 (19). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/originalnyy–tekst–vystupleniya–n–a–nazarbaeva–

29–marta–1994–g–v–moskovskom–gosudarstvennom–universitete (дата обращения: 06.03.2025).

303. Наматбекова Н.М. Глобальная регионализация как процесс мир–системного развития / Н. М. Наматбекова // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2020. – Т. 1. – № 40. – С. 100–115.

304. Новиков Д.П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России / Д. П. Новиков // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13. – № 3. – С. 82–96.

305. Новиков Д.П. В поисках Евразии: сравнительный анализ экспертного и академического дискурсов о евразийском регионализме в России и КНР / Д.П. Новиков, А.П. Бочарова // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 3. – С. 25-40.

306. Нуртазин М.М. Роль Республики Казахстан в геополитической трансформации в рамках «Евразийского проекта» / М. М. Нуртазин // Проблемы постсоветского пространства. – 2018. – Т. 5. – № 2. – С. 191–202.

307. Огнева В.В. Евразийское пространство: тенденции трансформации, потенциал расширения партнерства / В. В. Огнева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – № 4. – С. 86–99.

308. Окунев И.Ю. Эффект соседства в Большой Евразии: пространственный автокорреляционный и кластерный анализ / И. Ю. Окунев, Л. П. Шматкова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2021. – Т. 37. – С. 58–65.

309. Оторчиева А.Ж. Развитие инвестиционной политики Кыргызской Республики и влияние ее на экономику страны / А. Ж. Оторчиева // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2022. – Т. 2. – № 46. – С. 183–202.

310. Павловская Ю.В. Развитие промышленной кооперации Республики Беларусь с государствами–членами ЕАЭС: барьеры и пути их преодоления / Ю. В. Павловская // Экономический бюллетень Научно–

исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2021. – Т. 5. – № 287. – С. 40–45.

311. Песцов С.К. Регионализм и система международных отношений / С. К. Песцов // Вестник ДВО РАН. – 2005. – № 2. – С. 65–70.

312. Петросян Е.Г. Государственный долг Республики Армения: основные вызовы / Е.Г. Петросян // Регион и мир. – 2025. – № 4 (59). – С. 166–170.

313. Плотникова О.В. Глобализация и регионализация, их влияние на международное сотрудничество регионов / О. В. Плотникова, О. Ю. Дубровина // Власть. – 2013. – № 2. – С. 134–136.

314. Погосян Г.А. Перспективы евразийской социально–экономической интерграции (взгляд из Армении) / Г. А. Погосян // Социальные новации и социальные науки. – 2022. – № 2(7). – С. 22–30.

315. Погосян Г.А. Проблемы и перспективы евразийской интеграции в контексте общественных настроений Армении / Г. А. Погосян // Вестник Санкт–Петербургского университета. Социология. – 2024. – № 3. – С. 286–299.

316. Попкова А.С. Теоретико–методологические аспекты формирования благоприятной бизнес–среды в Республике Беларусь / А. С. Попкова // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2022. – Т. 8. – № 302. – С. 10–18.

317. Прохоренко И.Л. Новый регионализм: проблема конфигурации современного миропорядка / И. Л. Прохоренко // Пути к миру и безопасности. – 2015. – Т. 2. – № 49. – С. 20–28.

318. Пыжиков Н.С. Большое Евразийское партнерство и перспективы развития ЕАЭС / Н. С. Пыжиков, Т. М. Алиев, В. Н. Живалов // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № IV (LXV). – С. 200–222.

319. Радонежская О.Н. Международно–политический статус государства — наблюдателя при ЕАЭС: проблемы и перспективы институционализации / О. Н. Радонежская // Вестник Балтийского

федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – № 4. – С. 96–113.

320. Роюк А.Г. Некоторые задачи Беларуси в ЕАЭС / А. Г. Роюк // Беларусь в условиях глобализации и интеграции Международной научной конференции. – Минск, 2018. – С. 200–201.

321. Рыбакова М.В. Евразийский регион: теоретический аспект интеграционных процессов / М. В. Рыбакова, А. В. Паламарчук // Социально–гуманитарные знания. – 2017. – Т. 2. – С. 103–109.

322. Сарсембаев Д.М. Международно–правовое валютное регулирование в рамках евразийской интеграции (к вопросу о единой валюте) / Д. М. Сарсембаев // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2021. – Т. 1. – № 64. – С. 294–304.

323. Семенов Н.С. Информационные отношения в ЕАЭС / Н. С. Семенов // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2022. – Т. 46. – № 2. – С. 89–94.

324. Сердюков И.А. Эволюция международных отношений ЕАЭС через призму стратегических документов ЕЭК / И. А. Сердюков // Социально–гуманитарные знания. – 2025. – Т. 12. – С. 108–116.

325. Сердюков И.А., Лапенко М.В. Евразийская интеграция в российской политической повестке: количественный анализ веб-сайтов политических партий / Сердюков И.А., Лапенко М.В. // Постсоветские исследования. – 2024. – №1. – С. 50–60.

326. Сидоров А.С. Регионализация как важнейший тренд современного мирового развития / А. С. Сидоров, В. В. Огнева. – Текст: электронный // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizatsiya–kak–vazhneyshiy–trend–sovremennogo–mirovogo–razvitiya (дата обращения: 10.03.2026).

327. Слуцкий Л.Э. Вызовы и перспективы евразийской интеграции в меняющемся мире / Л. Э. Слуцкий // Статистика и экономика. – 2023. – № 3. – С. 46–55.

328. Сотрудничество Индии с ЕАЭС и ШОС / Д.В. Малышев, К.П. Курылев, Н.Г. Смолик, Д.В. Станис // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 11. – С. 115-124.

329. Столярова У.А. Первый Саммит ЕС – Центральная Азия: ключевые итоги / Столярова У.А. – Текст: электронный // Актуальные комментарии. ИМЭМО РАН. – URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/perviy-sammit-es-tsentralynaya-aziya-klyuchevie-itogi (Дата обращения: 16.05.2026).

330. Струлькова А.А. Инициатива ЕС «Глобальные ворота» в Центральной Азии / Струлькова А.А. – Текст: электронный // РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics–and–comments/columns/postsoviet/initsiativa–es–globalnye–vorota–v–tsentralnoy–azii/ (Дата обращения: 14.05.2026).

331. Суточкин Р.С. Роль проекта «Большое Евразийское партнерство» в политике Казахстана через призму его участия в СНГ, ЕАЭС и ОДКБ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2025. – Т. 19 – № 4. – С. 129–138.

332. Сченснович В.Н. Проблемы интеграции государств Центральной Азии и Иран / В. Н. Сченснович // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 3. – С. 97–109.

333. Сыздыков Б.А. Развитие инвестиционного сотрудничества в рамках ЕАЭС / Б. А. Сыздыков // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2022. – Т. 1. – № 295. – С. 11–20.

334. Тарарышкина Л.И. Формирование общего рынка транспортных услуг как фактор эффективности евразийской интеграции / Л. И. Тарарышкина, Т. А. Ястреб // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – Т. 2. – № 3. – С. 398–402.

335. Телегин Д.С. Роль арктического региона в формировании проекта «Большая Евразия» / Д. С. Телегин // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 10(86). – С. 3503–3508.

336. Трещенков Е.Ю. Надгосударственность и суверенитет в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе / Е. Ю. Трещенков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2023. – № 3. – С. 74–91.

337. Титок И.В. Методологические подходы к формированию системы мониторинга стратегии развития межгосударственных интеграционных связей / И. В. Титок // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2023. – Т. 4. – № 310. – С. 22–28.

338. Титок И.В. Эффекты межгосударственной экономической интеграции и особенности их оценки / И. В. Титок, Е. В. Ткачук, М. Ю. Мартинкевич // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2024. – Т. 9. – № 327 – С. 16–29.

339. Толочко О.Н. Совершенствование норм права ЕАЭС в сфере экологизации транспортных систем / О. Н. Толочко // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2024. – Т. 79. – № 4. – С. 187–195.

340. Торопыгин А.В. Роль ЕАЭС в становлении многополярного устройства в мировой политике / А. В. Торопыгин, Т. В. Ирошкина. – Текст: электронный // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – Т. 49. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol–eaes–v–stanovlenii–mnogopolyarnogo–ustroystva–v–mirovoy–politike (дата обращения: 17.06.2025).

341. Трещенков Е.Ю. Надгосударственность и суверенитет в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе / Е. Ю. Трещенков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2023. – № 3. – С. 74–91.

342. Тупчиенко В.А. Развитие экономики России с учетом вновь присоединенных территорий / В. А. Тупчиенко // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № №2 (34). – С. 173–180.

343. Турусбеков Д.Б. Евразийский экономический союз во внешней политике Кыргызской Республики // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6 – № 6. – С. 610-616.

344. Усонов М.М. Динамика развития конкурентных отношений / М. М. Усонов, Ш. И. Кадыров, А. Ы. Кунназаров // Вестник Кыргызстана. – 2022. – № 1–2. – С. 154–158.

345. Федоров Н.В. Роль цифровизации в диалоге ЕАЭС И АСЕАН / Н. В. Федоров // Сравнительная политика. – 2023. – № 4. – С. 31–44.

346. Феофанов К.А. Цивилизационное моделирование региональных международных отношений (на примере Большой Евразии) / К. А. Феофанов // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1(9). – С. 50–62.

347. Харитонова Н.И. Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве / Н. И. Харитонова, А. В. Гущин // Постсоветские исследования. – 2023. – № 6 (6). – С. 597–609.

348. Хоперская Л.Л. Новая интеграция в многополярном мире / Л. Л. Хоперская // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 1. – С. 23–30.

349. Цзе Х. Внешняя торговля Кыргызстана: география и перспективы развития / Х. Цзе // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17. – № 8. – С. 1049–1060.

350. Цыганков А.П. Россия и справедливый мир: как преодолеть новую биполярность? / А. П. Цыганков, П. А. Цыганков // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2025. – № 2. – С. 161–176.

351. Чмырева В.А. ЕАЭС в Латино-Карибской Америке: проблемы и возможности для трансграничного партнерства / В.А. Чмырева // Общество и экономика. – 2026. – № 3-4. – С. 182-199.

352. Чмырева В.А. Евразийско-монгольское сотрудничество: новые возможности и вызовы для России / В.А. Чмырева // Общество и экономика. – 2025. – № 1. – С. 72-84.

353. Чмырева В.А. Турецкий фактор на пространстве ЕАЭС: конкурентное сотрудничество с позиции интересов России / В.А. Чмырева // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2025. – Т. 19, № 3(53). – С. 137-147.

354. Чолахян В.А. Торгово–экономические отношения между Арменией и Россией в постсоветский период / В. А. Чолахян // Известия Саратовского университета. История. Международные отношения. – 2024. – № 2. – С. 200–209.

355. Чуньцзе В. Евразийство: глобальные вызовы и новый миропорядок в политической философии А.Г. Дугина / В. Чуньцзе // Мировая политика. – 2021. – № 2. – С. 71–79.

356. Шахрай С.М. Мифология распада СССР: Мифология распада СССР / С. М. Шахрай, С. Н. Станских // Журнал российского права. – 2010. – Т. 1. – № 157. – С. 127–137.

357. Широв А.А. Казахстан: от политики стабилизации к устойчивому экономическому развитию / А. А. Широв, К. Е. Савчишина, В. В. Потапенко. – Текст: электронный // ЭКО. – 2015. – Т. 494. – № 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kazahstan–ot–politiki–stabilizatsii–k–ustoychivomu–ekonomicheskomu–razvitiyu (дата обращения: 16.06.2025).

358. Шурубович А.В. Белоруссия в ЕАЭС: тенденции, проблемы, перспективы / А. В. Шурубович // Россия и мир в XXI веке. – 2019. – № 4 (105). – С. 91–110.

359. Энтин М.Л. Видимость или реальность ускорения процессов формирования Большой Евразии / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 6. Ч. 1. – Москва, 2023. – С. 505–510.

360. Якубук Ю.П. Риски и возможности сотрудничества Беларуси и Китая в транспортно–логистической сфере / Ю. П. Якубук // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2023. – Т. 317. – № 11. – С. 4–15.

361. Якубук Ю.П. Риски и возможности сотрудничества Беларуси и Китая в транспортно–логистической сфере / Ю. П. Якубук // Экономический бюллетень Научно–исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2023. – Т. 317. – № 11. – С. 4–15.

362. Янкин Г.Н. Political prospects of the EAEU as a union of states within the framework of the concept of «Greater Eurasia» / Г. Н. Янкин // Евразийский юридический журнал. – 2021. – Т. 4. – № 155. – С. 69–70.

363. Ярошенко Г.В., Комерцов В.В., Шестаков С.С. Перспективы сотрудничества Российской Федерации и стран Средней Азии в сфере безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – №1. – С. 224-230.

б) на английском языке

364. Abbas S.R. Russia’s Eurasian union dream / S. R. Abbas // Journal of Global Faultlines. – 2022. –Vol. 9. – № 1. – P. 33–43.

365. Acharya A. Asian Regional Institutions and the Possibilities for Socializing the Behavior of States / A. Acharya. – Text: electronic // ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. – 2011. – URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/109586/1/wp–082.pdf (date accessed: 10.03.2026).

366. Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? / A. Acharya // The International Spectator. – 2012. –Vol. 47. – Comparative Regionalism. – № 1. – P. 3–15.

367. Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? / A. Acharya // The International Spectator. – 2012. – Vol. 47. – № 1. – P. 3–15.

368. Acharya A. Regional worlds in a post–hegemonic era / A. Acharya // International Affairs. – 2023. – Vol. 99. – № 2. – P. 453–470.

369. Acharya A. Regionalism beyond the European Union: The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / A. Acharya. – Oxford University Press, 2021. – P. 23–41.

370. Afolabi O. Theories of Regional Economic Integration and the Applicability Questions in West Africa. / O. Afolabi, K. Seriki // he IUP Journal of International Relations. – 2020. –Vol. XIV. – № 3. – P. 37–47.

371. Ahmad I. Rethinking regionalism beyond European integration / I. Ahmad // Pakistan Journal of Social Research. – 2022. –Vol. 04. – № 01. – P. 983–989.

372. Akimova A.O. Protectionism as a tool of Russian foreign policy in the context of a multipolar world order / A. O. Akimova, R. Kh. Aynetdinov // Post–Soviet Continent. – 2025. – № 4. – P. 63–76.

373. Baba G. Turkey and the Greater Eurasian Partnership / G. Baba, E. Ersen // Uluslararası İlişkiler / International Relations. – 2023. –Vol. 20. – № 79. – P. 123–142.

374. Balassa B. Economic Integration. In: The New Palgrave: A Dictionary of Economics / B. Balassa; J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman ред. . – London: Macmillan, 1987. – 173–179 P.

375. Borodenko M. Trade and Economic Relations between Russia and Ukraine / M. Borodenko // Russia and New States of Eurasia. – 2020. – № 3. – P. 114–125.

376. Börzel T. The transformative power of Europe revisited / T. Börzel, T. Risse // West European Politics. – 2024. – Vol. 47. – № 1. – P. 1–24.

377. Börzel T.A. Comparative Regionalism: A New Research Agenda / T. A. Börzel // KFG Working Paper. – 2011. – № 28. – P. 3–28.

378. Caporaso J.A. Theory and Method in the Study of International Integration / J. A. Caporaso // International Organization. – 1971. –Vol. 25. – № 2. – P. 228–253.

379. Chebankova E. Russia's idea of the multipolar world order: origins and main dimensions / E. Chebankova // Post–Soviet Affairs. – 2017. – Vol. 33. – № 3. – P. 217–234.

380. Dossymkhan Ye. Risks and prospects of Kazakhstan's participation in EAEU under the conditions of modern political situation / Ye. Dossymkhan, M. Dyussembekova // Journal of Philosophy, Culture and Political Science. – 2022. – Vol. 82. – № 4. – P. 102–111.

381. Dragneva R. The Eurasian Economic Union: deals, rules and the exercise of power: Research paper / R. Dragneva, K. Wolczuk. – London: The Royal Institute of International Affairs, Chatham House, 2017. – URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017–05–02–eurasian–economic–union–dragneva–wolczuk.pdf (date accessed: 26.06.2025).

382. Fawcett L. Regionalism in world politics: Past and present / L. Fawcett // International Affairs. – 2024. – Vol. 100. – № 1. – P. 15–33.

383. Gavin B. Economic theories of regional integration / B. Gavin, P. De Lombaerde // Global politics of regionalism: Theory and practice. – 2005. – P. 69–83.

384. Gunasena T. The applicability of adopting European Union's integration model in South Asia: a comparative analysis of European Union and South Asian association for regional cooperation / T. Gunasena. // International Journal of Social Sciences. – 2016. –Vol. V. – № 2. – URL: http://iises.net/international–journal–of–social–sciences/publication–detail–686?download=2 (date of access: 08.01.2026).

385. Gürcan E.C. The construction of "post–hegemonic multipolarity" in Eurasia: A comparative perspective / E. C. Gürcan // The Japanese Political Economy. – 2020. – Vol. 46. – № 2–3. – P. 127–151.

386. Hooghe L. Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus / L. Hooghe, G. A. Marks // British Journal of Political Science. – 2009. –Vol. 39. – № 1. – P. 1–23.

387. Kaplan M.A. System and Process in International Politics: ECPR Press Classics / M. A. Kaplan. – ECPR, 2005. – 260 p.

388. Kembayev Z. Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post–Soviet Area / Z. Kembayev. – Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 2009. – URL: http://link.springer.com/10.1007/978–3–540–87652–6 (дата обращения: 08.01.2026).

389. Kim M. Integration Theory and ASEAN Integration / M. Kim // Pacific Focus. – 2014. – Vol. 29. – № 3. – P. 374–394.

390. Kim S. The Experience of European Integration and Potential for Northeast Asian Integration / S. Kim, P. C. Schmitter // Asian Perspective. – 2005. –Vol. 29. – № 2. – P. 5–39.

391. Korovnikova N. Theoretical dimension of international integration: European perspective / N. Korovnikova // Social Novelties & Social Sciences: a View from Moscow. – 2023. – № 1. – P. 8–26.

392. Kurowska X. Multipolarity as resistance to liberal norms: Russia's position on responsibility to protect / X. Kurowska // Conflict, Security & Development. – 2014. – Vol. 14. – № 4. – P. 489–508.

393. Laruelle M. Accusing Russia of Fascism / M. Laruelle // Russia in Global Affairs. – 2020. –Vol. 18. – № 4. – P. 100–123.

394. Lenz T. Comparative regionalism beyond Europe versus the rest / T. Lenz // Review of International Studies. – 2020. – Vol. 46. – № 4. – P. 449–472.

395. Li Y. The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? / Y. Li // Journal of Eurasian Studies. – 2018. –Vol. 9. – № 2. – P. 94–99.

396. Malamud A. Spillover in European and South American Integration: An Assessment / A. Malamud // CIES e–Working Paper. – URL: https://eulacfoundation.org/system/files/digital_library/2023–

07/The%20experience%20of%20European%20integration%20and%20the%20potential%20for%20integration%20in%20South%20America.pdf (date of access: 08.01.2025).

397. Monteiro V. A new Eurasian Bloc? Characterizing the activity of former Soviet and Turkic countries at the UN General Assembly – ¿Un nuevo bloque eurasiático? Caracterización de la actividad de los ex países soviéticos y túrquicos en la Asamblea General de la ONU / V. Monteiro, V. Santana, R. Mesquita // Estudios Internacionales. – 2023. –Vol. 55. – № 206. – P. 9–42.

398. Mostafa G. The Concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian Policy and its Implications / G. Mostafa // Journal of Eurasian Studies. – 2013. –Vol. 4. – № 2. – P. 160–170.

399. Nasibov M. The agency of secondary states in post–Soviet Eurasian regionalism / M. Nasibov, A. Gawrich. – Текст: электронный // International Politics. – 2025. – URL: https://link.springer.com/10.1057/s41311–025–00704–x (date of access: 08.01.2025).

400. National Research University Higher School of Economics. Creating a Common EAEU Financial Market: Opportunities and Limitations From the Perspective of Russia's National Interests / National Research University Higher School of Economics, V. Izotov, T. Meshkova и др. // International Organisations Research Journal. – 2020. –Vol. 15. – Creating a Common EAEU Financial Market. – № 3. – P. 129–152.

401. Parlar Dal E. Russia in the Changing International System / E. Parlar Dal, E. Erşen. – Cham: Springer International Publishing, 2020. – URL: https://link.springer.com/10.1007/978–3–030–21832–4 (date of access: 08.01.2025).

402. Pieper M. The linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian economic union between Russia's defensive regionalism and China's new Silk Roads / M. Pieper // International Politics. – 2021. –Vol. 58. – The linchpin of Eurasia. – № 3. – P. 462–482.

403. Sargsyan Sh.A. Scientific cooperation between Armenian and the EAEU: reality and development trends / Sh. A. Sargsyan, A. R. Mirzoyan, A. A.

Manukyan и др. // Scholarly Research and Information. – 2019. –Vol. 2. – № 1. – P. 6–18.

404. Schimmelfennig F. European integration theory in times of crisis / F. Schimmelfennig // Journal of European Public Policy. – 2024. – Vol. 31. – № 2. – P. 248.

405. Shegirbayev O. Kazakhstan within the Framework of the OTS and the EAEU: Comparative Analysis / O. Shegirbayev // Russia and New States of Eurasia. – 2024. – № 4. – P. 152–165.

406. Söderbaum F. Old, new and comparative regionalism: The scholarly development of the field / F. Söderbaum // Globalizations. – 2025. – Vol. 22. – № 1. – P. 75–90.

407. Söderbaum F. Rethinking regionalism / F. Söderbaum // Current History. – 2021. – Vol. 120. – № 823. – P. 3–8.

408. Waal T. de. The End of the Near Abroad / T. de Waal. – Carnegie Endowment for International Peace, 2024. – URL: http://www.jstor.org/stable/resrep60135 (date accessed: 11.01.2026).

409. Warleigh-Lack A. Rethinking EU Studies: The Contribution of Comparative Regionalism / A. Warleigh-Lack, L. V. Langenhove // Journal of European Integration. – 2010. –Vol. 32. – № 6. – P. 541–562.

410. Zhiltsov S.S. Eurasian integration: analysis of the key documents adopted by the EAEU member states / S.S. Zhiltsov // Post-Soviet Issues. – 2025. – Vol. 12, No. 2. – P. 135-150.

411. Нұрланова Н. Қ. Исследование динамики экономической устойчивости Западно–Казахстанских регионов и рекомендации по ее повышению / Н. Қ. Нұрланова, Н. Қ. Сапарбек // Qainar Journal of Social Science. – 2024. – Т. 3. – № 3. – С. 39–53.

в) на китайском языке

412. Gu W. Differentiated Competition and Cooperation between China, the US, Russia and the EU in Eurasia and Its Impact [中美俄欧在欧亚地区的差异化竞合及其影响] / W. Gu // Academic. Journal of Russian Studies. – № 13(2). – P. 37–59 (In Chinese)

413. Hu J. Time and Space of the “Eurasian Phenomenon”[“欧亚现象”的时间与空间] / J. Hu // Journal of Sichuan University (Philosophy and Social Science Edition). – 2022. – № 4. – P. 14–24 (In Chinese)

414. Luo Y. Eurasia in the Post–Cold War Era: Interest Restructuring and Governance Challenges [“后冷战” 时代欧亚大陆空间：利益重组与治理挑战] / Y. Luo, X. Xu // Area Studies and Global Development. – 2022. – № 6. – P. 85–106 (In Chinese)

г) на кыргызском языке

415. Аскарбеков Д.Э. Кыргызстан ЕАЭБ: экономикалык кризистен өтүү шарттарынын келечеги жөнүндө / Д. Э. Аскарбеков, Н. Чыныбаева // Вестник Международного университета Кыргызстана. – 2023b. – Т. 5. – № 50. – С. 222–230.

Приложения

Приложение 1

Сравнительный анализ принципиальных и концептуальных позиций евразийской интеграции в Декларации-2025 и Декларации-2030

	Декларация 2025	**Декларация 2030**
Самовосприятие ЕАЭС	Как «Полноправный субъект мировой экономики»	Как «Международная организация региональной экономической интеграции»
Роль интеграции для государств	Дополнительный импульс развитию экономического сотрудничества	Укрепление равноправных, взаимовыгодных и дружественных отношений
Приоритеты развития	Принятие амбициозных решений по развитию интеграции, расширение областей экономического сотрудничества и совершенствование институтов ЕАЭС	Развитие общих рынков; обеспечение устойчивого роста государств-членов; мирное созидательное развитие евразийского региона;
Цель развития	Сделать ЕАЭС процветающим, устойчивым и социально ориентированным объединением, авторитетным и конкурентоспособным на международной арене	Создание самодостаточного, гармонично развитого и привлекательного макрорегиона, обладающего экономико-техническим и интеллектуальным лидерством
Внешние отношения	Всестороннее развитие экономических отношений с внешними партнерами	Открытость ЕАЭС для новых членов; развитие сотрудничества в сферах, представляющих экономический интерес для государств-членов, наблюдателей, третьих

		стран и других региональных и международных организаций
Внешняя обстановка	Развитие интеграции на фоне новых глобальных научно-технических, социально-экономических и геоэкономических вызовов	Цифровизация как ключевая составляющая модернизации экономик; совместная работа по исполнению ЦУР ООН;

Составлено автором на основе документов «Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза»[298] *и «Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года …»*[299]

[298] Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза // Правовой портал ЕЭК – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/4047/ (Дата обращения: 17.07.2025)

[299] Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Правовой портал ЕЭК – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/ (Дата обращения: 17.07.2025)

Приложение 2

Результаты сравнительного анализа ключевых направлений развития интеграции, указанные в Декларации-2025 и Декларации-2030

	Декларация 2025	**Декларация 2030**
Количество пунктов	4	6
Общий рынок ЕАЭС	Обеспечение максимальной эффективности единого рынка ЕАЭС и реализация его возможностей для рынка и потребителей (13 пп.)	Обеспечение общего рынка ЕАЭС ключевыми товарами и ресурсами и его эффективное функционирование (22 пп.)
Развитие в перспективных научных и технических направлениях	Формирование «территории инноваций» и стимулирование НТП (13 пп.)	Формирование общего пространства кооперационного взаимодействия и сотрудничества в сфере технологического развития (11 пп.)
Социальная сфера	Раскрытие потенциала интеграции для людей, повышение их благосостояния и качества жизни (6 пп.)	-
Международная позиция	Формирование ЕАЭС как одного из наиболее значимых центров развития современного мира, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами и выстраивания форматов взаимодействия (4 пп.)	Функционирование ЕАЭС как полюса экономического притяжения на международной арене (5 пп.)
Транспортное пространство	-	Формирование общего транспортно-логистического пространства

		(13 пп.)
Интеграция финансового сектора	-	Формирование общего финансового рынка (3 пп.)
Перспективы углубления	-	Развитие экономического сотрудничества в сферах, имеющих интеграционный потенциал (7 пп.)

Составлено автором на основе документов «Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза»[300] *и «Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года …»*[301]

[300] Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза // Правовой портал ЕЭК – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/4047/ (Дата обращения: 17.07.2025)

[301] Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Правовой портал ЕЭК – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/ (Дата обращения: 17.07.2025)

Приложение 3

Соотношение дефицита бюджета к годовому ВВП, %

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Армения	**4,8%**	**5,5%**	**4,8%**	1,6%	0,8%	**5,1%**	**4,5%**	2,2%	1,9%	**3,5%**	**3,5%**
Беларусь	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	1,6%	0,0%	1,5%	0,0%	2,0%	0,7%
Казахстан	2,2%	2,6%	3,0%	0,0%	0,5%	**6,6%**	**3,6%**	0,0%	0,4%	0,7%	0,0%
Киргизия	1,2%	**4,3%**	2,8%	0,2%	0,0%	2,6%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%
Россия	2,5%	3,0%	0,6%	0,0%	0,0%	**3,4%**	0,0%	0,8%	1,8%	1,2%	**3,4%**

Составлено автором по данным ежегодного мониторинга ЕЭК[302]. В случае Беларуси за период 2022-2025 годов использовались данные Национального Статистического комитета РБ[303], опубликованные отчеты об исполнении бюджета[304] и сообщения официальных представителей[305]

[302] Показатели, определяющие устойчивость экономического развития // Евразийская Экономическая Комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/monitoring/ustoichivost.php (Дата обращения: 20.04.2026)

[303] Национальные счета и экономические балансы // Интерактивная информационно–аналитическая система распространения официальной статистической информации – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric–info/1063233 (Дата обращения: 20.04.2026)

[304] Закон Республики Беларусь 4 июля 2024 г. № 21–З Об утверждении отчета об исполнении республиканского бюджета за 2023 год // Национальный правовой интернет–портал Республики Беларусь – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12400021 (Дата обращения: 20.04.2026);

Закон Республики Беларусь 12 июля 2025 г. № 88–З Об утверждении отчета об исполнении республиканского бюджета за 2024 год // Национальный правовой интернет–портал Республики Беларусь – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12500088 (Дата обращения: 20.04.2026);

[305] Дефицит республиканского бюджета в 2025 году был почти в два раза меньше планируемых значений // БелТА Новости Беларуси – URL: https://belta.by/economics/view/defitsit–respublikanskogo–bjudzheta–v–2025–godu–byl–pochti–v–dva–raza–menshe–planiruemyh–znachenij–769267–2026/ (Дата обращения: 20.04.2026)

Приложение 4

Отношение долга государственного сектора к объему ВВП, %

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Армения	43,7%	**51,5%**	**53,4%**	**51,1%**	50,0%	**60,4%**	**61,8%**	48,9%	47,3%	47,9%	46,9%
Беларусь	32,6%	41,5%	41,9%	37,4%	34,9%	38,3%	34,0%	33,5%	31,7%	31,3%	33,1%
Казахстан	17,5%	19,2%	18,9%	18,3%	18,8%	24,9%	23,6%	22,3%	21,8%	23,0%	22,8%
Киргизия	**57,4%**	**58,9%**	**58,6%**	**54,1%**	49,5%	**60,4%**	**55,7%**	45,8%	41,6%	36,2%	39,5%
Россия	11,4%	12,0%	12,0%	11,1%	12,3%	17,2%	14,9%	13,7%	13,5%	13,6%	15,8%
Среднее по странам	32,5%	36,6%	37,0%	34,4%	33,1%	40,2%	38,0%	32,8%	31,2%	30,4%	31,6%

Составлено автором по данным ежегодного мониторинга ЕЭК[306]. В случае Беларуси за период 2022-2024 годов использовались данные аналитического обзора Министерства экономического развития РФ[307], за 2025 год - данные Международного валютного фонда[308].

[306] Показатели, определяющие устойчивость экономического развития // Евразийская Экономическая Комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/monitoring/ustoichivost.php (Дата обращения: 20.04.2026).

[307] Экономика Белоруссии: текущая ситуация и прогноз. Расширенный страновой обзор // Министерство экономического развития РФ – URL: https://integration.vavt.ru/assets/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%20%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F%20(14.04)%20%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93–DV24aVCe.pdf (Дата обращения: 01.05.2026)

[308] General government gross debt // International Monetary Fund – URL: https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/BLR (Дата обращения: 01.05.2026)

Приложение 5

Относительные показатели национальных индексов потребительских цен (ИПЦ, инфляции) по годам

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Армения	-0,1%	-1,1%	2,6%	1,8%	0,7%	3,7%	7,7%	8,3%	-0,6%	1,5%	3,3%
Беларусь	**12%**	**10,6%**	4,6%	**5,6%**	4,7%	7,4%	10%	12,8%	**5,8%**	5,2%	6,8%
Казахстан	**13,6%**	**8,5%**	7,1%	5,3%	5,4%	7,5%	8,4%	**20,3%**	**9,8%**	**8,6%**	**12,3%**
Киргизия	3,4%	-0,5%	3,7%	0,5%	3,1%	**9,7%**	11,2%	**14,7%**	**7,3%**	6,3%	**9,4%**
Россия	**12,9%**	**5,4%**	2,5%	4,3%	3%	4,9%	8,4%	11,9%	**7,4%**	**9,5%**	5,6%
Минимум	-0,1%	-1,1%	2,5%	0,5%	0,7%	3,7%	7,70	8,3%	-0,6%	1,5%	3,3%
Критерий (минимум + 5%)	4,9%	3,9%	7,5%	5,5%	5,7%	8,7%	12,7%	13,3%	4,4%	6,5%	8,3%

Составлено автором по данным ежегодного мониторинга ЕЭК[309]*.*

Данные за 2015 взяты из Годового доклада ЕЭК «Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств - членов ЕАЭС…»[310]*.*

[309] Показатели, определяющие устойчивость экономического развития // Евразийская Экономическая Комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/monitoring/ustoichivost.php (Дата обращения: 20.04.2026).

[310] Годовой доклад за 2015 год «Об итогах и перспективах социально–экономического развития государств – членов ЕАЭС и мерах, предпринятых государствами – членами ЕАЭС в области макроэкономической политики» // Евразийская Экономическая Комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d6d/5.po–itogam–15–g.pdf (Дата обращения: 01.05.2026)

Приложение 6

Сводная таблица исполнения индикаторов устойчивого развития стран ЕАЭС

	2015	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**	**2025**
Армения	2	1	1	2	3	1	1	3	3	2	2
Беларусь	2	2	3	2	3	3	3	3	2	3	3
Казахстан	2	2	3	3	3	2	2	2	2	2	2
Киргизия	2	1	2	2	3	1	2	2	2	3	2
Россия	2	2	3	3	3	2	3	3	2	2	2
Среднее	2	1,6	2,4	2,4	3	1,8	2,2	2,6	2,2	2,4	2,2

Составлено автором по данным, приведенным в Приложении 3, Приложении 4 и Приложении 5 данной работы.

Приложение 7

Степень институционализации общих рынков ЕАЭС

	Рынок услуг	**Рынок финансов**	**Рынок транспорта**	**Электро-энергетика**	**Газ**	**Нефть**
Изначальные сроки запуска общего рынка	2019-2021	-	-	2025	2023	2024
Последние продленные сроки запуска общего рынка	2019-2025	-	-	2027	2024	2027
Скоординированная политика	+	+	+	+	+	+
Приняты концепция и принципов развития	+	+	-	+	+	+
Гармонизация и унификация нац. права	+	-	-	+	+	+
Приняты план и программа формирования	+	-	-	+	+	+
Подготовлена национальная и наднациональная правовая база	-	-	-	-	+	-
Подготовлены международные нормы и инфраструктура	-	-	-	-	+	-
Подписан международный договор, запущены институты	-	-	-	-	+/-	-
Работает ли общий рынок?	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет

Составлена автором на основе решений Высшего Евразийского Совета о формировании и развитии общих рынков[311][312][313][314][315][316]

[311] Решение Высшего совета ЕАЭС от 26.12.2016 № 23 "Об утверждении планов либерализации по секторам услуг, указанным в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. N 30" // Онлайн–сервис «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/16vr0023/ (Дата обращения: 01.05.2026)

[312] Решение Высшего совета ЕАЭС от 01.10.2019 № 20 "О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза" // Онлайн–сервис «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/19vr0020/ (Дата обращения: 01.05.2026)

[313] Решение Высшего совета ЕАЭС от 20.12.2019 № 31 "О плане мероприятий, направленных на формирование общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза" // Онлайн–сервис «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/19vr0031/ (Дата обращения: 01.05.2026)

[314] Решение Евразийского межправительственного совета от 26.10.2023 № 5 "Об утверждении Правил взаимной торговли электрической энергией на общем электроэнергетическом рынке Евразийского экономического союза" // Онлайн–сервис «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/23ms0005/ (Дата обращения: 01.05.2026)

[315] Решение Высшего совета ЕАЭС от 06.12.2018 № 18 "О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза" // Онлайн–сервис «Альта–Софт» – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/18vr0018/ (Дата обращения: 01.05.2026)

[316] Решение Высшего совета ЕАЭС от 6 декабря 2018 года N 23 О формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза // Электронный фонд правовых и нормативно–технических документов – URL: https://docs.cntd.ru/document/551866200?marker=8PK0M2 (Дата обращения: 01.05.2026)

Приложение 8

Хронология подписания международных соглашений ЕЭК (2015–2025 гг.)

Год	Название соглашения	Уровень	Основные положения	Статус
2015	ЗСТ с Вьетнамом	Соглашение о ЗСТ	Тарифные льготы, устранение нетарифных барьеров, унификация правил происхождения, создание механизмов урегулирования споров.	Действует с октября 2016 года
2019	ЗСТ с Сингапуром	Соглашение о ЗСТ (частичное)	Прогресс в торговле услугами и инвестициях. Торговля товарами на стадии согласования.	Частично действует с 2021 года
2019	ЗСТ с Сербией	Соглашение о ЗСТ	Поддержание действующего режима торговли между Сербией и странами ЕАЭС, предусмотренного прежними двусторонними соглашениями.	Действует с 2021 года
2023	ЗСТ с Ираном	Соглашение о ЗСТ	Переход от временного соглашения (2018) к полноценному. Расширение товарной номенклатуры и снижение пошлин.	Заключено в декабре 2023 года, вступление в силу в 2024 году
2025	Соглашение об экономическом партнерстве с ОАЭ	Соглашение об экономическом партнерстве	Либерализация и упрощение торговли товарами, упрощение таможенных процедур, правил электронной торговли и защиты интеллектуальной собственности, взаимопонимание по сектору	Подписан в июне 2025 года, вступил в силу в октябре 2026 года

			энергетических ресурсов	
2025–2026	ЗСТ с Индонезией	Соглашение о ЗСТ	Либерализация и упрощение торговли товарами, упрощение таможенных процедур, правил электронной торговли и защиты интеллектуальной собственности.	Подписан в декабре 2025 года, ведется работа по введению в силу
2025–2026	Временное торговое соглашение с Монголией	Временное торговое соглашение (Соглашение о ЗСТ)	Базовое соглашение в области либерализации торговли в целях поддержки экономического взаимодействия между странами и расширения и диверсификации торговли, а также дальнейшей разработки полноценного торгового соглашения.	Подписан в июне 2025 года, вступил в силу в июле 2026 года

Составлено автором на основе анализа международных соглашений ЕЭК[317].

[317] Торговые соглашения Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/ (Дата обращения: 21.10.2026);

Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/0e6/EAEU_VN-FTA_rus.pdf (Дата обращения: 21.10.2026);

Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/4d0/EAEU_Singapore-FTA_Main-Agreement.pdf (Дата обращения: 21.10.2026);

Рамочное соглашение о всеобъемлющем торгового-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/766/EAEU_Singapore-Framework-Agreement.pdf (Дата обращения: 21.10.2026);

Соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербия, с другой стороны //

Приложение 9

Динамика внешнеэкономических приоритетов ЕЭК по годовым программам

Год	Приоритетные регионы	Ключевые направления	Новые элементы
2016	СНГ, Китай, Вьетнам	Развитие ЗСТ, гармонизация техрегулирования, взаимное признание стандартов	Начало переговоров с Ираном. Акцент на сопряжение с китайской инициативой ОПОП.
2019	Юго-Восточная Азия, Южная Азия	Институционализация экономического диалога, цифровизация торговли, взаимные инвестиции	Соглашения с Сингапуром. Переговоры с Индией активизировались.

Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/702/EAEU-Serbia-FTA-_rus_1_.pdf (Дата обращения: 21.10.2026);

Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/eb2/n32vcu5h1t20jojo02b0463coi12iar0/SST-EAES-Iran.pdf (Дата обращения: 21.10.2026);

Соглашение об экономическом партнерстве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Объединенными Арабскими Эмиратами, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/02c/9hrkyl87seednrhkfy0h2qoqvdddtlyt/EAES-OAE-russkiy-neofits-perevod.pdf (Дата обращения: 21.10.2026);

Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Индонезией, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/4ec/34qli06qb3vlolawi3p0al3814a4zikt/SST-EAES-_-Indoneziya.pdf (Дата обращения: 21.10.2026);

Временное торговое соглашение между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Монголией, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/70d/lzubz5zn58p7pevispjh9agvjzkmf105/Vremennoe-torgovoe-soglashenie-EAES_Mongoliya.pdf (Дата обращения: 21.10.2026).

2021	Африка, Южная Азия	Сотрудничество в инфраструктуре и транспорте, агропромышленность, энергетика	Меморандумы с Египтом, Индией. Выход на африканский трек. Расширение «геополитического радиуса».
2024	Латинская Америка, Ближний Восток, Африка	Интеграция поставок, сопряжение с программами устойчивого развития, цифровые платформы	Участие стран-наблюдателей. Запросы на ЗСТ от Пакистана, Индонезии, ОАЭ. Проработка ассоциированных форм участия.

Составлено автором на основе ранее опубликованной статьи по рассматриваемой проблематике[318].

[318] Сердюков И.А. Эволюция международных отношений ЕАЭС через призму стратегических документов ЕЭК / И.А. Сердюков // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – №12. – С. 296–300.